

397
П.Н.Зырянов

Православная церковь

в борьбе с революцией 1905-1907гг.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт истории СССР

П. Н. Зырянов

Православная
церковь
в борьбе
с революцией
1905—1907 гг.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
А. И. КЛИБАНОВ

Издательство «Наука»
Москва 1984

Монография показывает контрреволюционную деятельность церкви в период первой русской революции. Показаны участие церкви в избирательных кампаниях перед созывом I и II Думы, борьба церковного руководства против группы священников-демократов во II Думе. Особо выделено участие церкви в подготовке третьеиюнского государственного переворота. В ряде разделов освещается народное антиклерикальное движение.

Павел Николаевич Зырянов

**Православная церковь в борьбе с революцией
1905—1907 гг.**

Утверждено к печати Институтом истории СССР Академии наук СССР

Редактор издательства Е. Д. Евдокимова Художник Ф. Н. Буданов
Художественный редактор Н. Н. Власик Технический редактор Т. С. Жарикова
Корректор Г. М. Котлова

ИБ № 26872

Сдано в набор 10.01.84. Подписано к печати 25.04.84. Т-02382. Формат 60×90^{1/16}
Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 14
Уч.-изд. л. 16,6. Усл. кр. отт. 14,125. Тираж 3700 экз. Тип. зак. 3579. Цена 1 р. 70 к.
Издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва В-485 Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

3 0505020000—188
042(02)—84 29—84, II

© Издательство «Наука», 1984 г.

Введение

История трех российских революций начала XX в., в авангарде которых шел рабочий класс во главе с партией большевиков, принадлежит к числу ведущих тем советской исторической науки. Первая русская революция 1905—1907 гг. нанесла мощный удар по всем силам старого строя (самодержавию, помещикам, капиталистам, реакционным служителям церкви), вписала яркую страницу в историю классовой борьбы. Февральская буржуазно-демократическая революция привела к падению 300-летней династии Романовых, открыла прямую дорогу к социалистической революции. Великая Октябрьская социалистическая революция знаменовала собой новую эру в истории человечества. Исторические завоевания Октября открыли путь к построению социалистического общества в нашей стране.

Одним из глубоких демократических преобразований, осуществленных в России в результате победы Октября, было полное и действительное воплощение в жизнь принципов свободы совести. 20 января (2 февраля) 1918 г. Советское правительство приняло «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах». Этим декретом провозглашалось введение свободы совести на территории Советской Республики, отделение церкви от государства и школы от церкви¹.

Основные начала ленинского декрета вопли в соответствующие положения последующих конституционных актов. В статье 52 действующей ныне Конституции СССР говорится: «Гражданам СССР гарантируется свобода совести, то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культуры или вести атеистическую пропаганду. Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается».

Церковь в СССР отделена от государства и школа — от церкви»².

Победа социалистических отношений в нашей стране, широкое распространение научных основ мировоззрения вызвали отход от религии и церкви громадной части населения. Значительные изменения произошли и во взглядах людей, сохраняющих религиозные верования. Современный верующий в нашей стране не изолирован от воздействия социалистического образа жизни, от влияния общепризнанных идей и представлений, он вырос и сформировался как личность в условиях социализма. Это отра-

¹ Декреты Советской власти. М., 1957, т. 1, с. 371—374.

² Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977, с. 22.

жается на позиции современной церкви. Как отмечается в литературе, «большинство религиозных организаций в СССР дают положительную оценку социальным революциям, приведшим к общественному переустройству мира, приветствуют борьбу трудающихся масс за политическую свободу и национальную независимость, высоко ценят трудовую деятельность и творческую активность, научные знания и нравственное совершенство»³.

Отражая настроения рядовых верующих, русская православная церковь и другие религиозные организации, действующие в СССР, активно включились в движение сторонников мира. «Коммунисты поддерживают выступления религиозных деятелей в пользу разрядки, в защиту мира, против угрозы термоядерной войны. В таком духе неоднократно высказывались руководители русской православной церкви, ряд протестантских, католических, буддистских, мусульманских деятелей. Представительная всемирная конференция „Религиозные деятели мира против ядерной угрозы“ состоялась в мае 1982 г. в Москве»⁴.

Положительно оценивая все отмеченные выше установки современного православия, нельзя забывать, что они вошли в церковное учение сравнительно недавно, под воздействием победы социализма в нашей стране. Между тем рядовой верующий и даже неверующий, незнакомый с исторической литературой, может получить неправильное представление, будто эти установки и прежде были присущи религиозному учению, будто они унаследованы нынешними идеологами православия от их дореволюционных предшественников.

Было бы большой ошибкой отождествлять взгляды современных руководителей церкви и дореволюционных церковников. Реакционное духовенство начала XX в. играло видную роль в лагере контрреволюции. Церковное учение, сформировавшееся под воздействием таких деятелей, как митрополит Филарет (Дроздов) и обер-прокурор К. П. Победоносцев, было направлено на поддержание отживших социально-экономических и политических порядков, широко использовалось силами реакции в качестве идеологического оружия. Революционная борьба народных масс в период трех российских революций велась не только против самодержавия, помещиков и капиталистов, но и против клирикальной реакции.

«Постепенное и добровольное приобщение трудающихся масс к диалектико-материалистическому мировоззрению,— отмечает М. П. Мчедлов,— предполагает систематическую и многостороннюю научно-атеистическую работу, которую марксизм-ленинизм рассматривает как важную часть общекультурного дела, имеющую вековые традиции в прогрессивной общественной мысли всех народов»⁵. Объективное освещение истории церкви — неотъемлемая часть такой работы. В Постановлении июньского (1983 г.)

³ Новиков М. П. Тупики православного модернизма. М., 1979, с. 155.

⁴ Мчедлов М. Религия, церковь, политика.— Коммунист, 1982, № 14, с. 99.

⁵ Там же, с. 101.

Пленума ЦК КПСС говорится о необходимости «активнее вести пропаганду научно-материалистических взглядов среди населения, уделять больше внимания атеистическому воспитанию»⁶.

Изучение деятельности православной церкви в период трех революций, в том числе в годы первой русской революции, имеет важное значение и для исследования расстановки классовых сил в этот период. Историю революционной борьбы нашего народа можно глубже осмыслить и понять лишь тогда, когда будет изучен и объект, против которого была направлена эта борьба,— самодержавие и его союзники.

Настоящая работа ставит своей задачей показать контрреволюционную деятельность церкви в союзе с самодержавием в период первой русской революции. При этом имеются в виду не только прямые действия против революции, но и попытки духовенства перегруппировать свои силы, выработать новые приемы борьбы с революцией. Основное внимание в работе сосредоточено на вопросе общеполитическом. В настоящее время в советской литературе более полно изучено пародное антиклерикальное движение 1905—1907 гг.⁷ Результаты этих исследований используются в настоящей работе.

Актуальность изучаемой темы подчеркивается также тем обстоятельством, что в церковной и зарубежной буржуазной литературе предпринимались и предпринимаются попытки поставить вопрос о частичном союзе между церковью и освободительным движением в ходе первой русской революции. Одним из первых такую попытку сделал церковный обновленец Б. В. Титлинов. Во время революции, писал он, «в среде духовенства обозначилось явное раздвоение». Большинство высшего духовенства, «кто за страх, а кто и за совесть», содействовало правительству. Либеральные же элементы в основном «сочувствовали освободительному движению». Правда, отмечал Титлинов, некоторые из церковных либералов «были настроены консервативно». Однако все они «сходились на одной платформе, которую можно назвать церковно-общественной»⁸.

Титлинов сосредоточил внимание в основном на том, что разъединяло церковных «либералов» и консерваторов. Отсюда и получился вывод о том, что церковные консерваторы примкнули к силам старого режима, а «либералы» — к освободительному движению. Но как удалось церкви в таких условиях сохранить единство? Титлинов не смог ответить на этот вопрос.

В русле высказанных Титлиновым идей находятся и основные положения работы Н. П. Розанова, написанной также в советское время. Хотя эта неопубликованная работа носит характер воспоминаний о жизни московского духовенства, некоторые выво-

⁶ Правда, 1983, 16 июня.

⁷ Персиц М. М. Атеизм русского рабочего (1870—1905). М., 1965; Емельях Л. И. Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М.; Л., 1965; и др.

⁸ Титлинов Б. В. Церковь во время революции. Пг., 1924, с. 9, 11, 16, 19.

ды автора претендуют на роль исторических обобщений. Н. П. Розанов был известным краеведом, состоял в обществе «Старая Москва» и в своих мемуарах выступал, по его собственному замечанию, «в некотором роде историком». Усиленно подчеркивая «прогрессивные» тенденции московского духовенства, Розанов в ряде случаев идет дальше Титлинова. В Москве, по его мнению, происходила настоящая «церковная революция». Борьбу группы московских обновленцев против митрополита автор называл «организованным походом на самодержавие духовного владыки, а вместе с тем — светского»⁹.

В ходе дальнейшего изложения, на основе воспоминаний самого Розанова и других источников, мы убедимся, насколько убогой была «революция» московских священников, закончившаяся встречей с синодальным обер-прокурором в «Славянском базаре». В данном же случае важно подчеркнуть, что традиции Титлинова и Розанова отнюдь не сданы в архив, что их явно тенденциозные выводы стали достоянием западной историографии и получили в ней свое продолжение.

В этой связи прежде всего следует назвать книгу американского историка Джона Куртисса «Церковь и государство в России». Куртисс признает, что «в острых столкновениях революции 1905 г.» рабочие и крестьяне начинали понимать, что политика церкви расходится с их интересами. Такая позиция церкви, считает автор, определялась прежде всего ее иерархами, «твердыми защитниками самодержавного режима», принуждавшими духовенство бороться против антиправительственного движения. В то же время, по мнению автора, «существовала многочисленная группа священников, либеральных по своим политическим и экономическим взглядам», значительная часть духовенства имела «оттенок либерализма, а некоторые придерживались радикальных идей левых»¹⁰.

Чем же объяснить, что церковь как институт осталась на стороне самодержавия, если значительная часть ее служителей оказалась в русле либерализма? Куртисс объясняет это репрессиями церковных властей. При этом он, видимо, забывает, что эти репрессии развернулись только с начала 1906 г. В 1905 г. по политическим мотивам был лишен сана только один священник — Г. А. Гапон. Между тем в течение этого года, как и последующих, церковь активно поддерживала правительство в его борьбе с революцией. Таким образом, преувеличение либеральных сил в православной церкви приводило всех трех авторов (Титлинова, Розанова и Куртисса) к яльному противоречию с историческими фактами. Отсутствовало в их работах и четкое определение границ церковного либерализма. Соединяя, не всегда правомерно,

⁹ Розанов Н. П. «Второе сословие»: Мои воспоминания о жизни московского духовенства в последнее 50-летие перед революцией.— Гос. б-ка им. В. И. Ленина, РО (далее: РО ГБЛ), ф. 250, папка 2, д. 1, л. 4, 193.

¹⁰ Curtiss J. Sh. Church and State in Russia. The Last Years of the Empire, 1900—1917. New York, 1972, p. 198, 202, 243, 283.

церковный «либерализм» с светским либеральным движением, эти авторы пытались хотя бы отчасти реабилитировать роль духовенства в первой русской революции.

Приведенные положения в различных вариациях присутствуют во всей вышедшей на Западе немарксистской литературе, касающейся деятельности российской православной церкви в 1905—1907 гг.¹¹

Марксистское освещение роли православной церкви в общественном движении вообще и в революции 1905—1907 гг. в частности впервые было предпринято в трудах В. И. Ленина «Социализм и религия», «Об отпоплении рабочей партии к религии», «Либералы и клерикалы» и в ряде других работ. Изучение этой проблемы было поставлено Лениным на подлинно научную, марксистскую основу. Прежде всего, Ленин показал социальные корни религии в условиях эксплуататорского общества. «Социальная придавленность трудящихся масс, кажущаяся полная беспомощность их перед слепыми силами капитализма, который причиняет ежедневно и ежечасно в тысячу раз больше самых ужасных страданий, самых диких мучений рядовым рабочим людям, чем всякие из ряда вон выходящие события вроде войн, землетрясений и т. д., — вот в чем самый глубокий современный корень религии», — писал В. И. Ленин¹². В трудах В. И. Ленина показана и социальная роль религии в капиталистическом обществе, используемой буржуазией для поддержания своего господства.

С этих принципиальных позиций Ленин рассматривал деятельность православной церкви. Он показал ее тесную связь с самодержавием, разоблачил проводимую «крепостниками в рясах» защиту «феодальных привилегий церкви, открытое отстаивание средневековья»¹³.

Вместе с тем Ленин отмечал начавшееся в годы революции брожение среди рядового духовенства, выделение обновленческого крыла, появление отдельных священников, вполне искренне, хотя и недостаточно последовательно, разделяющих демократические убеждения. В одной из своих работ Ленин писал о члене II, Думы трудовике священнике Ф. В. Тихвинском, достойном «всякого уважения за его искреннюю преданность интересам крестьянства, интересам народа, которые он безбоязенно и решительно защищает»¹⁴.

Определенное место в работах Ленина уделяется вопросу об отношении к религии и церкви буржуазно-либеральных партий. Как отмечал Ленин, «октябрист воюет против крайностей клери-

¹¹ Walkin J. The Rise of Democracy in Pre-Revolutionary Russia. Political and Social Institutions under the Last Three Czars. London, 1963, p. 124, 208, 214; Burd Th. Religion and the Revolution of 1905: an introductory word.— Russian History, Temple, 1977, vol. 4, N 2; Kösler R. Kirche und Revolution in Russland. Köln, 1969; Simon G. Kirche, Staat und Gesellschaft.— In: Rußlands Aufbruch ins 20 Jahrhundert. Olten-Freiburg im Breisgau, 1970.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 419.

¹³ Там же, с. 431.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 157.

кализма и полицейской опеки для усиления влияния религии на массы, для замены хоть некоторых средств оглушения народа, слишком грубых, слишком устарелых, слишком обветшавших, не достигающих цели, более тонкими, более усовершенствованными средствами». Ленин подчеркивал, что «точка зрения кадетов совершенно тождественна с точкой зрения октябристов»¹⁵.

В. И. Ленину принадлежит четкая разработка вопроса об отношении рабочей партии к религии. Уже в «Проекте программы партии» Ленин выдвинул требование отделения церкви от государства и школы от церкви¹⁶. Позднее Ленин дал развернутую характеристику позиций социал-демократов по религиозному вопросу. «Не должно быть никакой „господствующей“ веры или церкви,— разъяснял Ленин.— Все веры, все церкви должны быть равны перед законом. Священникам разных вер могут давать содержание те, которые принадлежат к их верам, а государство из казенных денег не должно поддерживать ни одной веры, не должно давать содержание никаким священникам, ни православным, ни раскольническим, ни сектантским, никаким другим»¹⁷.

Однако, требуя объявления религии частным делом по отношению к государству, Ленин выступал против попыток объявить религию «частным» делом по отношению к рабочей партии. Наоборот, отмечал Ленин, партия «должна быть идеальным вождем в борьбе со всяkim средневековьем, а в том числе и со старой, казенной религией и со всеми попытками обновить ее или обосновать заново или по-иному и т. д.»¹⁸ Вместе с тем Ленин отвергал и призывы объявить немедленную войну религии. По мнению Ленина, это означало бы «выдвигать религиозный вопрос на первое место, отнюдь ему не принадлежащее». Напротив, писал Ленин, «мы не запрещаем и не должны запрещать пролетариев, сохранившим те или иные остатки старых предрассудков, сближение с нашей партией». «Никакими книжками и никакой проповедью нельзя просветить пролетариат, если его не просветит его собственная борьба против темных сил капитализма. Единство этой действительной революционной борьбы угнетенного класса за создание рая на земле важнее для нас, чем единство мнений пролетариев о рае на небе»¹⁹.

Партия, указывал Ленин, должна направить свою борьбу прежде всего против социальных корней религии. «Следует ли из этого, что просветительская книжка против религии вредна или излишня?» — ставил вопрос Ленин и отвечал на него: «Нет... Из этого следует, что атеистическая пропаганда социал-демократии должна быть подчинена ее основной задаче: развитию классовой борьбы эксплуатируемых масс против эксплуататоров»²⁰.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 434—435.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 206.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 173.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 425.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 146.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 419—420.

Борьба с религией занимала подчиненное положение в общей стратегии пролетарского движения. Однако тем самым отнюдь не умалялось историческое значение этой борьбы. «И во Франции и в Германии,— писал Ленин,— есть традиция буржуазной войны с религией, начатой задолго до социализма (энциклопедисты, Фейербах). В России, соответственно условиям нашей буржуазно-демократической революции, и эта задача ложится почти всецело на плечи рабочего класса»²¹.

Именно с точки зрения этой задачи и рассматривается в трудах В. И. Ленина роль православия в революции 1905—1907 гг. Ряд конкретных ленинских оценок по этому вопросу нам еще предстоит рассмотреть по ходу изложения.

Многочисленные исследования в области истории религии и атеизма принадлежат сподвижникам Ленина В. Д. Бонч-Бруевичу и А. В. Луначарскому. К теме настоящей работы непосредственное отношение имеет, в частности, статья В. Д. Бонч-Бруевича «Силы русского клерикализма», опубликованная в «Искре» в 1903 г. Автор предостерегал против недооценки этих сил. Духовное словие, подчеркивал он, «несомненно, выступит особенно сильно и энергично тогда, когда силы российской революции станут по всей линии лицом к лицу с силами российского самодержавия»²². Эти слова подтвердились в наступившей через два года революции.

Ряд положений статьи В. Д. Бонч-Бруевича получил дальнейшее развитие в статье А. В. Луначарского, написанной весной 1905 г. и помещенной в большевистской газете «Вперед». Если Бонч-Бруевич предупреждал против недооценки потенциальных возможностей русского клерикализма, то Луначарский отмечал факт появления клерикализма «как самостоятельной силы». «Нет сомнения,— писал автор,— что огромное большинство духовенства представит из себя агентуру консерватизма, а при случае и злой реакции, нет сомнения, однако, что, уступая веяниям времени, церковь будет выделять из себя еретические отростки с либеральными и даже расплювчато-социалистическим цветами». Автор призывал использовать начавшееся «самоосвобождение церкви» для пропаганды требования отделения церкви от государства. Вместе с тем в статье ставился вопрос о секуляризации церковных имуществ, об освобождении церкви «от груза золотых миллионов и громадных имений». «„Идейная церковь“ (т. е. реформированная, обновленная церковь.— П. З.) не нуждается в подобном оружии, а народ, обобранный, обнищалый, вымирающий народ нуждается, болезненно, остро нуждается в немедленной материальной помощи»,— подчеркивал А. В. Луначарский. Выступая в поддержку освобождения церкви от полицейской опеки и груза накопленных богатств (и создавая тем самым условия для буржуазной реформации церкви), социал-демократы,

²¹ Там же, с. 423—424.

²² Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения. М., 1959, т. 1, с. 136.

говорилось в статье, должны вместе с тем не оставлять проповедь материалистической философии, разоблачать «сладкий дурман» религиозного учения, звать народные массы «к нашей борьбе за действительное счастье на земле». В статье были четко сформулированы требования социал-демократов по религиозному вопросу на этапе буржуазно-демократической революции. Следует отметить и то, что уже весной 1905 г., когда соотношение сил в господствующей церкви еще не вполне выяснилось, Луначарский сумел заметить три намечавшиеся в ней течения (крайне реакционное, консервативное и обновленческое) ²³.

Изучение роли православной церкви в революции 1905—1907 гг. началось в советской марксистской литературе с 20-х годов. В нашем распоряжении имеются два обзора вышедшей с этого времени литературы ²⁴, к которым можно было бы отослать интересующегося читателя. Первый обзор, написанный Е. Ф. Грекуловым и П. К. Курочкиным, носит общий характер, включает всю советскую литературу о православии, в том числе и на его современном этапе. В связи с этим авторы были лишены возможности подробно осветить литературу, посвященную периоду первой русской революции. Второй обзор, Е. А. Преображенской, имеет специальную задачу проанализировать исследования о деятельности церкви в период 1905—1907 гг., сосредоточив основное внимание на ее отношении к революции. Однако автор, как представляется, слишком узко подошла к решению этой задачи, исключив всю литературу, посвященную, как говорится в статье, «вопросам внутренней истории церкви этого периода» ²⁵. В списке «изгнанных» оказались работы, освещавшие попытки модернизации церкви в новых условиях, выработку новых приемов и методов борьбы с революционным движением, т. е. «штабную работу» правительственные и церковных верхов. Многие из новинок, изобретенных в ходе этой работы, затем испытывались в практике повседневной контрреволюционной деятельности церкви. Вряд ли поэтому правомерно сделанное Е. А. Преображенской сужение темы. Учитывая указанные особенности имеющихся обзоров, видимо, все же следует отметить основные вехи историографического развития интересующей нас темы.

«События первой русской революции,— справедливо отмечает Е. А. Преображенская,— дают богатейший материал для разоблачения контрреволюционной в целом роли православного духовенства в общественном движении того времени». В 20—30-е годы этот материал широко использовался авторами популярных атеистических книг и брошюр. Выходившая тогда литература по

²³ Луначарский А. В. Почему нельзя верить в бога. М., 1965, с. 190—192.

²⁴ Грекулов Е. Ф., Курочкин П. К. Исследование православия в советской литературе.— В кн.: Вопросы научного атеизма. М., 1967, вып. 4; Преображенская Е. А. Православная церковь и первая русская революция: Историографический обзор.— В кн.: Проблемы истории СССР. М., 1976, вып. 5.

²⁵ Проблемы истории СССР, вып. 5, с. 398.

теме носила ярко выраженный разоблачительный характер. В ней описывались лишь фронтальные столкновения церковной контрреволюции с силами народно-революционного движения, отсутствовал анализ стратегии и тактики церкви в борьбе с революцией, расстановки политических сил внутри духовенства, его попыток выработать новые тактические приемы воздействия на народные массы. В качестве примера можно сослаться на две небольшие книги — Ф. Путинцева и Б. П. Кандидова, вышедшие в 1926 г.²⁶ В противовес утверждениям Титлинова авторы доказывали, что не только иерархия, но и основная масса рядового духовенства выступала всецело на стороне самодержавия. Это были полезные для своего времени книги, не претендовавшие на академическую научность, но содержащие большой разоблачительный материал. Такой же характер носила и другая вышедшая в эти годы литература. Более полный ее обзор имеется в статье Е. А. Преображенской.

Переходя к более поздней литературе, прежде всего следует остановиться на работах Е. Ф. Грекулова, впервые выступившего в печати в довоенный период и продолжавшего изучение пореформенного православия и в последующие годы. В 1969 г. вышла его книга «Церковь, самодержавие, народ». В пределах этой небольшой книги, освещющей историю православной церкви на протяжении всего периода от падения крепостного права до падения самодержавия, автору удалось выявить основные направления в православии, их различия и их единство в борьбе с революцией, показать глубокий кризис православия в пореформенную эпоху²⁷. Однако научно-популярный характер и небольшой объем книги не позволили автору детализировать свои выводы и наблюдения относительно отдельных периодов, затронуть более глубокий пласт событий и выявить не столь очевидные, подспудные направления контрреволюционной деятельности духовенства, питавшие ее внешние проявления новыми «идеями» и «методами».

Углубленный исследовательский характер носит обширная статья Н. Ф. Платонова, в прошлом ленинградского митрополита, порвавшего с религией. Платонову удалось доказать, что в годы революции духовенство, за некоторыми исключениями, было едино в своем стремлении спасти самодержавие. Это, как мы видели, в общем соответствует ленинским оценкам и опровергает выводы Титлинова о распределении духовенства между двумя лагерями — правительственным и оппозиционным. Однако в изображении Платонова церковь оказывается слишком единой (что вряд ли было возможно в условиях переживавшегося ю острого кризиса), три основных течения в духовенстве (черносотенное, консервативно-традиционистское и обновленческое) лишь наме-

²⁶ Путинцев Ф. Церковь в 1905 году. М., 1926; Кандидов Б. П. Церковь в 1905 году. М., 1926.

²⁷ Грекулов Е. Ф. Церковь, самодержавие, народ. М., 1969.

чаются — да и то уже в период отступления революции²⁸. Как будет показано ниже, эти три течения наглядно выявились уже в 1905 г., а с середины 1906 г., наоборот, началось некоторое их затушевывание и восстановление видимости церковного единства. Следует отметить и то, что Платонов, обладавший первоклассной эрудицией в области церковной истории, не столь свободно ориентировался в нецерковной, гражданской истории. Поэтому ему не вполне удалось вписать свое исследование в общую канву исторических событий.

Платонов лишь задел те более глубокие контрреволюционные направления церковной деятельности, о которых говорилось выше. Дальнейшее развитие историографии пошло по пути постепенного обнаружения и показа этих направлений, тесно связанных с проявившимися в православной церкви эволюционными тенденциями. Поскольку большинство новых рецептов борьбы с массовым революционным движением исходило от церковных обновленцев, в литературе встал вопрос о предпосылках, месте и значении церковного обновленческого движения. В разрешение этих вопросов определенный вклад внесла статья Н. С. Гордиенко и П. К. Курочкина. Авторы показали социальную основу религиозного прогрессизма, отметили 1905 год как начальную веху церковно-обновленческого движения. Проанализировав программу обновленцев, Гордиенко и Курочкин пришли к выводу, что ее реализация «означала бы своего рода русский вариант реформации, призванный ликвидировать разрыв между капиталистическим развитием России и феодально-крепостническим характером господствующей в ней православной идеологии»²⁹. Однако место обновленцев в общем контексте общественного движения авторы наметили лишь ориентировочно, указав на близость их церковной программы интересам либеральной буржуазии.

Этот вопрос остался недостаточно разработанным и после диссертации В. М. Андреева, посвященной церковно-обновленческому движению. Автор ограничился тем, что повторил вывод Н. С. Гордиенко и П. К. Курочкина относительно «русского издания реформации»³⁰. Достоинством работы В. М. Андреева является то, что автор показал разнородность сил, участвовавших в церковной «штабной работе». Здесь были представители иерархии, черного духовенства, черносотенных объединений и, наконец, обновленческого духовенства³¹. Все они по-разному смотрели на суть церковного кризиса, преследовали неодинаковые цели

²⁸ Платонов Н. Ф. Православная церковь в борьбе с революционным движением в России (1900—1917).—В кн.: Ежегодник Музея истории религии и атеизма (далее: Ежегодник МИРА), М.; Л., 1960, т. 4, с. 156, 157.

²⁹ Гордиенко Н. С., Курочкин П. К. Либерально-обновленческое движение в русском православии начала XX века.—В кн.: Вопросы научного атеизма. М., 1969, вып. 7, с. 332.

³⁰ Андреев В. М. Либерально-обновленческое движение в русском православии начала XX в. и его идеология: Автореф. дис. ...канд. филос. наук. Л., 1971, с. 12, 13.

³¹ Там же, с. 9.

и отставали различные проекты, что порождало острую борьбу в духовенстве и правительственный верхах.

В литературе появилась тенденция рассматривать «штабную работу» церкви в отрыве от «оперативной», т. е. текущей контрреволюционной деятельности церкви. Последствия этой тенденции не замедлили сказаться. Поскольку в «штабной работе» очень активно выступали обновленцы, они стали рассматриваться как представители всего рядового духовенства. «Вопросы предлагаемой церковной реформы,— пишет М. Н. Куроев,— по-разному трактовались иерархами и рядовым духовенством. Первые, выражая интересы бюрократической верхушки, не были в ней заинтересованы, а второе, тяготея к либерально-буржуазным позициям, выступало за реформу»³². Здесь спорно каждое из утверждений. Во-первых, как увидим по ходу изложения, намерения церковной иерархии и светской бюрократии не совсем совпадали, и последняя защищала свои интересы самостоятельно. Во-вторых, иерархия проявляла живой интерес к церковным реформам и активно разрабатывала свои собственные проекты. Но не это главное. Главное — третье. Еще в статье Н. Ф. Платонова на основании многочисленных фактов было убедительно подкреплено проходящее через всю советскую историографию положение о том, что основная масса духовенства поддерживала самодержавие и послушно следовала за иерархией, что либеральное духовенство составляло незначительное меньшинство. В данном же случае мы наблюдаем стихийный возврат на позиции Б. В. Титлина.

В литературе существуют разногласия и относительно тех течений, которые выявились в среде духовенства. Платонов, как уже отмечалось, упоминал о трех течениях. Е. А. Преображенская считает возможным говорить лишь о двух — клерикально-черносотенном и либерально-обновленческом³³. (Оба автора, впрочем, сходятся в том, что называют петербургского митрополита главою обновленцев,— решение, как увидим, тоже спорное.) Подобные расхождения — результат недостаточной изученности темы. Совершенно очевидна также необходимость комплексного подхода к ее исследованию, включающего как «оперативную», так и «штабную» работу церкви, а также народное антиклерикальное движение, явившееся ответом на контрреволюционную деятельность духовенства. По силе размаха этого движения можно судить о том, насколько успешна или неуспешна была церковно-монархическая проповедь со всеми теми новинками, которые пытались изобрести духовенство.

Настоящая работа не ставит своей целью найти окончательное решение всех упомянутых вопросов. Речь может идти лишь о более или менее полном выяснении некоторых из них, наибо-

³² Куроев М. Н. Революция 1905—1907 гг. и кризис политики царизма в религиозном вопросе.— В кн.: Вопросы научного атеизма. М., 1976, вып. 19, с. 183.

³³ Проблемы истории СССР, вып. 5, с. 409, 410.

лее важных и наименее изученных. В рамках указанной темы — церковь в борьбе с первой русской революцией — остаются недостаточно выясненными следующие вопросы. Во-первых, необходимо показать факторы, обусловившие особую контрреволюционность православной церкви. Для этого на основании анализа законодательства и административной практики необходимо определить место православной церкви в системе царского самодержавия. Во-вторых, в имеющейся литературе не совсем четко намечены этапы борьбы церкви с революцией, стратегические и тактические приемы этой борьбы. В-третьих, не получили полного освещения попытки церкви перестроить свои ряды, организоваться и наметить новые приемы борьбы с революционным движением, преодолеть свой внутренний кризис. В связи с этим встает и вопрос об оценке различных течений в среде духовенства, в частности обновленческого движения, его отношения к самодержавию и революции. Решение этого вопроса поможет установить, выступала ли церковь в продолжение революции единой организацией или же происходило распределение ее сил между правительственный лагерем и либеральным. Освещение всех указанных вопросов позволило бы более точно определить, какова была роль в событиях 1905—1907 гг. такой серьезной силы, как православная церковь, дополнить общую картину расстановки классовых и политических сил в первой русской революции.

*

Разработка проблемы обеспечивается обширным комплексом источников, опубликованных и архивных. К первой категории относятся законодательные акты, общегражданские и специально церковные, синодальные определения и указы (часть из них не публиковались, а некоторые публиковались частично), официальный отчет обер-прокурора за исследуемые годы, воспоминания церковных иерархов, священников и правительственные чиновников. В настоящей работе использованы воспоминания митрополита (в изучаемый период — епископа) Евлогия, священника Г. А. Гапона, а также С. Ю. Витте, С. Е. Крыжановского и Д. Н. Любимова.

Большой фактический материал имеется также в церковной и светской периодике. В частности, незаменимым источником в работе над данной темой явились синодальные «Церковные ведомости» (неофициальная часть этого издания называлась «Прибавления к „Церковным ведомостям“»). Особую ценность этот источник приобрел с осени 1905 г., когда была значительно расширена программа синодального органа и жизнеописания святых и подвижников уступили место статьям по злободневным политическим вопросам.

Документальные публикации по названной теме стали выходить еще в дореволюционный период («Историческая переписка

о судьбах православной церкви». М., 1912). В советское время ряд интересных публикаций был помещен в журналах «Былое» и «Красный архив». Особое значение для раскрытия контрреволюционной деятельности церкви имеют сборник документов «Царизм в борьбе с революцией 1905—1907 гг.» (под ред. А. К. Дрезена. М., 1936) и многотомная публикация «Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы», изданная в 1955—1965 гг.

Архивные источники, освещающие тему настоящей работы, можно подразделить на две основные группы. В первую войдут архивные фонды центральных и местных органов церковного управления. Во вторую — фонды учреждений вне «ведомства православного исповедания», а также фонды личные. Фонды первой категории составляют упорядоченный и иерархически согласованный комплекс. Фонды второй категории по отношению к данной теме располагаются более или менее случайно. Поэтому целям ее последовательного освещения отвечало освоение прежде всего фондов первой категории. Материалы центрального церковного управления хранятся в ЦГИА СССР. Они сосредоточены главным образом в двух фондах: канцелярии обер-прокурора Синода и канцелярии Синода. Оба фонда структурно разбиваются по годам. Обер-прокурорский фонд, кроме того, разделяется на отделения и «столы». Четкое разграничение по тематике между ними отсутствует, но в принципе каждый «стол» ведал своим особым кругом вопросов. 1-й стол содержит данные об обер-прокурорах и их товарищах и их частную переписку; 2-й стол осуществлял надзор над учебными заведениями; 3-й стол занимался делами о борьбе с «иноверием» и «расколо-сектантством», в годы революции сюда стали проникать дела о борьбе с социалистическим учением; 4-й стол ведал вопросами о награждениях, в 1905—1907 гг. здесь стали появляться дела о награждении священиков, оказавших услугу правительству в его борьбе с революцией; 5-й стол имел дисциплинарный характер, сюда стекались жалобы на местное духовенство, а также материалы о привлечении к суду священноцерковнослужителей. Из приведенного перечня видно, насколько полезен данный фонд для раскрытия темы настоящего исследования.

Фонд канцелярии Синода содержит протоколы и журналы Синода и дела к каждому пункту повестки дня заседаний Синода. Вследствие крайней централизации церковного управления фонд сильно засорен материалами второстепенного и третьестепенного значения. Отчасти он дублирует материалы канцелярии обер-прокурора. Однако в фонде канцелярии Синода более полно представлен материал о движении семинаристов и о попытках церкви перестроить свои ряды для более успешной борьбы с революцией. Отдельной описью в фонде выделены отчеты епархиальных архиереев, содержащие большой фактический материал.

В настоящей работе используются также материалы местных архивов — Ленинградского, Пензенского и Тульского. Привлече-

ны документы из фондов духовных консисторий и некоторых других органов местного церковного управления.

Что же касается тех фондов, которые выше условно отнесены ко второй категории, то в их числе прежде всего следует назвать фонд Департамента полиции в ЦГАОР СССР, а затем личные фонды краеведа Н. П. Розанова и московского епархиального миссионера И. В. Полянского в Рукописном отделе Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Фонд Департамента полиции содержит некоторые (не исчерпывающие) сведения о представителях крайних направлений в духовенстве (священниках-демократах и священниках-черносотенцах), попадавших в поле зрения полицейских властей. Кроме того, в этом фонде имеются материалы о движении грузинского духовенства и о семинарском движении. В фонде Н. П. Розанова хранятся его воспоминания.

Таков, в основном, круг использованных в настоящей работе источников. Некоторые из них впервые вводятся в научный оборот.

Глава первая

Православие в системе царского самодержавия

В любом антагонистическом обществе церковь тысячью путей, видимых и незримых, связана с господствующими классами, является носителем их идеологии, важным средством поддержания существующих социальных порядков. «Все и всякие угнетающие классы,— писал В. И. Ленин,— нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа»¹. Первый используется для подавления народных возмущений, второй отвлекает народные массы от борьбы за свое освобождение, авторитетом религии защищает существующие общественные порядки. Объявляя извечным и непреходящим деление общества на богатых и бедных, церковь вместе с тем пытается утвердить в сознании народных масс иллюзорные представления о религиозном «единении» всех верующих. Стараясь объединить под своей сенью все классы и социальные группы, церковь выступает с проповедью «всеобщего примирения», цель которой замедлить развитие классовой борьбы и революционных процессов. Подлинное единство противоположных по своим интересам классов, конечно, в принципе невозможно. Проповедуемое же церковью «единение» на деле означает подчинение народных илов идеологии господствующих классов, сохранение общественного разделения на эксплуататоров и эксплуатируемых.

Стремление церкви к религиозной интеграции общества было замечено выдающимися мыслителями прошлого — Т. Гоббсом, французскими материалистами XVIII в., русскими революционерами-демократами². Классовый смысл такого «объединения» раскрыли основоположники марксизма-ленинизма. «Социальные принципы христианства,— писал К. Маркс,— проповедуют необходимость существования классов — господствующего и угнетенного, и для последнего у них находится лишь благочестивое желание, дабы первый ему благодетельствовал»³. В. И. Ленин писал, что духовенство приукрашивает «фразами о любви к ближнему» политику господствующих классов, примиряет «угнетенные классы с их господством»⁴.

Консервативная роль церкви наглядно проявляется в том, что она пытается «объединить» верующих вопреки объективным ус-

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 26, с. 237.

² Мануйлова Д. Е. К критике функционалистской трактовки социальной роли религии.— Вестник МГУ. Сер. 8. Философия, 1973, № 3, с. 72.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 204.

⁴ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 30, с. 277.

ловиям антагонистического общества. Это подчеркивается в трудах современных советских социологов. «Религия в своей интегративной функции,— пишет советская исследовательница Д. Е. Мануйлова,— может оказать тормозящее воздействие на социальное развитие, может на какое-то время сплотить людей, чьи объективные интересы не совпадают, и тем самым продлить существование отживающего социального строя»⁵.

Степень успеха церкви в осуществлении интегративных функций зависит от конкретной расстановки классовых сил, а также от внутреннего состояния самой церкви. Последний фактор включает в себя степень разработанности социальной доктрины церкви применительно к условиям данного общества, наличие организационных форм, также подходящих к этим условиям, и, наконец, способность к маневрированию, подвижность и гибкость церковного руководства и рядовых служителей. Обычно подобными качествами в большей степени обладают «молодые» церкви, недавно вышедшие из сект⁶, а также церкви, только что пережившие период реформации.

Дело в том, что господствующие классы, высоко оценивая роль церкви в поддержании угодных им порядков, сплошь и рядом оказывают ей «медвежью услугу». Церковь охотно принимает щедрые пожертвования, быстро обогащается, добивается новых привилегий, более открыто смыкается с верхами общества, начинает защищать их непосредственные, сиюминутные, узкие интересы, заведомо отжившие порядки, утрачивает гибкость, не видит происходящих перемен. Постепенно она начинает терять в глазах рядовых верующих роль социального посредника, а вместе с этим, несмотря на внешний блеск, лишается и внутренней силы. Она уже не «объединяет» верующих. А раз так, в ней разочаровываются не только бедные, но и богатые. В связи с этим внутри самой церкви начинают происходить раздоры и расколы. Церковный кризис сопровождается попытками перестроить церковь, пересмотреть ее доктрину, «обновить ее или обосновать заново или по-иному и т. д.»⁷ В силу своего консерватизма церковь периодически попадает в кризисные ситуации и бывает вынуждена заниматься срочным «ремонтом».

Католическая церковь, которая с конца XVIII до конца XIX в. перенесла не одно тяжелое испытание, лишь в конце прошлого века, с немалым запозданием, приступила к своей перестройке в соответствии с требованиями новой эпохи. В 1891 г. папа Лев XIII издал знаменитую энциклику «Рерум новарум», положившую начало новой социальной доктрине католицизма. Энциклика утверждала право собственности как незыблемое священное право, по вместе с тем требовала искоренить злоупотребления и обман, обеспечить такое вознаграждение за труд, которое по-

⁵ Вестник МГУ. Сер. 8. Философия, 1979, № 3, с. 73.

⁶ О процессе перехода сект в церкви см.: Клибанов А. И. Религиозное секуляризмство в прошлом и настоящем. М., 1973, с. 6—8.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 425.

зволило бы рабочему вести скромную жизнь. Таким образом, церковь пыталась выступить в роли посредника между трудящимися и предпринимателями. Оборотной стороной таких «объединительных» попыток были содержавшиеся в энциклике выпады против социалистического учения⁸.

Обновление социальной доктрины католицизма сопровождалось поиском новых организационных форм. По-прежнему имея в качестве своей опоры самые отсталые слои населения, прежде всего сельского, католические деятели стали предпринимать попытки овладения пролетарским движением, стремясь направить его в русло буржуазного реформизма. Во Франции появились католические профсоюзы, делали первые шаги христианские демократы в Италии⁹. Существенной предпосылкой начавшихся перемен было формальное отделение церкви от государства в некоторых западных странах. Это отделение, с одной стороны, было серьезным ударом по католической церкви, с другой — подтолкнуло перемены и увеличило возможности для политического маневрирования духовенства. В советской социологической литературе подчеркивается, что «формальное отделение церкви от государства в условиях капитализма вовсе не означает, что церковь перестает быть элементом политической организации капиталистического общества»¹⁰. И в условиях капитализма религия продолжает исполнять политico-идеологические, пропагандистские и организаторские функции, направляя свои усилия на защиту интересов господствующих в буржуазном обществе классов¹¹.

Если католическая церковь, сильно запоздав с переменами, с конца XIX в. все же исподволь приступила к своей реорганизации, то иначе обстояло дело в православной церкви. В начале XX в. Россия шла по пути капиталистического развития, тормозившегося рядом крепостнических пережитков. В политической надстройке важнейшим из них было царское самодержавие. Между тем именно с ним русскую православную церковь связывали прочные политические, экономические и идеологические узы.

Законодательное закрепление союза церкви и государства в царской России

В начале XX в. положение православной церкви в России определялось в основном законодательными актами, принятыми еще в первой четверти XVIII в. Именно тогда, в эпоху петровских

⁸ Погашинская Н. Н. Католическая церковь и рабочее движение в Италии. М., 1979, с. 12—16.

⁹ Канделоро Дж. Католическое движение в Италии. М., 1955, с. 289, 296.

¹⁰ Москалев Ю. И. Место церкви в политической организации буржуазного общества.— Вестник МГУ. Сер. 8. Философия, 1973, № 1, с. 44.

¹¹ Религия и церковь в современную эпоху. М., 1976, с. 36, 40.

преобразований, был юридически оформлен давний союз между православием и царским самодержавием, церковь интегрировалась в систему феодально-абсолютистского государства как особая часть его административного аппарата и важнейшая идеологическая опора. Уже на закате своего царствования Петр I провел давно задуманную им реформу. В 1721 г. был издан «Духовный регламент», определивший обязанности, права и привилегии русского духовенства.

Основные идеи «Духовного регламента» наложили свой отпечаток на последующее законодательство, хотя сам регламент, оставаясь действующим законом, не был полностью кодифицирован в «Своде законов», составленный во времена Николая I. Уже в первой статье «Свода» содержалось религиозное обоснование самодержавной власти и тем самым закреплялся союз церкви и государства. «Император всероссийский,— гласил закон,— есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной его власти не только за страх, но и за совесть сам бог повелевает»¹².

Другие статьи «Свода законов» закрепляли привилегированное положение православной церкви. Статья 40 объявляла православие «господствующей и первенствующей» верой, а две последующие статьи определяли отношение императора к православной церкви. Обязанный придерживаться только православного исповедания, он объявлялся «верховным защитником и хранителем господствующей веры и блюстителем правоверия и всякого в церкви святой благочиния».

Формально закон разрешал исповедовать в пределах России все существующие религии, если они благословляют «царствование российских монархов»; говорилось даже о «свободе веры» (ст. 45). Законом не признавалось лишь внеисповедное состояние.

Но положение верующих различных исповеданий в империи было неодинаковым. Христианские исповедания имели преимущества перед нехристианскими, православное — перед всеми другими. Закон не возбранял переход из нехристианских исповеданий в христианские и из «иностраных» (христианских неправославных) — в православие. Отступления же от православной веры, как и переход из других христианских исповеданий в нехристианские, воспрещались. Отступники отсылались к их прежнему духовному начальству «для увещания и вразумления», а в случае перехода в нехристианское исповедание, кроме того, еще лишались прав своего состояния, их имущество бралось в опеку. Особенно сурово закон преследовал «совратителей». Лица, признанные виновными в «совращении» из христианских исповеданий (в том числе из православия) в нехристианские, ссылались на каторгу сроком от 8 до 10 лет. «Совращение» из православия в другие христианские исповедания каралось отдачей в арестантские отделения сроком от одного до полутора лет. Старооб-

¹² Свод законов Российской империи. Изд. неоф. СПб., 1904, т. 1, ч. 1.

рядцам (в законе именовавшимся раскольниками) особо запрещалось «чинить какие-либо дерзости противу православной церкви или противу ее священнослужителей»¹³.

Господствующее положение православной церкви и ее тесный союз с самодержавием проявлялись также и в том, что закон, возложив на церковь ведение актов гражданского состояния, требовал от православных подданных непременно, хотя бы раз в год, бывать у исповеди и причастия. О случаях упорного уклонения от исповеди и причастия духовенство должно было доводить до сведения гражданских властей¹⁴.

Права и привилегии православной церкви создавали в стране режим религиозного крепостничества, и недаром В. И. Ленин писал о «крепостной зависимости» русских граждан от господствующей церкви¹⁵. Православная церковь всячески отстаивала эти привилегии, полученные от абсолютистского государства, не замечая опасности своего положения, так как режим религиозного крепостничества создавал лишь формальное, а в ряде случаев и просто принудительное единение верующих, восстанавливая их против церкви именно вследствие подобных порядков. Политика усиленного пасаждения православия, проводившаяся гражданскими и духовными властями, обострила религиозный вопрос в восточных, прибалтийских и западных губерниях¹⁶.

Помимо привилегий, предоставленных господствующей церкви, духовенство имело ряд чисто сословных привилегий. Священнослужители освобождались от воинской повинности и пользовались льготами в налогообложении¹⁷. Высшее и часть приходского духовенства получали прямое государственное жалование¹⁸.

Широко используя указанные привилегии, церковь всячески поддерживала их дарителя — самодержавное государство. При этом союз церкви и государства не был, конечно, равноправным. Самым крупным нововведением «Духовного регламента» было юридическое упразднение патриаршества (фактически ликвидированного еще в начале царствования Петра) и создание коллегиального органа управления церковью. В закопе говорилось, что «в управлении церковном самодержавная власть действует посредством Святейшего Правительствующего Синода, ею учрежденного»¹⁹. Таким образом подчеркивался производный характер органа высшего церковного управления от самодержавной власти. Это выражалось также и в том, что члены Синода, пред-

¹³ Там же, т. 14. Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений, ст. 36, 37, 45; т. 15, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, ст. 184—188.

¹⁴ Там же, т. 14, Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений, ст. 18, 20, 22.

¹⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 144.

¹⁶ Церковь в истории России: Критические очерки. М., 1967, с. 220, 221.

¹⁷ Свод законов..., т. 9. Законы о состояниях, ст. 394—395.

¹⁸ Платонов Н. Ф. Православная церковь в борьбе с революционным движением в России (1900—1917).— Ежегодник МИРА. М.; Л., 1960, т. 4, с. 103.

¹⁹ Свод законов..., т. 1, ч. 1, ст. 43.

ставители высшего духовенства, назначались императором. Собственные полномочия Синода были певелики (назначение пенсий, пособий, дополнительных окладов, разбор жалоб па епархиальное начальство и т. п.). Все постановления по другим, более важным вопросам должны были получать «высочайшее» утверждение²⁰.

В 1722 г. Петр I повелел «выбрать из офицеров доброго человека, кто бы имел смелость и мог управление синодского дела знать». Так появилась должность синодального обер-прокурора, прямого представителя самодержавной власти в церковном управлении, осуществлявшего надзор за деятельностью Синода. Присутствуя на его заседаниях, обер-прокурор пользовался правом разъяснять законы, приостанавливать синодальные решения и докладывать о них царю. В ведении обер-прокурора находилась синодальная канцелярия, ему подчинялись секретари духовных консисторий, в которых сосредоточивались все нити епархиального управления²¹.

Епархии являлись основным звеном местного церковного управления. По своей территории они чаще всего совпадали с губерниями. В 1905 г. в России насчитывалось 66 епархий. Одна русская православная епархия находилась за границей (в Северной Америке)²². Епархии возглавлялись епархиальными архиереями (митрополитами, архиепископами или епископами), назначавшимися верховной властью по рекомендации Синода. В некоторых епархиях были учреждены должности викарных епископов (заместителей епархиальных архиереев). Свои административные и судебные функции архиерей осуществлял при помощи духовной консистории, члены которой, лица духовного звания, избирались архиереем и утверждались Синодом. Однако фактически все дела сосредоточивались в руках секретаря консистории, светского чиновника, назначавшегося Синодом по представлению обер-прокурора и всемело ему подчиненного²³.

Следующей единицей церковного управления являлись благочиния, объединявшие несколько приходов. Благочинный, назначавшийся из числа приходских священников, обязан был осуществлять «ближайшее и бдительное наблюдение за священнослужителями»²⁴ и доводить до их сведения распоряжения епархиального начальства.

Приход объединял в своем составе одно или несколько сельских обществ. Горожане приписывались к приходам, как правило, по месту жительства, но не работы. На прихожанах лежала обя-

²⁰ Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания / Сост. Т. Барсов. СПб., 1885. т. 1, с. 7, 8.

²¹ Там же, с. 11, 126—139.

²² Всеподданнейший отчет обер-прокурора св. Синода по ведомству православного исповедания за 1905—1907 гг. СПб., 1910, с. 71.

²³ Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений..., т. 1, с. 101—139.

²⁴ Там же, с. 163.

запность материального обеспечения церковного причта и поддержания «благолепия» приходского храма. Участие же их в решении приходских дел по существу ограничивалось выборами церковного старосты, деятельность которого не должна была выходить за узкие рамки специальной инструкции.

В первые пореформенные годы были предприняты попытки оживить приход. С этой целью были разработаны правила об учреждении в приходах церковных попечительств из лиц, отличающихся «благочестием» и преданностью православной церкви. Цели таких попечительств состояли в хозяйственном обслуживании приходского храма, материальной помощи причту, распространении духовного образования и благотворительности в пределах прихода. Выполнение этих многообразных обязанностей требовало средств, и некоторые попечительства, по-видимому, попытались использовать церковные капиталы. Эти попытки были пресечены: правительство разъяснило, что попечительства созданы не для «посыгательства» на церковное достояние²⁵. Они были обязаны действовать исключительно за счет частных пожертвований и в основном вследствие этого не получили большого развития. В 1905 г. насчитывалось 19 436 попечительств, сумма частных пожертвований достигала 4,3 млн. руб.²⁶ Таким образом, попечительства существовали меньше чем в половине приходов; каждое из них располагало в среднем 220 руб. Очевидно, значительная часть этих учреждений числилась лишь на бумаге. Обер-прокурор А. Д. Оболенский в 1905 г. получал сведения с мест, что «положение о церковноприходских попечительствах остается почти безжизненным», а «отдел благотворительности при попечительствах едва проявляет свою деятельность»²⁷.

Слабые попытки внедрить общественные начала в бюрократическое здание «ведомства православного исповедания», как и следовало ожидать, не привели ни к чему и вскоре были оставлены. Реформы 60-х годов почти не затронули систему церковного управления, основанную на сочетании власти светских бюрократов и церковных иерархов, третировании рядового духовенства и подавлении верующих. С течением времени роль светского чиновничества становилась все более активной. Синодальные обер-прокуроры, сосредоточив в своих руках громадную власть, еще в дореформенный период стали признанными руководителями церковного «ведомства». Сложилась недобрая традиция: на этом посту всегда оказывались крайние реакционеры. Н. А. Протасов при Николае I прославился репрессиями против ишако-мыслящих. Д. А. Толстой был известен как гонитель просвещения. Одним из «либеральных» жестов М. Т. Лорис-Меликова

²⁵ Там же, с. 384, 385.

²⁶ Всеподданнейший отчет обер-прокурора св. Синода по ведомству православного исповедания за 1905—1907 гг., с. 99.

²⁷ ЦГИА СССР, ф. 797 (Канцелярия обер-прокурора Синода), оп. 75, 1905 г., II отд., 3-й стол, д. 518, л. 34—34 об.

было смещение Толстого и назначение на должность обер-прокурора К. П. Победоносцева. С именем этого видного идеолога самодержавия прочно связана эпоха политической реакции 80-х годов. Вспоминая эти годы, Александр Блок писал в поэме «Возмездие»:

В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла;
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла...

Уже в революционном 1905 году Победоносцев успел отметить 25-летие своего управления «ведомством православного исповедания». За этот срок он практически свел на нет роль Синода и присвоил себе всю полноту власти²⁸.

Церковь являлась важным средством проведения победоносцевской политики «охранения основ». И сам Победоносцев не избежал идейного влияния высшего духовенства, наиболее реакционного. При посредстве Победоносцева эти круги воздействовали на общий курс правительственной политики. Но по мере того как обнаруживалось банкротство этой политики, деспотические методы обер-прокурора начинали порождать все большее недовольство даже среди православной иерархии.

Таким образом, союз самодержавного государства и православной церкви не был свободен от внутренних противоречий. Однако к началу первой русской революции все еще преобладали тенденции к сплочению этого союза однородных социально-политических сил. Церковь пользовалась привилегиями, даруемыми самодержавием, а последнее использовало церковь для поддержания угодных ему порядков. Церковники осудили восстание декабристов, защищали крепостное право, а после его отмены поучали «времепнообязанных» крестьян уважать помещичью собственность. В 90-е годы представители духовенства появились на фабриках и заводах с проповедью против забастовок²⁹.

Союз с самодержавием придавал православной церкви особую контрреволюционность. Вместе с тем он и ограничивал ее возможности в борьбе с революцией. Ибо сам факт сращивания с государственным аппаратом самодержавия говорил о докапиталистической, архаичной природе православной церкви. В рамках «ведомства православного исповедания» не могла произойти буржуазная реформация. А если так, то и организация, и социальная доктрина церкви не отвечали условиям буржуазного общества с присущими ему острыми социальными противоречиями.

²⁸ Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970, с. 107—109.

²⁹ Церковь в истории России, с. 207, 246; Грекулов Е. Ф. Церковь, самодержавие, народ. М., 1969, с. 30, 40.

Социально-политическая концепция православия в начале XX в.

Современный советский исследователь Н. П. Красников пишет, что «основу социально-нравственных принципов духовенства составляли утверждения о богоустановленности и неизменности существовавших в царской России порядков, справедливости разделения общества на богатых и бедных, «святости» и неприкосновенности частной собственности... Знаменем духовенства было сохранение социального статус-кво»³⁰. Эта очень точная характеристика социальной доктрины православия начала XX в. нуждается лишь в некотором дополнении и детализации.

Прежде всего необходимо отметить глубокую традиционность церковной доктрины. Новейшие течения западной и отечественной общественной мысли, распространявшиеся в России после петровских реформ, менее всего затронули православное духовенство. Подчинившись державной воле Петра, духою оно осталось при Алексее Михайловиче. В общем потоке идейных течений XVIII—XIX вв. церковь обособилась как островок допетровской культуры. Преемники Петра быстро оценили значение этого «островка» и попытались превратить его в плотину, преграждающую доступ в народные низы идейным течениям, опасным для самодержавия. В дальнейшем именно на этой почве правительство насаждало идеи «православия, самодержавия и народности». Именно этот «островок» трудолюбиво возделывал Победоносцев, пока его не накрыл революционный вал.

На протяжении веков церковь жила и действовала в условиях апостагонистического общества, пытаясь создать видимость объединения богатых и бедных, эксплуататоров и эксплуатируемых. Подобные попытки были бы заранее обречены на неудачу, если бы церковь призывала к переустройству общества, к ликвидации социального неравенства. Такие лозунги наверняка отпугнули бы богатых. Поэтому краеугольный камень всей социальной доктрины церкви состоял в признании извечным деления общества на богатых и бедных. Известный деятель православия волынский епископ Антоний (Храповицкий) призывал свою паству, или «духовное стадо», как любили выражаться церковники, не слушать тех «безумцев», которые уверяют, «будто возможно устроить на земле такие порядки, когда не будет бедных»³¹.

Целью церковного «объединения» считалось не социальное переустройство, не достижение счастья, личного или общественного, а обретение «спасения» за пределами земной жизни. «Спасаться» же, согласно церковной доктрине, богатые и бедные должны были по-разному. В обращении Сиппада по поводу событий 9 января, в частности, говорилось: «Богатые! Не уповайте на

³⁰ Красников Н. П. Эволюция социальной концепции православия.— Вопросы истории, 1970, № 9, с. 18—19.

³¹ Прибавления к Церковным ведомостям, 1905, 25 июня, с. 1074.

богатство неверное, но на бога живого, благодетельствуйте, богатейте добрыми делами, щедростью и милосердием... Труженики земли русской, люди рабочие! Трудитесь по заповеди господней в поте лица своего, памятуя, что не трудящийся не достоин и пропитания»³². Таким образом, церковь призывала бедных трудиться в «поте лица своего», богатых же — не кичиться своим богатством и заниматься благотворительностью.

Церковь в принципе осуждала тех богатых, которые не желали «спасаться» и отказывали в благотворительности. Но гораздо более суровому осуждению подвергался всякий социальный протест со стороны народных низов. «Грешит пред богом тот богач, который затворяет сердце свое перед бедняком,— писал тот же епископ Антоний,— но не менее грешен перед богом и бедняк, исполненный зависти и ненависти к богатым и ропота на бога»³³. Согласно учению церкви, народные низы не имели права не только на борьбу за переустройство общества, но и на протест, когда социальный статус-кво нарушали богатые и власть имущие. Низы всегда должны были оставаться пассивными, полагаясь на посредническую роль своих пастырей. Епископ Сергий (Страгородский) поучал, что «духовный подвижник» может выступить «с грозным словом обличения против богатых и владык земных, или, напротив, учить бедных и притесняемых терпению и покорности»³⁴. На практике церковь давно уже свела свою деятельность к проповеди терпения и покорности. Что же касается обращений «с грозным словом обличения», то это право церковь признавала за собой лишь теоретически.

Социальная доктрина православной церкви не отличалась большой сложностью. Она и была приспособлена к отношениям, которые не несли в себе особой динамики и остроты классовых столкновений. Именно в этом — в социальной неразвитости и приверженности к традиционному укладу жизни — ведущие деятели православной церкви видели источник силы и крепости стран и народов. «...Наиболее устойчивыми оказываются те народы,— писал томский епископ Макарий,— которые сохраняют простоту патриархальной жизни, где дети не отделяются от родителей, но составляют одну крепкую, цельную, связанную родственными узами, многочисленную семью...»³⁵

Патриархальный быт нерасслоившейся деревни и захолустного города — вот тот социальный идеал, к поддержанию которого стремилось православное духовенство. Этот идеал отвечал и политическим воззрениям духовенства. В большой патриархальной семье молодое поколение воспитывается «в страхе божием и повиновении родителям». «Кто почитает родителей,— проповедовал епископ Макарий,— тот почитает и начальников. Если государство будет состоять из таковых семейств, то это будет мирное

³² Церковные ведомости, 1905, № 3, Приложение.

³³ Прибавления..., 1905, 25 июня, с. 1074.

³⁴ Церковный вестник, 1905, 20 янв., с. 77.

³⁵ Прибавления..., 1905, 8 янв., с. 52.

и благополучное царство, там не будет возмущения рабочих, не будет злоумышленников, не будет и бунтовщиков»³⁶.

«По своим политическим убеждениям я был монархист», — вспоминал митрополит Евлогий (Георгиевский), в описываемое время занимавший кафедру епископа холмского³⁷. Монархические убеждения разделяла вся иерархия и подавляющая часть рядового духовенства. Неограниченная самодержавная царская власть, учила господствующая церковь, — источник всяческих благодеяний, «залог благословения божия». В тревожные февральские дни 1905 г. Синод призывал «русских простолюдинов и всех русских людей»: «Станьте крепкой, песокрушимой степой за нашего царя, за землю русскую, за ее старинный христианский уклад жизни»³⁸. Отстаивая патриархальность в этике, быту, семье, мировоззрении, в отношениях между людьми, церковники, конечно, понимали, что «стена» старинного уклада становится все менее устойчивой. Они не могли не видеть, как растут города с их социальными контрастами и классовыми столкновениями, как расслаивается крестьянство, распадаются большие патриархальные семьи, рушится патриархальный уклад жизни, ширится борьба народа за свое социальное и политическое освобождение. Видели, но не подозревали о масштабах этого процесса. А потому все это казалось им каким-то временным «повреждением нравов», поверхностным и преходящим, как наваждение, как поветрие, как короткое летнее ненастье. «Будем надеяться, — писал Антоний волынский, — что наша твердость в вере... мало-помалу воспитает России новые поколения людей, более смелых, которые... опять воспесут на высоту православный обычай жития, исполненный молитв, воздержания и смирения, так что теперешний растленный дух, в котором пребывают жители городов, предастся забвению, и наша Русь, возродившись от простого народа, снова от верху до низу станет ... поистине Русью Святою, какою она была 200 лет тому назад и ранее»³⁹. Именно в своей «твердости», силе сопротивления новому видело духовенство средство сохранения и возрождения старого.

Вся социальная доктрина православия, от начала до конца, была реакционной утопией. Заведомо негодным средством «исправления» пороков существующего строя являлась проповедуемая церковью благотворительность. Касаясь прежде всего людей деклассированных, она мало чем могла помочь крестьянству, запутавшемуся в кабале полукрепостнической эксплуатации, она совершенно не отвечала духу классовой борьбы пролетариата, отстаивавшего свои права, а не добивавшегося милостыни. Попытки же церкви поддерживать патриархальность в условиях капиталистического развития вели к сохранению «патриархальных», т. е.

³⁶ Там же, с. 53.

³⁷ Евлогий, митрополит. Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной. Париж, 1947, с. 171.

³⁸ Церковные ведомости, 1905, № 5, Бесплатное приложение.

³⁹ Прибавления..., 1905, 25 июня, с. 1077.

пережиточных, самых грубых и примитивных, форм эксплуатации.

В целом для русского духовенства были характерны косность и традиционализм, уход от жгучих социально-экономических вопросов современности. «Будем же, братие, хвалиться Христом, а духом века сего пренебрегать», — призывал Антоний волынский⁴⁰.

Пренебрежение «духом века сего» стало основной установкой официальной церкви. Это означало разрыв с настоящим во имя прошлого. Проповедуяувековечение царского самодержавия, сохранение социального статус-кво со всеми крепостническими пережитками и «патриархальными» формами эксплуатации, церковь смыкалась с самыми реакционными силами общества.

Однако упорное отстаивание старины оказывалось делом не только безнадежным, ибо старое все равно отступало, но и опасным для господствующей церкви. Незаметно для себя она вступила в период затяжного кризиса, который был порожден длительным и тесным ее союзом с самодержавием, устарелостью, реакционностью и неподвижностью социально-политической доктрины. В начале XX в. этот кризис приобрел уже многоаспектный характер, распространившись на церковь как таковую и на ее отношения с народом.

Кризисные явления в православной церкви накануне революции 1905—1907 гг.

Православная церковь в начале XX в. представляла собой многочисленную и разветвленную организацию идеологической обработки народных масс в интересах господствующих классов и существующего политического строя. Православие являлось наиболее массовым религиозным исповеданием в пределах России. В 1897 г. численность православных составляла 87,3 млн. человек, или 69,5% всего населения империи. (Следующее по численности своих приверженцев исповедание — ислам — охватывало 13,8 млн. человек, или 11,06%).⁴¹ Конечно, перепись населения фиксировала только формальную принадлежность к той или иной религии, не учитывая уровень и характер религиозности и не признавая внеисповедного состояния. Тем не менее несомненно, что в начале XX в. православная церковь располагала самой массовой религиозной аудиторией в стране. Это подтверждается и другими данными.

В 1905 г. в России действовало 48 375 православных церквей. Численность белого духовенства (протоиереев, священников, диа-

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Распределение населения империи по главным вероисповеданиям. Разработано ЦСК МВД по данным первой всеобщей переписи населения 1897 г. СПб., 1901, с. 2—3.

конов и псаломщиков) составляла 103 437 человек⁴². Если учесть, что значительная часть населения оставалась неграмотной, а печатное дело было недостаточно развито, следует признать, что в ряде мест, особенно в деревне, сохранялось значение церкви как главного источника информации о событиях во внешнем мире. С церковной кафедры зачитывались важнейшие правительственные указы, разъяснявшиеся в официальном духе.

Крупными религиозно-пропагандистскими центрами были многие православные монастыри. В 1905 г. в России насчитывалось 267 мужских монастырей и пустынь, 208 женских монастырей и общин. Численность черного духовенства (монахов и монахинь) составляла 20 199 человек⁴³.

В системе «ведомства православного исповедания» действовала целая сеть высших, средних и начальных учебных заведений, в том числе 4 духовные академии, 57 семинарий (19 348 учащихся), 184 мужских духовных училища⁴⁴. Кроме того, в ведомство Синода входила сеть массовых начальных школ, которая складывалась из школ грамоты, церковноприходских и училильских школ. Последние должны были готовить кадры «недорогих учителей» преимущественно из местного крестьянского населения. Тем самым создавалась как бы замкнутая цепь народных начальных школ, без привлечения «третьего элемента» (бессословной сельской интеллигенции). В 1905 г. числилось 25 478 одних только церковноприходских школ⁴⁵.

Церковь располагала мощной полиграфической и издательской базой. Официальный орган Синода «Церковные ведомости», рассыпавшийся во все приходы, имел значительный по тому времени тираж 42–46,5 тыс. экземпляров⁴⁶. Издавались также местные «епархиальные ведомости». Книги и периодические издания выпускали духовные академии и некоторые крупные монастыри (Александро-Невская, Троице-Сергиева и Почаевская лавры). Надзор за соответствием издаваемой духовной литературы официальным установкам православия осуществляли духовные цензурные комитеты, учрежденные при академиях⁴⁷.

Однако господствующая церковь, с ее многочисленным и многонациональным духовенством, епархией, академиями, семинариями, училищами и школами, только с первого взгляда казаласьстройной, единой и сильной организацией. В действительности церковь все более и более обнаруживала свою внутреннюю слабость. При этом все звенья церковной организации — каждое

⁴² Всеподданнейший отчет обер-прокурора св. Синода по ведомству православного исповедания за 1905—1907 годы, Приложения, с. 9, 26—29.

⁴³ Там же, с. 100, Приложения, с. 5,7.

⁴⁴ Там же. Приложения, с. 155, 173.

⁴⁵ Там же. Приложения, с. 210.

⁴⁶ Библиография периодических изданий России, 1901—1916. Л., 1960, т. 3, с. 584.

⁴⁷ Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений..., с. 83, 84.

в отдельности и все вместе — все менее справлялись с задачей объединения верующих.

Давно отошли в прошлое не во всем достоверные легенды о святителях и подвижниках. В начале XX в. высшая церковная иерархия (митрополиты, архиепископы и епископы) вела такой же обеспеченный образ жизни, как и верхи господствующих классов. Как вспоминал Евлогий, по случаю своей хиротонии (посвящения в епископский сан) он устроил обед на 80 персон. Архиерейские покой на время обеда превратились в настоящий ресторан, а виновнику торжества залили ликером новую рясу⁴⁸. Избранный во II Думу, этот «мужицкий архиерей», как он себя называл, выехал в Петербург в отдельном салон-вагоне⁴⁹.

Подобные расходы требовали возмещения, и иерархия не оставляла усилий к расширению источников своих доходов. Насколько заботливы в этом отношении были епархии, свидетельствует характерный случай, о котором рассказал в узком кругу волынский епископ Антоний, не предполагая, что его рассказ станет достоянием гласности. В 1899 г. на юбилей киевского митрополита Иоанникия съехалось свыше 20 архиереев. О чем же они говорили, отслужив молебен и собравшись на трапезу? Не было высказано, вспоминал Антоний, «ни одной живой мысли, ни одного горячего слова о положении церкви, упадке веры». Но зато рассказчик, самый молодой из собравшихся, «был поражен, с какою опытностью и знанием дела велись рассуждения о курсе железнодорожных облигаций, о наиболее верном помещении капиталов»⁵⁰. Проповедуя «старинный христианский уклад» и «простоту патриархальной жизни», высшие церковники активно приобщались к новейшим буржуазно-спекулятивным способам обогащения.

Открыто сомкнувшись с верхами господствующих классов, прониквшись их корыстными интересами, забыв о «посреднической», «примирительной» миссии церкви и заботясь лишь о сохранении своей власти и увеличении доходов, архиереи были далеки не только от своей паствы, но и от рядовых священников. Не случайно за епархиальными архиереями закрепилось ироническое наименование «духовных губернаторов». Они имели власть и широко ее использовали, но, как правило, не имели нравственного авторитета среди местного населения.

Церковная иерархия выходила из черного духовенства, сосредоточенного в основном по монастырям. Некоторые из них являлись известными местными или всероссийскими религиозными центрами, куда по традиции стекались многочисленные богомольцы. Однако таких монастырей было сравнительно немного. Большинство монастырей, особенно новых, не привлекало многочисленных паломников. И тем не менее церковные власти постоянно и упорно добивались расширения сети монастырей. Русские мо-

⁴⁸ Евлогий, митрополит. Указ. соч., с. 134.

⁴⁹ Там же, с. 169.

⁵⁰ Церковный вестник, 1906, 1 июня, с. 717.

настыри очень рано усвоили функцию накопительства. Они становились теми резервуарами, в которых сосредоточивались церковные богатства. Но чем богаче церковь, тем с большим трудом она выполняет свои «объединительные» функции. Возможно, отчасти из этих соображений светская власть стремилась ограничить рост монастырского богатства. В 1764 г. была проведена секуляризация монастырских земель⁵¹. В дальнейшем закон установил, что каждый монастырь должен иметь около 150 дес. земли. В случае недостатка у монастыря собственных земель ему отводились угодья из казенных дач. Монастыри могли приобретать недвижимое имущество только с «высочайшего соизволения»⁵². Тем не менее к 1905 г. в обладании монастырей вновь скопились довольно значительные земельные площади. В пределах 50 губерний Европейской России монастырям принадлежало 739 777 дес. земли⁵³. Площадь монастырского землевладения особенно велика была в Бессарабской (183 тыс. дес.), Архангельской (71 тыс. дес.) и Тамбовской (44 тыс. дес.) губерниях⁵⁴. Некоторые монастыри были настоящими латифундистами. Соловецкий монастырь располагал земельными угодьями в 66 тыс. дес., Александро-Невская лавра имела 13 090 дес., Темниковская Саратовская мужская пустынь (Тамбовская губ.) — 24 тыс., Троице-Сергиева лавра — 2068 дес.⁵⁵.

Монастырская земля обычно обрабатывалась наемным трудом или отдавалась в аренду большими и малыми участками. По данным на 1887 г., площадь сдававшейся в аренду монастырской земли составляла 63,6 тыс. дес.⁵⁶, т. е. 8,5% ее общей площади в Европейской России. Начавшийся в последней четверти XIX в. мировой сельскохозяйственный кризис взвинтил арендные цены. Выросли и соответствующие доходы монастырей. Так, в 1905 г. Троицко-Сергиева пустынь (Петербургской губернии) только за сдачу части своей земли в аренду (из общего надела в 269 дес.) имела доход 5400 руб.⁵⁷ Монастыри являлись также крупными лесоторговцами и домовладельцами. В 1905 г. Троицкий Зеленецкий монастырь от продажи дров и бревен выручил 12 793 руб. Свято-Троицкий Творожковский женский монастырь от эксплуатации жилого дома в Петербурге получал доход 2 тыс. руб.⁵⁸

⁵¹ Церковь в истории России, с. 188, 189.

⁵² Свод законов..., т. 9. Законы о состояниях, ст. 432, 435, 443; т. 10, ч. 3. Законы межевые, ст. 448.

⁵³ Статистика землевладения 1905 г.. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. Изд. ЦСК МВД. СПб., 1907, с. 132—133.

⁵⁴ Там же, с. XXXVII.

⁵⁵ Зыбковец В. Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917—1921 гг.). М., 1975, с. 113, 120, 132, 178.

⁵⁶ Любинецкий Н. А. Землевладение церквей и монастырей в Российской империи. СПб., 1900, с. 35.

⁵⁷ Ленинградский государственный исторический архив (далее ЛГИА), ф. 19 (Петроградская духовная консистория), оп. 97, д. 43, л. 14.

⁵⁸ Там же, л. 24, 88—88 об.

Монастырское хозяйство в большинстве случаев велось по старинке и с экономической точки зрения часто было несостоительно. Монахи редко участвовали в производительном труде, занимаясь в основном религиозным созерцанием и ничегонеделанием. Даже в официальной духовной печати с сожалением отмечалось, что обитатели монастырей ведут праздный образ жизни⁵⁹. Г. А. Гапон, побывавший на лечении в Балаклавском Георгиевском монастыре, вспоминал, что монахи жили «праздно и весело» за счет доходов с гостиницы, а монастырские виноградники, могущие давать доход до 200 руб. с десятины, находились в заброшенном состоянии⁶⁰. Земельные угодья монастыря составляли 904 дес.⁶¹ «Если бы монастырское хозяйство было поставлено рационально,— сетовал Евлогий,— не велось так же, как сто лет тому назад, ресурсы монастырей были бы огромны...»⁶²

И все же эти ресурсы были немалые. Наиболее известные монастыри, притягивавшие значительное число богомольцев, сосредоточили в своих руках внушительные денежные капиталы. Эти монастыри были не только землевладельцами и домовладельцами, но и рагтье. Примером может служить Николоперервинский мужской монастырь, державший вклады в Государственном банке, отпускавший ссуды московскому духовенству и получавший немалый доход в виде процентов⁶³. Наличие в монастырском владении значительного количества процентных бумаг признавалось в официальных изданиях Министерства финансов⁶⁴.

Потребление и накопительство у большинства монастырей было явно на первом месте. Благотворительность, занимавшая видное место в официальной доктрине церкви, в практике монастырей отодвигалась на второй и даже третий план. В 1905 г. при монастырях состояло 176 больниц на 1715 мест⁶⁵. Лишь меньшинство монастырей содержало больницы, в каждой из которых в среднем лечилось всего 9 человек. В 1905 г. Государственный Совет при обсуждении вопроса об обеспечении семейств погибших на войне с Японией солдат и офицеров выразил надежду, что в этом деле примут живое участие православные монастыри, «располагающие достаточными, скопившимися от народных приношений средствами». Соответствующий циркуляр за подписью Победоносцева был разослан по всем епархиям⁶⁶. Мон-

⁵⁹ Прибавления..., 1906, 4 февр., с. 235—236.

⁶⁰ Гапон Г. А. Записки Георгия Гапона: (Очерк рабочего движения в России 1900-х годов). М., 1918, с. 25.

⁶¹ Зыбковец В. Ф. Указ. соч., с. 169.

⁶² Евлогий, митрополит. Указ. соч., с. 193.

⁶³ РО ГБЛ, ф. 250, папка 2, д. 1, л. 7, 8; Зыбковец В. Ф. Указ. соч., с. 199.

⁶⁴ Наличность государственных и гарантированных правительством процентных бумаг в государственных, общественных и частных учреждениях, казначействах и страховых обществах на 1 января 1912 г. СПб., 1912, с. XI.

⁶⁵ Всеподданнейший отчет обер-прокурора св. Синода по ведомству православного исповедания за 1905—1907 гг., с. 106.

⁶⁶ ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 75, 1905, II отд., 3-й стол, д. 241, л. 5.

настыри крайне сдержанно откликнулись на призыв грозного обер-прокурора. Троице-Сергиева лавра согласилась разместить у себя детский приют на 30 мест и выплачивать ежегодно в течение 10 лет по 2 тыс. руб. в фонд помощи осиротевшим. Пochaевская лавра ограничилась обещанием устроить детский приют на 10 человек. Александро-Невская лавра не прислала ответа. Пожертвования других монастырей тоже не были чрезмерно щедрыми. В Московской епархии Вознесенская Давидова пустынь брала на воспитание 15 мальчиков, Николо-Угрешский монастырь — 10 мальчиков, Саввино-Сторожевский монастырь — 5 сирот, Троицкий Александро-Невский — 3 девочки и т. д. Болоколамский Иосифов монастырь обязался выплачивать по 1 тыс. руб. в течение 10 лет, Николаевская Берлюковская пустынь — по 200 руб. в течение 5 лет, Дмитровский Борисоглебский монастырь — по 15 руб. в год. Борисоглебский Аносин монастырь выразил готовность оплачивать «кровать одпого стипендиата» в каком-либо другом монастыре. Коломенские Новоголутвин и Бобренев монастыри ответили, что они не имеют «никакой возможности» принять участие в этом «святом деле». Владимирский архиерей не ответил на циркуляр. Епископ имеретинский заявил, что в его епархии монастыри «влачат крайне белую жизнь»⁶⁷. Эти монастыри не желали оказать даже символическую помощь жертвам войны.

По своему экономическому строю монастырское хозяйство было однородно с помещичьим хозяйством, претерпевавшим медленный и затяжной процесс капиталистической эволюции. В политическом отношении монашествующие были самой реакционной частью духовенства. Вместе с тем именно монастыри наиболее ярко отражали кризис церковной организации. Стремление к накопительству, потребительское отношение к верующим как источнику «доброхотных даяний», черствое отношение к народным бедствиям — все это характерные черты «богатой церкви», утратившей внутреннюю силу и стоявшей перед лицом кризиса.

Белое духовенство в целом было обеспечено не столь хорошо, как черное. Но и среди приходского духовенства существовала довольно значительная зажиточная прослойка. В пределах 50 губерний Европейской России в 1905 г. лицам духовного сословия принадлежало 337 тыс. дес. земли. В одной только Таврической губернии они владели 70 112 дес. земли⁶⁸.

Наиболее зажиточной частью белого духовенства было городское. Для примера можно привести данные о доходах петербургского духовенства. Настоятель кафедрального Исаакиевского собора получал от занимаемой должности годовой доход 3300 руб., протоиерей того же собора — 3200 руб., столько же — третий священник, а четвертый — 2200 руб. Но это были не самые высокие доходы. Протоиерей университетской церкви получал

⁶⁷ Там же, л. 15—16, 23, 25, 44 об., 45 об., 92, 115 об.— 116 об.

⁶⁸ Статистика землевладения 1905 г., с. X, 147.

4860 руб. в год, а настоятель Казанского собора — 5700 руб. Всего же по Петербургской епархии 368 священноцерковнослужителей получали доход от 1 тыс. до 2 тыс. руб., 201 — от 2 тыс. до 5 тыс. и трое — выше 5 тыс. руб. Из первой группы на Петербург приходилось 214 человек (58%), из второй — 180 человек (89%), третья группа полностью относилась к столице⁶⁹.

По уровню доходов городское белое духовенство в целом примерно соответствовало буржуазной цензовой интеллигенции. Достаточно сказать, что ординарный профессор получал штатный оклад 3 тыс. руб. в год, доцент — 1,2 тыс., средний адвокат имел заработка от 2 тыс. до 5 тыс. руб. в год⁷⁰. Для сравнения укажем, что средняя годовая заработная плата петербургского рабочего в 1904 г. составляла 366 руб.⁷¹ Подобный разрыв в уровне жизни «пастырей» и их паствы являлся самым первым препятствием к выполнению церковью ее «посреднических» функций.

Зажиточным было и московское духовенство. Настоятель московского Казанского собора имел доход 5 тыс. руб. при готовой квартире. Настоятель Большого Успенского собора занимал целый особняк на Воздвиженке. Некоторые священники, принадлежавшие к верхушке белого духовенства, жили совсем «по-генеральски», имели собственный выезд⁷².

Следует отметить, что доходы значительной части московских священников постепенно начинали отрываться от их профессии. Прежде всего это коснулось духовенства Китай-города, где приходы были невелики, дома занимались магазинами и складами, «настоящих» прихожан было мало и доходов от церкви не хватало. Не очень интересуясь жизнью тех, кто работал в этих магазинах и складах, но формально не относился к числу здешних прихожан, «батюшки» с Ильинки и Маросейки прежде всего искали способ поправить свое финансовое положение. Выход был найден, когда с помощью монастырских ссуд на церковной земле началось строительство двух- и трехэтажных доходных домов, нижние этажи которых опять-таки отдавались под магазины и склады. Эксплуатация доходных домов стала важнейшей частью бюджета московского духовенства. В дальнейшем среди московских «батюшек» появилась значительная прослойка дачевладельцев. При этом дачи использовались не только как убежище от собственной паствы, но и как новый источник доходов: некоторые священники имели по 4—5 загородных дач. Другие священники, а также и диаконы негласно занимались ростовщичеством, приобретали железнодорожные акции и облигации⁷³.

⁶⁹ ЛГИА, ф. 19, оп. 97, д. 10, л. 14 об., 69—70, 87—103.

⁷⁰ Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971, с. 184.

⁷¹ Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начало XX в.). М., 1979, с. 108.

⁷² РО ГБЛ, ф. 250, папка 2, д. 1, л. 12—13, 49.

⁷³ Там же, л. 7—8, 68—69.

Широкое приобщение духовенства к капиталистическим источникам доходов отнюдь не свидетельствовало об «обуржуазивании» церковной организации. В капиталистический оборот втягивались церковные земли и церковное имущество, получаемый же при этом доход в значительной степени освобождал духовенство от выполнения «интегративных» функций. Равнодушно относясь к народным бедствиям, церковь не прилагала больших усилий к сглаживанию и притуплению социальных противоречий, все более обострявшихся в условиях капитализма. Это приводило к тому, что в церкви разочаровывались как бедные, так и богатые. Налицо было продолжение и развитие кризисных явлений в церковной организации.

Фактическое смыкание городского духовенства с буржуазной цепповой интеллигенцией (особенно это касалось профессорско-преподавательского корпуса духовных академий и семинарий)⁷⁴ наложило свой отпечаток на его поведение во время революционных событий 1905–1907 гг. Подробнее об этом речь пойдет в следующих главах. Сейчас важно отметить, что представители городского духовенства почти полностью отсутствовали в рядах демократического движения. Зато именно среди городского духовенства получили хождение идеи «обновления» церкви, созвучные идеям либерально-буржуазной интеллигенции и отражавшие стремление определенных кругов духовенства выйти из переживаемого церковью кризиса. В начале 1905 г. Ленин отмечал, что «наличность либерального, реформаторского движения среди некоторой части молодого русского духовенства не подлежит сомнению»⁷⁵.

Сельское духовенство было менее обеспеченным, нежели городское. Доходы сельского священника Петербургского уезда в среднем составляли 821 руб. Не превышали 1 тыс. руб. в год и доходы священника в Лужском уезде⁷⁶. Более низкий уровень доходов сельского духовенства объяснялся небольшими размерами или отсутствием казенного жалованья, бедностью крестьянского населения и растущим земельным утеснением, влиявшим на величину церковных наделов.

Земля была одним из важнейших источников доходов сельского духовенства (хотя земельные угодья имели и некоторые

⁷⁴ Речь идет о смыкании только в имущественном положении и образе жизни, но не о социальной однородности. Е. А. Преображенская ставит вопрос о включении духовенства в состав интеллигенции как социальной группы (Проблемы истории СССР, вып. 5, с. 409). По-видимому, на этот вопрос следует ответить отрицательно. Интеллигенция как социальная группа характерна тем, что она обеспечивает себе средства к существованию, используя свои личные таланты и багаж приобретенных научно-теоретических и практических знаний. В положении же духовенства определяющим моментом является его принадлежность к религиозной организации с ее многоступенчатым подчинением и дисциплиной. Священник, лишенный сана, перестает быть священником, хотя ничего не теряет в своей профессиональной подготовке.

⁷⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 211.

⁷⁶ ЛГИА, ф. 19, оп. 97, д. 10, л. 18, 78.

городские церкви). Согласно закону, земли «для довольствия» церковных причтов отводились «от прихожан», т. е. из состава наделов местных сельских обществ⁷⁷. В 50 губерниях Европейской России находилось 1 871 858 дес. церковной земли⁷⁸. (Таким образом, с учетом монастырской земли и частных владений лиц духовного сословия всего в пределах этих губерний под контролем духовенства находилось около 3 млн. дес. земли.)

Средний размер земельной собственности церквей колебался от 64,3 дес. в Петербургской епархии до 37,7 дес. в Грузинском экзархате⁷⁹. Чаще всего земля обрабатывалась наемным трудом или отдавалась в аренду, иногда же возделывалась самими членами причта. В 1887 г. площадь аренды составляла 197,7 тыс. дес.⁸⁰, или 10% всей площади церковных земель.

Распределение церковного надела между членами причта строилось так, что наибольшая его часть приходилась на долю священника. В Лужском уезде Петербургской губернии надел сельского священника в среднем составлял 52,5 дес. (наибольший — 248 дес., наименьший — 2 дес.)⁸¹. По своему имущественному положению сельские священники примерно соответствовали вожиточной части деревни.

Низший сельский клир (диаконы и псаломщики), наименее обеспеченная прослойка духовенства, по уровню доходов приближался к среднему крестьянству. По Лужскому уезду сельский диакон имел в среднем по 22 дес. земли, псаломщик — 15,6 дес.⁸²

В целом сельское духовенство стояло ближе к своей пастве, нежели городское. Этим обстоятельством, а также меньшей общей развитостью крестьянского населения объясняется тот факт, что сельское духовенство по сравнению с городским пользовалось большим влиянием на прихожан. Именно на селе еще имела некоторый отзвук традиционная патриархально-монархическая проповедь с церковного амвона. Близостью к крестьянскому населению объясняется вовлечение некоторых священников в период революции в общий поток крестьянского движения. Необходимо подчеркнуть, что сельский священник, по уровню доходов близкий к богатому крестьянству, по мере расслоения деревни все более отдалялся от основной массы прихожан.

Значительные различия в правовом и имущественном положении отдельных разрядов духовенства не могли не порождать на первых порах скрытых, а затем и открытых противоречий в духовной среде. Наиболее сильные противоречия накапливались между черным и белым духовенством. В свою очередь внутри белого духовенства существовали противоречия между священнослужителями и низшим клиром. Традиционная структура право-

⁷⁷ Свод законов..., т. 9 Законы о состояниях, ст. 445.

⁷⁸ Статистика землевладения 1905 г..., с. 132—133.

⁷⁹ Любинецкий Н. А. Указ. соч., с. 15.

⁸⁰ Там же, с. 35.

⁸¹ ЛГИА, ф. 19, оп. 97, д. 9, л. 87, 88.

⁸² Там же.

славной церкви начинала испытывать дезинтеграционные процессы, что являлось одним из проявлений ее кризиса в условиях капитализма.

Однако в то же время в церкви продолжали действовать и сильные интеграционные факторы. Все духовенство — белое и черное, сельское и городское — объединялось тем, что подавляющая часть его доходов зависела от занимаемой должности, т. е. от принадлежности к церковной организации. Священнослужитель мог исполнять свои профессиональные действия, лишь находясь в рядах этой организации. Между тем православная церковь являлась в известном смысле частью государственной машины самодержавия. Именно поэтому в 1905—1907 гг. духовенство в своей основной массе выступило на стороне самодержавия, именно это объясняет его особую контрреволюционность.

Союз с самодержавием в некоторой степени скрывал кризисные явления в церкви. Однако, задерживая реформационные тенденции, он приводил не к преодолению, а к накоплению кризисных явлений в церковной организации. В начале XX в. они коснулись не только собственно духовенства, но и источников его пополнения.

В течение многих десятилетий правительенная политика была направлена на то, чтобы кадры духовенства воспроизводились из собственно духовной среды. При наборе в духовные учебные заведения предпочтение отдавалось детям духовенства, и обучение в духовных училищах и семинариях обходилось для духовенства дешевле, чем в общеобразовательных учебных заведениях.

Однако с течением времени этот механизм воспроизводства стал работать с все меньшей отдачей. В некоторых отдаленных местах власти не могли заполнить священнические вакансии, а между тем духовные семинарии выпускали все меньшее число священников. Происходило падение престижа профессии священника, и дети духовенства тянулись к светским профессиям. «Религиозный энтузиазм в семинарии потух,— вспоминал митрополит Евлогий,— молодежь устремлялась на гражданскую службу, на прииски, в промышленные предприятия». Благовещенская семинария за 10 лет не выпустила ни одного священника⁸³.

Однако семинарии, вследствие своей оторванности от жизни, давали мало знаний, необходимых для овладения светскими профессиями. Среди воспитанников семинарий зрело недовольство, осенью 1904 г. произошли волнения⁸⁴.

В период политической реакции 80-х годов церковь выступила с претензиями на руководство делом народного образования. Православные иерархи рассматривали церковноприходские школы, как средство насаждения в народе особой церковной культуры,

⁸³ Евлогий, митрополит. Указ. соч., с. 199.

⁸⁴ ЦГИА СССР, ф. 796 (Канцелярия Синода), оп. 186, д. 283, л. 15 об.

поддержания патриархальности и монархических настроений. «Поддерживайте и устраивайте в своих селах школы церковно-приходские, в которых ваши дети выучатся тому, что знают святые ангелы, т. е. воспеванию божественной славы на церковных службах, научатся читать по-славянски и тем превзойдут даже господ, которые считают себя образованными, а ни одного псалма не могут прочитать без ошибки», — обращался к крестьянам еще один «мужицкий» архиерей, епископ волынский Антоний⁸⁵. В действиях церковных властей обнаруживалась даже тенденция к вытеснению светских начальных школ⁸⁶.

Между тем недостатки церковноприходских школ были очевидны и признавались даже духовным начальством. Одоевский уездный наблюдатель церковных школ протоиерей М. Богоявленский доносил в Тульский епархиальный училищный совет, что в обследованных им церковноприходских школах успехи по закону божию «могло назвать удовлетворительными», а по «арифметическому счислению» они по-прежнему «не вполне удовлетворительны»⁸⁷. Церковноприходские школы явно не отвечали запросам века, в частности требованиям развивавшихся в стране товарищено-денежных отношений.

Это сказалось на отношении крестьян к начальным школам «ведомства православного исповедания». После передачи в 1891 г. школ грамоты в ведение епархиальных училищных советов число этих школ в ряде губерний стало неуклонно сокращаться⁸⁸. Крестьяне отказывали им в содержании.

Не осуществились и планы подготовки «недорогих учителей», совмещающих преподавание с крестьянскими занятиями. Возобладала объективная тенденция к профессионализации учительского труда, и учителя школ грамоты, получавшие всего 120 руб. в год, оказались в бедственном положении⁸⁹.

Союз церкви с самодержавием, устарелость ее социальной доктрины, уход от жгучих социально-экономических вопросов, тесное смыкание духовенства с верхами общества — все это порождало кризис господствующей церкви. Коротко говоря, его причины заключались в глубоком несоответствии ее обветшалых социально-политических установок и внутреннего устройства сложившимся в стране капиталистическим отношениям.

Усилившийся религиозный индифферентизм. Широкое его распространение признавали светские и духовные публицисты. «И ходит священник по храму и поет: хвалите имя господне, хвалите раба господа...», — писал В. Розанов. — А рабов-то и нет. Все они покинули храм. И опустел он. И эта пустота какая-то особенная, вековечная». Комментируя это мнение, «Церковный вестник», орган Петербургской духовной академии, писал, что народ в хра-

⁸⁵ Прибавления..., 1905, 25 июня, с. 1077.

⁸⁶ Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет. СПб., 1909, т. 1, с. 493.

⁸⁷ Государственный архив Тульской области (далее: ГАТО), ф. 31 (Тульский епархиальный училищный совет), оп. 1, д. 1045, л. 2, 5.

⁸⁸ Прибавления..., 1907, 12 мая, с. 788.

⁸⁹ Там же.

ме, может быть, и есть, но в то же время его и нет, народ стоит и как будто слушает, но «на самом деле витает своими мыслями где-то в другом месте»⁹⁰.

Отход от церкви народных масс, ослабление ее интегративной функции особенно ощутимо проявлялись в крупных городах. Социальные контрасты города разрушали пропагандируемые церковью представления о единении всех верующих в религии, толкали рабочих на путь классовой борьбы. «Чем больше город,— сетовал один из священников,— тем больше в нем экономических контрастов, тем труднее священнику объединить своих прихожан в одну семью, сблизить их, внушить им убеждение, что все ведь мы одинаковые дети одного небесного отца»⁹¹. Как вспоминал Н. П. Розанов, «насмешкою звучали обращения священников к собравшимся в церкви людям — „братия“, „возлюбленные братья“: братьев никаких не было, а были разные классы общества, которые даже и места для стояния в церкви имели разные»⁹².

Патриархальная набожность крестьянина у передовых рабочих сменялась религиозным индифферентизмом и даже атеизмом. Громадную роль в развитии этого процесса сыграло распространение в рабочей среде идей социализма, связанное с пропагандой первых марксистских кружков; с возникновением и деятельностью марксистской партии нового типа — партии большевиков⁹³.

Гораздо медленнее и незаметнее отход от церкви совершался в деревне. Еще в 1904 г. многим архиереям казалось, что «благочестие паства» не внушает опасений⁹⁴. Так считал, в частности, орловский епископ Кирион, в чьей епархии менее чем через год развернулось мощное аграрное движение. Следовательно, и в деревне благополучие было мнимым, и в деревне духовенству не удалось исполнить свою главную задачу — притупить оструту классовых противоречий, объединить «в одну семью» помещиков и крестьян. Более того, владея значительными земельными угодьями, приобщаясь к помещичьим по своей сути источникам доходов, защищая социальный и политический статус-кво, церковь объективно смыкалась с классом помещиков. Поэтому в крестьянском движении против помещиков и самодержавия неизбежно должны были проявиться и антиклерикальные тенденции.

Одним из косвенных свидетельств начавшегося еще до революции 1905—1907 гг. отхода крестьян от господствующей церкви является усиленное распространение сектантских учений в по-реформенной русской деревне⁹⁵.

⁹⁰ Церковный вестник, 1905, 27 янв., с. 97.

⁹¹ Там же, 1905, 20 янв., с. 69.

⁹² РО ГБЛ, ф. 250, папка 2, д. 1, л. 27.

⁹³ Персиц М. М. Атеизм русского рабочего (1870—1905). М., 1965, с. 180—223; Шишкин В. Ф. Так складывалась революционная мораль: Исторический очерк. М., 1967, с. 227—238.

⁹⁴ Емелях Л. И. Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М.; Л., 1965, с. 123.

⁹⁵ Клибанов А. И. История религиозного сектантства в России. М., 1965, с. 192—194.

Следует вместе с тем учитывать медленность и сложность процесса отхода от церкви народных масс. Объективные причины, обусловливавшие такой отход, отнюдь не автоматически, не сразу реализовывались в народном сознании. Даже находясь в условиях глубокого кризиса, церковь еще сохраняла большую притягательную силу. Играли свою роль темнота и забитость народных масс, особенно крестьянства, сказывалась историческая традиция. Православие было религией отцов и дедов, православная церковь была «привычной». Расстаться с ней было не так-то просто. «Традиция — это великий тормоз», писал Ф. Энгельс, это сила инерции в истории⁹⁶. И поэтому отход от церкви совершался так медленно и сложно, не всегда осознанно и чаще всего неоформленно. Накануне 1905 г. церковь еще располагала определенным влиянием на народ и являлась серьезной политической силой.

Влияние это было далеко не абсолютным, о чем свидетельствовал уже сам факт начала первой русской революции. Но только в условиях революции могла наглядно выявиться подлинная роль служителей господствующей религии, именно революция могла значительно ускорить отход от церкви широких народных масс.

⁹⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 318.

Глава вторая

Начало первой русской революции и контрреволюционная деятельность церкви

Союз с самодержавием, борьба с революционным движением

В начале XX в. революционное движение в России поднялось на новую ступень. Стачечная борьба рабочего класса достигла невиданного прежде размаха. Обуховская оборона (1901 г.), всеобщая стачка на Юге России (1903 г.), забастовка в Баку (1904 г.) и другие выступления пролетариата наглядно свидетельствовали о его возросшей силе, политической сознательности и революционном потенциале. В 1903 г. на II съезде РСДРП возникло большевистское течение в российской социал-демократии. Партия большевиков, возглавившая пролетарское движение, взяла курс на сплочение вокруг пролетариата широких слоев крестьянства и городской демократии, на революционное разрушение самодержавного строя.

Под влиянием усилившегося рабочего движения активизировалось крестьянство. В 1902 г. мощные крестьянские выступления произошли в Харьковской и Полтавской губерниях. В те же годы в ряде крупнейших городов России прокатилась волна студенческих забастовок, сопровождавшихся митингами и демонстрациями. Массовые выступления рабочих, крестьян, учащейся молодежи говорили о том, что Россия стоит на пороге революции.

Одним из элементов сложившейся в начале XX в. революционной ситуации являлся кризис «верхов». Борьба в правящих кругах по вопросу об уступках как дополнении к политике репрессий все более углублялась по мере роста революционного движения и имела тенденцию дойти до пересмотра ряда основных положений внутренней политики. Однако накануне первой русской революции, вследствие засилия в верхах особо реакционных элементов, до пересмотра «основ» дело еще не дошло. В те годы деятели царского режима, пытаясь сохранить в неприкосновенности самодержавный строй, соглашались лишь на незначительные уступки, давали туманные обещания и упражнялись в изобретении различных способов отвлечения народа от революционной борьбы. Большое внимание в этой связи уделялось теории и практике «полицейского социализма».

Стараясь насадить среди рабочих контролируемые полицией организации, царские власти опирались на содействие некоторых

представителей православного духовенства, которые также не оставались в стороне от поисков новых форм борьбы с революционным движением. В частности, предпринимались попытки использовать стихийное стремление рабочих к повышению своего образовательного уровня для насаждения в их среде религиозно-монархической идеологии. В 1902 г. в Москве возникла Комиссия по организации общеобразовательных чтений для фабрично-заводских рабочих. Возглавлял комиссию епископ можайский Парфений¹. Московский митрополит Владимир сначала отнесся к этому делу с предубеждением, но под воздействием московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича изменил свое мнение и стал оказывать церковно-полицейскому начинанию всяческую поддержку².

В Петербурге духовенство попыталось использовать стихийную тягу рабочих к организации и сплочению. Здесь сотрудничество представителей духовенства с полицией было еще теснее, чем в Москве. В результате совместных действий полиции и духовенства было образовано «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга», возглавлявшееся 34-летним священником петербургской пересыльной тюрьмы Георгием Гапоном.

В задачи настоящей работы не входит детальное освещение истории этой организации. Нам необходимо лишь выяснить степень участия церковных властей в ее создании, а также показать их роль в последующих событиях, завершившихся трагедией 9 января³. Для этого нужно напомнить их ход и отметить характерные черты личности Гапона, неразрывной связью соединившего церковь с событиями Кровавого воскресенья.

Г. А. Гапон происходил из семьи зажиточного украинского крестьянина Полтавской губернии. Человек довольно легкомысленный, Гапон принял священнический сан по договору своей невесты и будущей жены. Сам он хотел стать врачом, чтобы лечить бедных, но невеста говорила, что призвание священника гораздо важнее, ибо врач лечит лишь тело, а священник заботится о душе⁴. Смешение наивно-народнических, религиозных и монархических представлений было характерно для той мелкобуржуазной провинциальной среды, к которой принадлежали Гапон и его невеста. Определенное влияние на Гапона оказали также идеи Толстовства. Известно, что активным распространителем этих идей был воспитатель Полтавского духовного училища И. Трегу-

¹ Беляева Е. К. «Комиссия по организации общеобразовательных чтений для рабочих г. Москвы»: (К вопросу об идеологическом воздействии царизма на пролетариат накануне революции 1905—1907 гг.). — В кн.: Проблемы истории СССР. М., 1977, вып. 6, с. 216—217.

² Русское дело, 1905, 19 февр., с. 3; РО ГБЛ, ф. 250, папка 2, д. 1, л. 186—187.

³ Эти события подробно освещены в современной литературе. Шустер У. А. Петербургские рабочие в 1905—1907 гг. Л., 1976, с. 59—96; и др.

⁴ Гапон Г. А. Записки Георгия Гапона: (Очерк рабочего движения в России 1900-х годов). М., 1918, с. 15.

бов. Встречался Гапон и с другими полтавскими толстовцами⁵. В 1898 г., пережив потерю жены, Гапон прибыл в Петербург для поступления в духовную академию⁶. Журналист Н. Симбирский (Насакин), лично знавший Гапона, отмечал, что он «умеет заводить нужные знакомства»⁷. Это качество проявлялось еще в Полтаве: в академию Гапон поступил по протекции полтавского епархиального начальства⁸.

Студенты невзлюбили Гапона. По словам очевидцев, более всего отталкивала его чрезмерная практичность⁹. Речь шла все о том же умении заводить «нужные знакомства», всесторонне использовать «нужных людей», каковы бы ни были эти люди: цель оправдывает средства, но и цель у священника не оставалась неизменной. Гапон по-прежнему говорил о помощи бедным, а в его действиях все явственнее проглядывало стремление использовать их в своих личных целях.

Впрочем, практицизм Гапона имел свои особенности. Раннее вдовство лишило его надежд на мирную семейную жизнь: повторный брак священникам запрещался. Несовершеннолетние дети, сколь ни мало заботился о них Гапон, надолго закрывали путь к монашеству и духовной карьере. («Какой из вас будет монах, когда у вас дети», — сказал при встрече Победоносцев¹⁰.) Роман с воспитанницей убежища (приюта) благотворительного общества «Синий крест» привел к тому, что Гапон потерял место священника при этом убежище и на время должен был оставить столицу. Но роман продолжался, и молодому священнику приходилось скрывать свою личную жизнь, чтобы не лишиться сана. Создавалось впечатление, что Гапон не придавал большого значения материальным благам. Не отказываясь от поступлений из компрометирующих источников, он мог подарить боязлику свои повые штиблеты и сам несколько дпей щеголять в чем придется¹¹. Человек в то время обеспеченный, Гапон имел возможность сразу же приобрести другую обувь, но тогда скрадывалось впечатление от сделанного жеста. Гапон не жаждал богатства. Гапон хотел славы и власти¹².

Во время скандала в убежище «Синего креста» он сказал одному из попечителей: «Мы с вами еще встретимся, я буду или великим человеком, или каторжником, но мстить вам я буду, где только могу и как могу!»¹³. Одна эта фраза говорит о многом. Перед нами человек неширокого ума, отчаянный честолюбец.

Появившись в Петербурге, Гапон стремится сойтись с город-

⁵ Освобождение, 1905, 25/12 февр., с. 264.

⁶ Бухбиндер Н. А. Из жизни Г. Гапона.— Красная летопись, Пг., 1922, № 1, с. 101.

⁷ Симбирский Н. Правда о Гапоне и 9-м январе. СПб., 1906, с. 55.

⁸ Гапон Г. А. Указ. соч., с. 22—23.

⁹ Красная летопись, 1922, № 1, с. 101.

¹⁰ Гапон Г. А. Указ. соч., с. 22.

¹¹ Красная летопись, 1922, № 1, с. 103.

¹² Там же, с. 104.

¹³ ЛГИА, ф. 19, оп. 97, д. 46, л. 23 об.

скими «пизами» и завести дружбу с начальством. Он начинает работать среди боярков и пишет проект об улучшении их положения. Проект застывает в бюрократических сферах, но зато Гапон заводит знакомства с петербургской полицией¹⁴. Отныне боярки предоставлены своей части, а Гапон переключается на тот участок работы, который интересует полицейское начальство,— петербургский пролетариат.

В октябре 1902 г. начальником Особого отдела Департамента полиции назначается С. В. Зубатов, известный деятель «полицейского социализма». Он организует в Петербурге «рабочий кружок», в котором появляется Гапон¹⁵. Священник приходит на квартиру к полицейскому «теоретику», ведет с ним беседы, конспектирует полицейские наставления, получает деньги, о чем не считает возможным умолчать в своих записках¹⁶, а конспекты представляет другому полицейскому начальнику, который ведет надзор за самим Зубатовым, и, естественно, тоже не оставляет услуги без вознаграждения¹⁷.

Летом 1903 г. Зубатова удаляют от должности и высыпают из столицы. Зубатовский кружок с этих пор переходит в руки Гапона. 30 августа 1903 г. на Выборгской стороне открывается первая гапоновская чайная¹⁸.

Чтобы привлечь рабочих, Гапон изгоняет из кружка нескольких ближайших сотрудников Зубатова, однако сам продолжает поддерживать с полицией самые тесные отношения¹⁹. 9 ноября 1903 г. петербургскому градоначальнику был подан написанный Гапоном устав «Собрания русских фабрично-заводских рабочих». Падение Зубатова не означало отказа от «полицейского социализма». На смену зубатовщине пришла гапоновщина, характерная более замаскированным участием полиции в создаваемых ею рабочих организациях. 15 февраля 1904 г. устав гапоновского общества был утвержден министром внутренних дел В. К. Плеве. 11 апреля «Собрание» официально открыло свою деятельность²⁰, направив Плеве благодарственную телеграмму²¹. Ближайшим полицейским попечителем организации стал петербургский градоначальник И. А. Фуллон, числившийся её почётным членом и приезжавший иногда на собрания²².

При помощи гапоновской организации полиция рассчитывала

¹⁴ Симбирский Н. Указ. соч., с. 56.

¹⁵ Максимова Л. М. Возникновение гапоновского «Собрания русских фабрично-заводских рабочих».— Учен. зап. Башкирского ун-та, Сер. 14. Ист. науки, Уфа, 1972, вып. 70, с. 9.

¹⁶ Гапон Г. А. Указ. соч., с. 40.

¹⁷ Венедиктов Д. Георгий Гапон. М.; Л., 1931, с. 7—9.

¹⁸ Максимова Л. М. Указ. соч., с. 19.

¹⁹ Гапон Г. А. Указ. соч., с. 45; Шустер У. А. Указ. соч., с. 61.

²⁰ К истории «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга» / Публ. Н. А. Бухбиндера.— Красная летопись, 1922, № 1, с. 299.

²¹ Максимова Л. М. Указ. соч., с. 23.

²² Гапон Г. А. Указ. соч., с. 49; Любимов Д. Н. Гапон и 9 января.— Вопросы истории, 1965, № 8, с. 125.

отвлечь рабочих от классовой борьбы, замкнуть их в узкие рамки взаимопомощи и «разумной самодеятельности», задержать рост влияния социал-демократии. Гапон был удобен полиции тем, что прикрывал полицейскую затею ряской священника. К тому же это был не совсем обычный священник, благополучный и инертный, как большинство его петербургских собратьев. Он обладал энергией, даром слова, организаторскими способностями, живо интересовался жизнью рабочих и тем самым привлекал многих из них.

Однако организация сначала росла довольно медленно. Ко времени открытия первой чайной (август 1903 г.) в кружке было 15–20 человек, ко времени официального открытия «Собрания» (апрель 1904 г.) — около 90 человек²³. И только осенью 1904 г. вдруг произошел качественный скачок. Война и поражения на фронте, продолжавшийся экономический кризис, безработица во многих отраслях промышленности, рост цен, усиление эксплуатации и налогового бремени — все это еще более снизило и без того крайне низкий уровень жизни рабочих. Революционная ситуация углублялась и обострялась. Стихийное недовольство рабочих искало выхода. В этих условиях гапоновская организация стала расти как на дрожжах. К концу 1904 г. она имела уже 11 отделений в разных частях города и насчитывала до 10 тыс. человек²⁴. Волею судьбы Гапон неожиданно оказался на плечах поднявшегося исполина. У честолюбивого священника закружила голова. С этого момента полиция и духовное начальство все более теряли власть над Гапоном.

Чтобы всесторонне показать последовавшее вслед за этим скрещение сил и роль в этом православной церкви, необходимо выяснить вопрос об отношении петербургских духовных властей к Гапону и его организации. Петербургская духовная консистория, разбиравшая 19 января 1905 г. дело Гапона, утверждала, что он вступил в «Собрание» и возглавил его не только без согласия петербургского митрополита Антония (Вадковского), но и несмотря на его запрещение²⁵. Очевидно, если бы такое запрещение было, Гапону пришлось бы подчиниться воле митрополита.

Гапон действительно имел конфликты с духовными властями, но не в связи со своей деятельностью в «Собрании русских фабрично-заводских рабочих». Митрополиту Антонию сообщили о произшествии в убежище «Синего креста»²⁶. Кроме того, поспешно выехав из столицы летом 1902 г., Гапон не держал экзаменов в духовной академии. Поэтому его исключили из академии²⁷.

Блудный сын вскоре вернулся. За него заступилось охранное отделение, и с разрешения Антония Гапона восстановили в академии. Однако, принимая во внимание подмоченную репутацию

²³ Максимова Л. М. Указ. соч., с. 19, 22.

²⁴ Симбирский Н. Указ. соч., с. 63.

²⁵ ЛГИА, ф. 19, оп. 97, д. 46, л. 4 об.

²⁶ Венедиктов Д. Указ. соч., с. 4.

²⁷ Там же, с. 4—5; Гапон Г. А. Указ. соч., с. 33.

молодого священника, «владыка» не торопился определять его на новое место. Зная, что Гапон нуждается, митрополит сам оказывал ему материальную помощь. Об этом рассказывали встречавшиеся с Гапоном рабочие, он тоже упоминает об этом в своих записках²⁸. В целом Гапон не мог пожаловаться на плохое отношение петербургских духовных властей.

В январе 1904 г. назначение все же состоялось. Согласно революции митрополита, Гапон получил место священника петербургской пересыльной тюрьмы²⁹. Позднее, в январе 1905 г., выступая перед собранием столичного духовенства, Антоний объяснил это назначение ходатайством «подлежащего начальства»³⁰. Тюрьма находилась в ведомстве Министерства юстиции. Следовательно, в данном случае полиция хлопотала за Гапона через это ведомство. Но митрополит охотно шел навстречу пожеланиям полиции и тогда, когда они исходили от нее непосредственно.

В январе 1904 г. Гапон сплотил вокруг себя ядро будущей организации. Возможно, ему казалось, что только он является ее создателем. Возможно, он и не подозревал о том, что в верхах идут какие-то переговоры. О содержании этих переговоров можно судить по отрывочным данным, имеющимся в упоминавшейся речи митрополита, изложенной в епархиальном отчете за 1905 г.

Полицию увлекла идея организации рабочего союза «под покровом церкви». Предполагалось даже поставить епископа во главе такого союза. Этот союз должен был «входить в суждение о вопросах не только религиозно-нравственных и просветительных, но и социальных и экономических». Последнее вызвало возражения со стороны митрополита, считавшего, что «вопросы социальные и экономические не могут относиться к области чисто пастырской деятельности». В епископе полиции было отказано. Ей пришлось довольствоваться Гапоном. И то, согласно объяснениям митрополита, священник в этом союзе должен был действовать «только как представитель церкви, как учитель, поситель веры». Эти переговоры, видимо, имели место до утверждения устава гапоновского «собрания» в феврале 1904 г., т. е. примерно тогда, когда Гапон получил место при пересыльной тюрьме.

Заключенное соглашение не было выполнено. Гапон не ограничился ролью духовного наставника, а фактически возглавил «собрание». Было ли это известно митрополиту? Об этом недвусмысленно говорится в епархиальном отчете: «Став во главе рабочего союза, Гапон обращался к митрополиту за благословением и разрешением на новую деятельность, но такового ему не было дано»³¹. Итак, епархиальные власти в одном случае говорят о прямом «запрещении», в другом — о неразрешении. Думается, что первого в строгом смысле не было вовсе. Второе не говорит о полном отчуждении церкви от гапоновских дел. Наоборот, по свидетельст-

²⁸ Гапон Г. А. Указ. соч., с. 44; Красная летопись, 1922, № 1, с. 114.

²⁹ ЛГИА, ф. 19, оп. 97, д. 46, л. 4.

³⁰ Красный архив, 1929, № 5 (36), с. 195.

³¹ Там же.

ву начальника канцелярии Министерства внутренних дел Д. Н. Любимова, гапоновское «собрание» пользовалось «особым покровительством» петербургского митрополита³². Отметим, что это покровительство было фактическим, но не официальным.

Критикуя либеральное требование «неучастия» духовенства в политике, В. И. Ленин подчеркивал, что такая постановка вопроса — сплошное лицемерие, что «духовенство всегда участвовало в политике *прикровенно*»³³. Наглядным подтверждением этого ленинского положения является отношение петербургских церковных властей к гапоновскому эксперименту. Тем более что им были хорошо известны его цели. Как объяснял митрополит Антоний на собрании столичного духовенства, гапоновский союз был организован «в противовес революционной пропаганде среди рабочих»³⁴. Таким образом, гапоновщина являлась одной из форм борьбы церкви с революционным движением.

Конечно, ни полиция, ни духовные власти и не подозревали, что Гапон может «подвести» и дело закончится таким провалом. В речи перед духовенством 14 января 1905 г. митрополит отметил, что «предшествовавшие 9 января события не давали права опасаться той ужасной развязки, какая случилась»³⁵.

В конце декабря 1904 г. на Путиловском заводе возник конфликт между рабочими и администрацией. 3 января 1905 г. путиновцы забастовали. 4—5 января к забастовке примкнуло несколько крупнейших заводов, к 8 января она охватила все столичные предприятия³⁶.

Существуют различные мнения о том, как родилась идея шествия с петицией. Возможно, сыграла свою роль либеральная банкетно-петиционная кампания в конце 1904 г. Бесспорным же является наличие двух основных причин: общего воздействия обострявшейся революционной ситуации (в частности, невыносимого положения рабочего класса, военных тягот и пр.), а также сохранения у значительной части рабочих, особенно у недавних выходцев из деревни, наивно-монархических иллюзий, подогретых к тому же гапоновской пропагандой. Позднее, когда идея шествия уже прочно укоренилась, Гапон говорил перед огромным собранием: «Товарищи! Вы должны идти к царю! Царь — это правда! Вы должны идти всегда к правде! Куда же нам еще идти?»³⁷. Нет сомнения, что мотив «царь — это правда» — изначальный мотив гапоновской пропаганды.

Наивно-монархическими настроениями была проникнута и петиция, которую рабочие хотели вручить царю. Этот чрезвычайно яркий, исполненный драматизма документ свидетельствовал о последней степени отчаяния, до которой довели рабочих нищета и

³² Вопросы истории, 1965, № 8, с. 125.

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 470.

³⁴ Красный архив, 1929, № 5(36), с. 195.

³⁵ Там же, с. 194.

³⁶ Революция 1905—1907 годов в России. М., 1975, с. 39—42.

³⁷ Симбирский Н. Указ. соч., с. 67—68.

бесправие. Вместе с тем стихийный демократизм рабочего класса, а также постоянная пропаганда социал-демократов, прежде всего большевиков, способствовали тому, что в петицию были включены требования социал-демократической программы-минимум, вплоть до созыва Учредительного собрания. В числе прочих требований в петиции говорилось и об отделении церкви от государства³⁸.

Деятельность Гапона впервые серьезно обеспокоила духовные власти, когда в начале января стали останавливаться петербургские заводы. Участие духовного лица в забастовочном движении считалось недопустимым. 5 января митрополит Антоний предложил Петербургской духовной консистории потребовать от Гапона объяснений. Гапон не явился в консисторию. Затем его дважды вызывали к митрополиту. Гапон не явился и к нему³⁹. Встревоженный патриарх павел справки в полиции, но там продолжали рассчитывать на своего агента. Митрополит получил ответ, что деятельность Гапона очень полезна. Поэтому, как говорится в епархиальном отчете, «9 января было встречено владыкою спокойно»⁴⁰.

С формальной точки зрения действительно было все в порядке: получен ответ из полиции, зафиксированы вызовы Гапона. И все же вряд ли можно было оставаться спокойным, видя военные приготовления в городе. Но церковь имела давнюю традицию невмешательства в действия властей. Так и поступил петербургский митрополит в критические январские дни.

Не сделав попытки остановить готовившуюся расправу, церковные власти тем не менее попробовали оказать влияние на рабочих и в противовес агитационно-пропагандистской деятельности социал-демократов, прежде всего большевиков, усилили монархическую пропаганду. 8 января «Церковные ведомости» опубликовали поучение томского епископа Макария «О хранении заветов старины». В поучении доказывалось, что верный путь устранения всех бед — нравственное самоусовершенствование. «Добрый русский человек! — призывал епископ. — Храни заветы старины и не забывай мудрого изречения, что той земле не устоять, где начнут уставы ломать. Храни неизменную верность царю, зная, что на небе бог, а на земле царь — божий помазанник»⁴¹. «Поучения», помещавшиеся в «Церковных ведомостях», служили материалом для проповедей. Предполагалось, что в воскресенье 9 января поучение Макария будет прочитано в петербургских церквях, хотя ничто не имело так мало шансов на успех, как

³⁸ Петиция имеет несколько вариантов. Означенное требование приводится в варианте, который принято считать основным. (См.: Революция 1905—1907 гг. в России: Документы и материалы. Начало первой русской революции, январь — март 1905 г. М., 1955, с. 30). В других вариантах говорится о свободе «в деле религии». (См.: Вперед, 1905, № 4; Симбирский Н. Указ. соч., с. 73).

³⁹ ЛГИА, ф. 19, оп. 97, д. 46, л. 1, 5.

⁴⁰ Красный архив, 1929, 5(36), с. 195.

⁴¹ Прибавления..., 1905, 8 янв., с. 51—54.

призыв к нравственному самоусовершенствованию, обращенный к доведенным до отчаяния рабочим.

8 января Гапон явился по вызову к министру юстиции, но переговоры ни к чему не привели⁴². В тот же день министр внутренних дел кн. П. Д. Святополк-Мирский приказал градоначальнику арестовать Гапона. Но Фуллон не решился задержать своего недавнего сподвижника, находившегося в окружении 200 рабочих, готовых его защищать⁴³.

Впоследствии Гапона однажды спросили: «На что же вы рассчитывали, когда 9 января вели рабочих на Дворцовую площадь к царю?» Гапон отвечал: «Если бы царь принял нашу делегацию, я упал бы перед ним на колени и убедил бы его при мне написать указ об амнистии всех политических. Мы бы вышли к царем на балкон, я прочел бы народу указ. Общее ликование. С этого момента я — первый советник царя и фактический правитель России. Начали бы строить царствие божие на земле...»⁴⁴.

Если бы действительно произошло чудо и Гапон оказался у власти, он не знал бы, что с нею делать. Как известует из его записок, он не имел определенной программы⁴⁵. Да и не по плечу ему было иметь такую программу. Гапон был монархист, зубатовец, агент полиции с многолетним стажем. И только в январские дни 1905 г., захваченный событиями, вообразив о себе слишком много, он вышел из-под контроля властей.

В праздник крещения, 6 января, царь был в столице и присутствовал при водосвятии на Неве. После этого он уехал в Царское Село. Главной целью визита Гапона к министру юстиции Н. В. Муравьеву и была попытка вызвать царя в Петербург или, во всяком случае, побудить его принять делегацию⁴⁶. Многое говорит о том, что Гапон и его ближайшие сподвижники накануне шествия стали сомневаться в его успехе⁴⁷.

Об отсутствии царя в столице знали многие. В ночь на 9 января Святополк-Мирский, возвращаясь после доклада Николаю II, застал на Царскосельском вокзале огромную толпу, ожидающую прибытия императора⁴⁸. Таким образом, накануне 9 января ни полиция не могла изъять Гапона из его окружения, ни Гапон, если бы он этого захотел, — отменить шествие. Как справедливо указывал В. Д. Бонч-Бруевич, «не священник Гапон вел массу, а она увлекла Гапона к дворцу, неся туда в наивной надежде свои политические требования»⁴⁹. Шествие невозможно было предотвратить, и теперь все зависело от того, как отнесутся к этому народному движению высшие власти.

⁴² Гапон Г. А. Указ. соч., с. 64—65.

⁴³ Красная летопись, 1922, № 1, с. 335.

⁴⁴ Поссе В. А. Воспоминания. Пг., 1923, с. 48.

⁴⁵ Гапон Г. А. Указ. соч., с. 103—104.

⁴⁶ Там же, с. 65.

⁴⁷ Симбирский Н. Указ. соч., с. 128, 133.

⁴⁸ Вопросы истории, 1965, № 8, с. 129.

⁴⁹ Бонч-Бруевич В. Д. Гапон и гапоновщина.— В кн.: Вопросы истории религии и атеизма: Сб. статей. М., 1955, вып. 3, с. 24.

Впоследствии С. Ю. Витте писал, что если бы он был во главе правительства, то посоветовал бы царю выслать к рабочим одного из генерал-адъютантов и взять их прошение. Однако в те дни Витте заявил, что это дело до него «как председателя Комитета министров совсем не относится»⁵⁰. Подача прошений непосредственно в руки императору была запрещена. Для приема прошений существовала специальная канцелярия, и никто не находил, что в данном случае следует отступить от общего правила, что царь должен выйти к рабочим или принять их депутатию. «Я ясно помню, — писал Любимов, — что до 9-го никаких подобных предположений в официальных сферах не возникало»⁵¹. Высказать такое предложение означало бы взять на себя ответственность за его возможные последствия. Промолчать, действовать «по заведенному порядку» — означало делить ответственность со всеми.

Действия в подобных случаях начинались с вызова войск. Они стали прибывать в Петербург уже 7 января⁵². Вечером 8 января Святополк-Мирский провел совещание с рядом министров, высших военных и полицейских чинов. Главная опасность усматривалась в скоплении большой массы народа на Дворцовой площади. Поэтому было решено, что шествия будут остановлены у застав «благодаря особой дислокации войск»⁵³. О возможных последствиях подобного решения, о том, могут ли рабочие так просто оставить свои наболевшие и невысказанные требования и тихо разойтись по домам, об этом предпочитали не задумываться. Очевидно, кое-кто, особенно из числа военных, ясно представлял эти возможные последствия, но не усматривал в них ничего небывалого. Так возник молчаливый заговор трусости, глупости и жестокости.

Сразу же после совещания министр внутренних дел поехал с докладом к царю. Лучшие времена Святополк-Мирского миновали вместе с «либеральной весной», и в начале 1905 г. положение министра было довольно шатким. Видимо, побоявшись дать лишний повод для «высочайшего» неудовольствия, Святополк-Мирский составил доклад в успокоительном духе. Достигнуть желаемого вполне удалось, и Николай после отъезда министра оставил в дневнике вяло-равнодушную запись: «8-го. Был вечером Мирский с докладом. Рабочие ведут себя спокойно, во главе какой-то священник-социалист...»⁵⁴.

⁵⁰ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960, т. 2, с. 341—343.

⁵¹ Вопросы истории, 1965, № 8, с. 130. Любимов не совсем точен. 8 января прокурор Петербургской судебной палаты Э. И. Вуич в своей записке Муравьеву предложил устроить прием депутатации кем-либо из царских приближенных (см.: Ганелин Р. Ш. Канун «Кровавого воскресенья». — Вопросы истории, 1980, № 1, с. 38). Однако Вуич не имел большого политического веса, и его совет остался без внимания.

⁵² Шустер У. А. Указ. соч., с. 84.

⁵³ Вопросы истории, 1965, № 8, с. 127; Витте С. Ю. Указ. соч., т. 2, с. 342—343.

⁵⁴ Вопросы истории. 1965, № 8, с. 120.

Утром 9 января у петербургских застав раздались залпы. Войска стреляли в рабочих, направлявшихся к Зимнему дворцу. Полностью, однако, задержать шествие не удалось. Рабочие группами и поодиночке просачивались к дворцу. К середине дня на Дворцовой площади, на прилегающих площадях и проспектах собралась плотная толпа участников шествия и просто любопытных, ожидавших появления царя. Тогда началась операция по «очистке» центра города. Пехота залпами снимала с деревьев любопытных мальчишек, кавалерия рассеивала отдельные группы рабочих. В этот день в столице было убито около тысячи человек, ранено — несколько тысяч⁵⁵.

Вечером 9-го у Святополк-Мирского снова собирались военные и полицейские чины. Министр потребовал объяснить, «кем было сделано распоряжение о стрельбе и почему в этом случае не распоряжался градоначальник», тогда как вся ответственность остается на нем». Фуллон отвечал, что он не мог остановить стрельбу, которая одновременно велась более чем в десяти местах. Фактически распоряжались военные. Следовало объявить город на военном положении, и тогда бы все стало на свои места. Товарищ министра внутренних дел П. Н. Дурново возразил, что военное положение было вовсе не нужно: следовало вызвать одну кавалерию, которая рассеяла бы толпу, не открывая стрельбы, «тем более что толпа не была вооружена». Теперь возражал начальник штаба войск гвардии и округа генерал Н. Ф. Мешетич. Выбор ровов войск был осуществлен по всем правилам. Подвезли даже артиллерию. «Что же касается стрельбы, то это неизбежное последствие вызова войск. Ведь не для парада их вызывали? Существуют на этот счет точные правила, и если толпа, несмотря на троекратные предупреждения, не желает расходиться, а напирает на войска, даются определенные сигналы, а затем стреляют...»⁵⁶

Таким образом, речь может идти только о круговой ответственности правящей верхушки царской России. Равнодушный к своему народу царь, санкционировавший расправу, высшие сановники, участвовавшие в «заговоре трусости», «либеральный» министр, вызвавший войска (конечно, не для парада), свирепые военные во главе с командующим гвардией и округом вел. кн. Владимиром Александровичем — все несли ответственность за события Кровавого воскресенья. Повинны были и «правила», на которые ссылались военные, и люди, которые составляли и применяли их уже раньше. Виновен был весь царский строй. Несомненно, несло ответственность и высшее петербургское духовенство, призывающее народ хранить «заветы старины», но ничего не сделавшее для предотвращения кровавой расправы над безоружными.

⁵⁵ Революция 1905—1907 годов в России, с. 46—47; Симбирский Н. Указ. соч., с. 142—144.

⁵⁶ Любимов Д. Н. Указ. соч.— Вопросы истории, 1965, № 9, с. 116.

9 января рабочие расстались с наивной верой в царя. В тот же день в Петербурге завязались баррикадные бои. 9 января стал первым днем первой русской революции.

*

В январе 1905 г. стачечное движение охватило по всей России около полумиллиона рабочих. Революция расширялась и углублялась. В феврале-марте в борьбу стало включаться крестьянство, а летом 1905 г. крестьянские волнения охватили около пятой части уездов Европейской России. Революционное движение распространялось на армию и флот⁵⁷.

В борьбу с начавшейся революцией включился весь аппарат царской власти. Не остался в стороне и Синод. 12 января было вынесено синодальное определение о восстановлении на великой ектене прошения об ограждении от «неистовых крамол супостатов». Эта молитва впервые была введена 8 мая 1881 г. в связи с убийством Александра II⁵⁸. 15 января Синод опубликовал послание «взлюбленным чадам святой православной церкви». 9 января, разъясняясь в послании, в столице имели место «беспорядки», попытки «скопом и насилием добиваться своих будто бы попранных прав». Виновниками этих «беспорядков» Синод объявлял «злонамеренные элементы», имевшие «в своей среде недостойного священнослужителя, дерзновенно поправшего связанные обеты и ныне подлежащего суду церкви». Беспорядки были вызваны «подкупами со стороны врагов России и всякого порядка общественного», которые прислали «значительные средства», чтобы расстроить русскую промышленность, затруднить снабжение дальневосточной армии и «навлечь на Россию неисчислимые бедствия». «Врагам нашим,— развивали свою версию синодальные архиереи,— нужно расшатать твердыни наши — веру православную и самодержавную власть царскую. Ими Россия жива, на них возросла и окрепла и без них погибнет». Далее следовали призывы чтить царя и повиноваться богоустановленной власти. Послание было подписано членами Синода: тремя митрополитами — петербургским Антонием, московским Владимиром (Богоявленским) и киевским Флавианом (Городецким); архиепископом финляндским Николаем и епископом винницким Климентом⁵⁹.

Таким образом, церковь заявила о своей полной поддержке правительства, сомкнулась с самыми реакционными силами. И недаром полицейские власти приняли энергичные меры к быстрейшему распространению синодального послания. По соглашению между митрополитом Антонием и петербургским генерал-губернатором Д. Ф. Треповым послание следовало зачитывать в петер-

⁵⁷ История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1968, т. 6, с. 121—123, 145—151.

⁵⁸ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 186, д. 2991, л. 1, 4.

⁵⁹ Церковные ведомости, 1905, № 3, Приложение.

бургских церквях уже на следующий день, в воскресенье 16 января, что обеспечивалось очень быстрой рассылкой «Церковных ведомостей» городским подписчикам. Кроме того, Трепов распорядился о расклейке послания по всему городу, на видных местах⁶⁰.

В подкрепление синодальных измышлений академический «Церковный вестник» опубликовал две клеветнические, неизвестно откуда полученные телеграммы, в которых говорилось, что беспорядки в Петербурге были организованы «англо-японскими провокаторами» и что японское правительство раздало 18 млн. руб. русским революционерам, социалистам, либералам и рабочим⁶¹. Маневры церковников были настолько неуклюжи и бес tactны, что вызвали недовольство даже среди тех, кто не сочувствовал революции. С осуждением синодального послания выступила, в частности, праволиберальная газета «Слово»⁶².

Что касается сомнительных телеграмм, то они привели к новым трениям в довольно натянутых англо-русских отношениях, и царское правительство вынуждено было официально опровергнуть известия об иностранных «подкупах». В письме на имя К. П. Победоносцева 19 февраля 1905 г. министр иностранных дел В. Н. Ламздорф указывал на нежелательность «подобных заявлений»⁶³.

Синодальное послание, получившее такой скандальный резонанс, свидетельствовало о продолжении прежней контрреволюционной политики церковного руководства. Правда, временно была оставлена идея организации рабочих в контролируемых правительством и церковью союзах. Но зато приобрела гораздо больший размах традиционная монархическая проповедь. Если и ранее церковное руководство отказывалось затрагивать социально-экономические вопросы, то теперь оно прямо отвергало признание того факта, что рабочие имеют какие-то неотложные нужды. Отныне в фокусе внимания церковников оказывалась борьба с «крамолой». Об этом, в частности, свидетельствовало выступление петербургского митрополита 23 января перед рабочими Путиловского завода. Антоний предостерегал против «неистовых крамол супостатов» и призывал «покаяться» в таких «грехах», как колебание «исторических устоев бытия нашего», ослабление преданности «православному царю» и т. п. О положении рабочего класса, об его нуждах митрополит не проронил ни слова⁶⁴. Новая тенденция церковного руководства могла иметь своим следствием только дальнейший отход народа от господствующей церкви.

Между тем в правительственные верхах, не отличавшихся особой изобретательностью, парождался новый вариант «полицейского социализма» как дополнения к проводимой правительством

⁶⁰ ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 75, II отд., 3-й стол, 1905 г., д. 32, л. 2, 3.

⁶¹ Церковный вестник, 1905, 16 янв., с. 58.

⁶² Слово, 1905, 18 янв.

⁶³ ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 75, II отд., 3-й стол, д. 105, л. 1.

⁶⁴ Прибавления..., 1905, 29 янв., с. 185—186.

политике репрессий. На этот раз на скользкую стезю Зубатова и Гапона ступил Д. Ф. Трепов, назначенный на пост петербургского генерал-губернатора сразу после событий 9 января. Первым проявлением нового варианта старой политики явился прием Николаем II организованной полицией «депутации» рабочих. Это была примитивная попытка «переиграть» недавние события. Если 9 января произошла трагедия, то 19 января были разыгран политический фарс. Царь «милостиво» «простили» рабочих, пообещал «улучшить и упорядочить» их жизнь, призвал к «терпению» и посоветовал поскорее вернуться к «мирному труду»⁶⁵.

Синод предписал местному духовному начальству организовать перепечатку текста выступления императора «для распространения среди прихожан путем раздачи или помещения в подобающих местах для прочтения». В одной только Пензенской епархии этот текст был размножен в количестве 15 тыс. экземпляров⁶⁶.

Кроме того, в Синоде было составлено особое «Поучение иерея перед прочтением милостивых слов государя императора рабочим». Как и прежнее послание, оно характеризовалось усиленной пропагандой монархизма, паряду с проповедью против «внутренних возмутителей». Народ призывался крепко стоять «в верности святой вере и царю православному»⁶⁷.

Новая затея в духе «полицейского социализма» заглохла уже в феврале 1905 г., когда потерпела провал комиссия Н. В. Шидловского⁶⁸. Что же касается монархическо-контреволюционной пропаганды, широко развернутой Синодом в январе 1905 г., то она на долгие годы выдвинулась в его деятельности на передний план.

20 февраля 1905 г., в воскресенье, последний день «недели о страшном суде», в столичном Исаакиевском соборе выступил с речью член Синода волынский епископ Антоний. Запугивая слушателей грядущим «страшным судом», епископ призывал встать на борьбу с «крамолой» и защитить самодержавие. Прозвучали в речи и обычные для волынского епископа злобные выпады против интеллигенции, которую он считал главным виновником «смуты»⁶⁹.

В Москве в ответ на события 9 января была прочитана лекция Н. П. Розанова «Социально-экономическая жизнь и Евангелие». Лекция была рассчитана специально на рабочую аудиторию. Автор подчеркивал, что Христос не стремился провести реформу социально-экономической жизни, что право собственности священно и что единственный путь к облегчению нужд чело-

⁶⁵ Там же, 1905, 22 янв., с. 171—172.

⁶⁶ Государственный архив Пензенской области (далее: ГАПО), ф. 182 (Пензенской духовной консистории), оп. 1, д. 2575, л. 518—518 об.

⁶⁷ Церковные ведомости, 1905, № 5. Бесплатное приложение.

⁶⁸ Крейдлина Л. М. Петербургский комитет РСДРП и выборы в комиссию Шидловского.— Вопросы истории КПСС, 1975, № 2.

⁶⁹ Ежегодник МИРА, т. 4, с. 131; Церковный вестник, 1906, 29 июня, с. 859.

вечества — нравственное самоусовершествование⁷⁰ (как видим, события 9 января не изменили содержания церковных проповедей).

Лекция Розанова являлась частью систематического лекционного курса, читавшегося в Историческом музее и Епархиальном доме. Устройством лекций заведовала комиссия во главе с епископом Парфением. О возникновении этой комиссии говорилось выше.

Чтения для рабочих обычно заканчивались весной и возобновлялись осенью. Однако московское епархиальное начальство по заботилось о том, чтобы и летом не ослабевала церковная пропаганда. Было решено, что в летние месяцы 1905 г. внебогослужебные собеседования будут вестись в 16 московских церквях, расположенных главным образом в рабочих районах (в Преображенском и Семеновском, в Дорогомилове, Новой деревне, Даниловой слободе, на Зацепе и в других местах). Для проведения собеседований, кроме местных священников, к этим церквам были приписаны священники из других приходов⁷¹.

Пропагандистская деятельность духовенства усилилась и в ряде других епархий. В феврале епископ гродненский Никанор обратился к духовенству своей епархии с призывом «оказать административной власти соответствующую помощь в подавлении революции»⁷². В мае томский епископ Макарий сообщал Победоносцеву, что в противовес деятельности революционных агитаторов он признал своим «пастырским и патриотическим долгом внушать православной пастве здравые мысли и правое учение св. церкви об отношениях христиан к своему царю, правительству и отечеству». С этой целью епископ произносил проповеди и распространял печатные листки соответствующего содержания. «Смею думать,— добавлял Макарий с явным удовлетворением, не подозревая, насколько оно поспешно,— что усилия наши в этом отношении не оставались бесплодными; что если среди сибирских железнодорожных рабочих, благодаря бога, почти не было забастовок, то это произошло не без влияния разданных через священников и железнодорожных властей многих тысяч листовок, предупреждающих такого рода забастовки»⁷³.

Летом 1905 г., вернувшись из Петербурга в свою епархию, начал активную антисоциалистическую пропаганду волынский епископ Антоний. «Нас бог не для счастья послал на землю, а для спасения»,— поучал иерарх. Призывая своих «овец» остегаться «лихих людей», Антоний особо подчеркивал, что «бог велел почитать царя... а они возмущают народ против царя». И далее следовал чисто практический совет: «Всякую печатную

⁷⁰ Беляева Е. К. Указ. соч., с. 218—219.

⁷¹ Московские церковные ведомости, 1905, 12 июня, с. 267—268.

⁷² Павлюченко Н. В. Антинародная роль православной церкви в Белоруссии в 1905 г.— В кн.: Актуальные вопросы научного атеизма и критики религии. Минск, 1980, с. 30.

⁷³ ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 75, II отд., 3-й стол, д. 169, л. 3 об.

бумажку или книжку, которую получите от незнакомого человека сомнительного духа, покажите прежде священнику и спросите, доброе или гибельное в ней написано»⁷⁴.

7 июля Антоний сообщал в письме к петербургскому черносотенцу Б. В. Никольскому: «Мы с затрашнего дня будем в продолжении шести дней напутствовать отходящие на Дальний Восток три наших полка, т. е. 14 000 человек. Сколько можно, буду начинять их патриотизмом и антиреволюционным духом»⁷⁵.

Антисоциалистическую пропаганду развернули и черносотенные монахи Почаевской лавры, находившейся в Волынской епархии. Особую тревогу вызывало у них проявившееся в народе стремление отнять «у богачей богатство, у владельцев — землю». Монахи запугивали, что после «дележа» найдутся «такие, которые расточат полученное и потом с завистью будут смотреть на своих трудолюбивых и бережливых соседей и начнут вновь требовать грабежей и дележа»⁷⁶. Авторы подобных прокламаций имели смутные и примитивные представления о социалистических учениях, вели свою пропаганду на очень низком уровне, рассчитывая на самые отсталые слои народа. В качестве «образцов» проповедничества материалы из «Почаевского листка» перепечатывали «Церковные ведомости».

В Саратове подобный же «Братский листок» стал издавать епископ Гермоген. Он подчеркивал верность своего издания идеям «православия, самодержавия и народности»⁷⁷.

Не обновив своего идеиного арсенала, духовенство пыталось добиться желаемого результата усилив проповеднической деятельности. Именно это думал противопоставить пропаганде «заезжего интеллигента» подольский епископ Парфений. В послании к духовенству своей епархии он призывал проповедовать «благовременно и безвременно», в церкви и вне церкви, а листки «религиозно-нравственного содержания» раздавать бесплатно, чтобы нейтрализовать действие «противурелигиозных и противуправительственных» прокламаций. С целью объединения прихожан и оживления их интереса к богослужениям епископ предлагал вводить общее пение во время церковной службы. Наконец, в качестве еще одного средства усиления авторитета церкви епископ советовал священникам оставить «заботу» о «неправедных прибытках»⁷⁸.

Кампания, широко начатая Синодом в январе, была подхвачена и белым духовенством. «Православие и самодержавие — незыблемые основы нашего дорогого отечества,— писал сельский священник Г. Чехов.— Внутренние же враги, играя роль японских холопов, своею преступною агитациею, ложью, обманом и насилием стремятся поколебать эти всосавшиеся в плоть и кровь

⁷⁴ Прибавления..., 1905, 25 июня, с. 1074—1075.

⁷⁵ Былое, 1923, № 21, с. 158.

⁷⁶ Прибавления..., 1905, 4 июня, с. 947—949.

⁷⁷ ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 75, II отд., 3-й стол, д. 426, л. 2 об.

⁷⁸ Прибавления..., 1905, 6 авг., с. 1334—1336.

русского народа заветы»⁷⁹. В этом же духе высказывался и настоятель Кронштадтского Андреевского собора Иоанн Сергеев. В одном из своих «братских посланий» он писал, что русские люди, особенно «обезумевшая интеллигенция», стали исполнять «злую волю сердца своего»⁸⁰.

Священник села Новая Кутля Мокшанского уезда Пензенской губернии Е. Любимов 2 февраля 1905 г. произнес проповедь, в которой утверждал, что «внутренние смуты» происходят по большей части «от ученой молодежи»⁸¹. В Аткарском уезде Саратовской губернии под влиянием проповедей местного священника толпа бросилась избивать интеллигентов⁸². В мае 1905 г. священник Алапаевского завода призвал местных рабочих довериться «царю-батюшке» и выслать с завода всех «смутьянов»⁸³.

В ряде мест были отмечены случаи прямого вмешательства духовенства в революционные события. В феврале, когда ряд уездов Курской губернии оказался охваченным крестьянскими волнениями, деятельное участие в борьбе против развернувшегося движения принял священник села Демина Дмитриевского уезда А. Килимов. По его совету сельский староста учредил в деревне караулы и распорядился, чтобы никто без письменного разрешения не отлучался из села. Когда же крестьяне, вопреки этим мерам «усиленной охраны», всем селом направились на разгром помещичьей экономии, священник вышел навстречу им с крестом и уговорил разойтись по домам. А. Килимов был представлен Синодом к награде орденом Анны 2-й степени⁸⁴.

Были представлены к награде также протоиерей М. Лободовский из Харьковской губернии и священник Е. Перовский из Пензенской. Первый заслужил признательность начальства тем, что прилагал «все усилия к тому, чтобы своим пастырским словом удержать крестьян от нарушения ими законного порядка»⁸⁵. Второй сумел прекратить происшедшие на станции Пенза волнения среди солдат, направлявшихся на Дальний Восток⁸⁶.

Священник села Моршани Кирсановского уезда Тамбовской губернии К. Богоявленский во время аграрных беспорядков «смело увещевал и уговаривал опомниться», за что получил благодарность губернатора и архиерея⁸⁷. Священник села Горшки Киевской губернии 29 мая своей проповедью сумел прекратить забастовку поденных рабочих⁸⁸.

⁷⁹ Церковный вестник, 1905, 10 февр., с. 168.

⁸⁰ Прибавления..., 1905, 19 февр., с. 346.

⁸¹ ГАПО, ф. 182, оп. 1, д. 2576, л. 256 об.

⁸² Слово, 1905, 3 марта.

⁸³ Романенко Б. П. Реакция православного духовенства Урала на революционные события 1905—1907 гг.—Учен. зап. Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена, Новгород, 1970, т. 462, с. 135—136.

⁸⁴ Революция 1905—1907 гг. в России: Документы и материалы. Начало первой русской революции, с. 634; ЦГИА, ф. 797, оп. 75, III отд., 4-й стол, д. 191, л. 2.

⁸⁵ ЦГИА, ф. 797, оп. 75, III отд., 4-й стол, д. 152, л. 1—2.

⁸⁶ Там же, ф. 796, оп. 186, д. 191, л. 1.

⁸⁷ Прибавления..., 1905, 8 окт., с. 1753—1754.

⁸⁸ Церковный вестник, 1905, 4 авг., с. 984.

Однако не везде представителям духовенства удавалось добиваться таких успехов в попытках остановить крестьянские выступления. 31 июля служащие экономии князя Волконского в Балашовском уезде Саратовской губернии избили крестьян, которые пасли лошадей на господских лугах. В тот же день в слободе Михайловке собрался сход. Выступивший на нем священник Сургучев призывал «не допускать беззаконий». Но эти призывы не подействовали на возбужденных крестьян, и священник ушел со схода. Вечером крестьяне подожгли экономию⁸⁹.

Поскольку проповедь против «беспорядков» отнюдь не всегда была успешна, в действиях духовенства стало обнаруживаться стремление дополнить агитацию организацией. Представители церкви припали деятельное участие в создании первых черносотенно-монархических организаций. 30 января в Москве состоялось открытие общества хоругвеносцев при Князе-Владимирской церкви. Присутствующим раздавали листовку «Доброе слово к царелюбивому народу русскому». После богослужения состоялось первое собрание общества, насчитывавшего 130 человек⁹⁰. В феврале в селе Лопатине Петровского уезда Саратовской губернии местный священник, пристав и начальник пожарной команды организовали «Дружину борьбы с крамолой»⁹¹.

Таким образом, с самого начала революции церковь выступила в союзе с самодержавием. В борьбу с революцией включились все слои духовенства. Церковники пропагандировали самодержавно-монархические принципы, травили революционеров и передовую интеллигенцию, боролись с массовым революционным движением. Особенности борьбы церкви с революцией в этот период в основном характеризовались более интенсивным применением традиционных средств воздействия на народ. Борьба носила еще спорадический характер, в ней отсутствовали организованность и планомерность. Сказывалось то обстоятельство, что церковное руководство во главе с Победоносцевым еще не вполне оценило масштабы революции. С указанным направлением в деятельности Синода еще конкурировало старое, традиционное направление — борьба с «иноверием» и «расколо-сектантством».

Попытки укрепить «духовную ограду». Углубление внутреннего кризиса господствующей церкви

Выше уже отмечалось, что на всех этапах освободительного движения в России православная церковь выступала в качестве его противника. Однако не всегда борьба, направленная непо-

⁸⁹ Революция 1905—1907 гг. в России: Документы и материалы. Революционное движение в России весной и летом 1905 г., апрель — сентябрь. М., 1957, ч. 1, с. 837—838.

⁹⁰ Московские церковные ведомости, 1905, 6 февр., с. 67.

⁹¹ Левицкий В. Правые партии.— В кн.: Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1914, т. 3, кн. 5, с. 371.

средственно против революционного движения, составляла главное направление деятельности церковного руководства. В частности, во времена Победоносцева основной упор делался на насаждение в начальной народной школе идей православия и самодержавия. При этом демократическая интеллигенция рассматривалась как чуждый народу элемент, и ее влияние казалось менее опасным, чем воздействие со стороны раскольников и сектантов. Большая опасность усматривалась также со стороны «иностранья» и «иноверия».

Церковь своевременно не разглядела те качественные изменения, которые произошли в освободительном движении на его пролетарском этапе. Освободительное движение приобрело массовый и подлинно народный характер. В глазах же церковников оно по-прежнему оставалось движением отдельных личностей и небольших групп. И лишь начавшаяся революция поколебала подобные взгляды. Под ее воздействием в церковно-бюрократическую стратегию охранения основ самодержавия вносились все большие корректизы. Синодальное послание 15 января 1905 г. оказалось той вехой, которой было отмечено значительное расширение деятельности духовенства, направленной непосредственно против революционного движения. Постепенно оттеснялась на второй план борьба с «расколо-сектантством». Это происходило не без внутренних трений в церковно-бюрократическом аппарате.

Однако расширение контрреволюционной деятельности церкви в условиях начавшейся революции вскоре обнаружило явно недостаточную эффективность традиционной церковной проповеди и неожиданное для многих церковников и бюрократов слабое влияние церкви на народ. Докладывая о начавшемся в феврале 1905 г. аграрном движении в ряде центральных губерний, помощник управляющего земским отделом МВД Я. Я. Литвинов вынужден был отметить, что «духовенство, как это ясно обнаружили беспорядки, не имело, за немногими исключениями, ровно никакого влияния на народ в делах общественной жизни»⁹².

Среди духовенства, особенно столичного, замешательство вызвали уже события 9 января. Широкий размах забастовочной борьбы, включение в петицию демократических требований, баррикадные бои к исходу дня — все это обнаруживало слабость влияния церкви на народные массы, тщетность ее многолетней работы по насаждению патриархальных ценностей смирения, покорности, социальной и политической пассивности.

В связи с этим в духовной среде и в бюрократических сферах усилился поиск новых форм и методов воздействия на народ, отчасти начатый еще в предреволюционные годы. Этот попытка вскоре вылился в более широкое движение за церковные реформы. Но цель при этом не изменилась. Это движение по своей сути являлось одним из направлений борьбы церкви с револю-

⁹² Революция 1905—1907 гг. в России: Документы и материалы. Начало первой русской революции, с. 634.

цией. Именно под этим углом зрения оно и рассматривается в настоящей работе. Фронтальные столкновения с силами революции, о чем говорилось в предыдущем разделе, дополнялись мерами по внутренней мобилизации церкви, ее реорганизации и выработке новых методов и приемов борьбы.

Тревога и неуверенность, охватившие петербургское духовенство после событий 9 января, выражались на его собраниях 11, 14 и 21 января⁹³. «Суждения были горячи, но выводы нерешительны»⁹⁴. Собравшиеся священники смогли сговориться лишь относительно «необходимости усиления пастырской деятельности среди рабочего населения столицы». Кроме того, была высказана мысль о том, чтобы на каждой отдельной крупной фабрике или на заводе постоянно присутствовал свой штатный священник⁹⁵.

На тех же собраниях среди духовенства выявились «непреодолимые трения», которые привели к обособлению небольшой группы «молодых элементов», настаивавшей на необходимости более радикальных мер⁹⁶. Из многочисленного столичного духовенства в группу вошло всего 32 священника. Видную, если не руководящую, роль в ней играло светское лицо, потомственный славянофил Н. П. Аксаков. Отражая настроения этой группы, священник М. Чельцов писал 10 февраля в «Церковном вестнике», что причины «печальных событий» не в происках «злоказненной англичанки» и «продувного японца», а в том, что «много „всяческой неправды“ в отношениях к народу». В связи с этим священник показывал и незавидную роль своего сословия: «...Не обличаем неправду деющих, а только народ призываем к терпению... Если так пойдет далее, мы останемся совершенно одни: часть паства уйдет в сектантство, другая — в социалистические партии»⁹⁷.

Таким образом, январские события содействовали размежеванию сил среди духовенства. С этого момента более четко стали вырисовываться некоторые расхождения во взглядах основной массы духовенства, с одной стороны, и группы обновленцев — с другой. С течением времени эти расхождения углублялись, а споры обострялись. Следует отметить некоторую относительность подразделения церковных деятелей 1905—1907 гг. на консерваторов и обновленцев. Первые также отчасти не были чужды стремлению к переменам, хотя и ограниченно понимаемым. К этому их в первую очередь подталкивали выявившиеся неудачи церкви в борьбе с революцией. Но зато и обновленцы, стремившиеся приспособить церковь к условиям капиталистического общества, усилить ее объединительные возможности, имели консервативную основу всей своей деятельности, определяемую общей консервативной ролью церкви в обществе. Объединяла тра-

⁹³ Ежегодник МИРА, т. 4, с. 128.

⁹⁴ Церковный вестник, 1906, 12 янв., с. 40.

⁹⁵ ЛГИА, ф. 19, оп. 97, д. 7, л. 49.

⁹⁶ Церковный вестник, 1906, 12 янв., с. 40.

⁹⁷ Там же, 1905, 10 февр., с. 169—171.

диционалистов и обновленцев и общая непосредственная цель — борьба с революцией.

Движение за церковные реформы отталкивалось от мер заведомо частных. Предложение о выделении крупных заводов в самостоятельные приходы, строительстве заводских церквей и назначении к ним причтов получило поддержку епархиальных властей. 7 февраля митрополит Антоний вошел с соответствующим представлением в Синод. Предполагалось, что средства на строительство церквей будут выделены владельцами заводов. Синод одобрил представление митрополита и постановил направить его в Министерство финансов для рассмотрения в комиссии Шидловского⁹⁸.

Выше уже говорилось о провале этой комиссии. Рабочие-выборщики предъявили ряд требований (бесцензурная публикация отчетов комиссии, освобождение арестованных в связи с событиями 9 января, неприкосновенность личности и жилищ рабочих делегатов), власти признали эти требования невыполнимыми, и рабочие отказались избирать выборщиков⁹⁹. Под обломками комиссии Шидловского оказалось погребенным и синодальное представление. Однако духовные власти не отказались от своей идеи открыть на каждом заводе церковь и тем самым приблизить духовенство к рабочему классу.

Между тем в самом духовенстве, особенно в той его части, которая была связана с фабричными районами, росло убеждение в малой эффективности традиционной проповеди. На «пастырском» собрании 31 марта один из петербургских священников призывал в свой приход «самых красноречивейших ораторов» и гарантировал «полный неуспех» их проповеди. В целях противодействия «сеемой среди рабочих смуте» собрание предложило прибегнуть к изданию и широкому распространению специальных листков. Кроме того, большие надежды возлагались на развитие приходской благотворительности, которая не только освободила бы священников от «горькой необходимости» брать с рабочими за трябы, но и сделала бы возможным «являться с реальной помощью в среду рабочей бедноты». Однако, как отмечалось на собрании, широкому развитию благотворительности мешала дезорганизация прихода¹⁰⁰. Духовенство начало искать новые средства укрепления своего пошатнувшегося авторитета.

*

Еще более сильное чувство неуверенности и страха перед революцией испытывала в этот период правящая бюрократия. Не имея ясного плана выхода из кризиса, правительство неуклюже маневрировало, сочетая политику массовых репрессий с тактикой кучных уступок. Прежде всего царизм попытался заключить пере-

⁹⁸ ЦГИА, ф. 797, оп. 75, 1905 г., II отд., 3-й стол, д. 102, л. 1.

⁹⁹ Революция 1905—1907 годов в России, с. 62.

¹⁰⁰ ЛГИА, ф. 19, оп. 97, д. 7, л. 50—51.

мирие со своими традиционными противниками — старообрядцами, сектантами и «иноверцами». В январе Комитет министров принял меры к освобождению всех лиц, подвергнутых в административном порядке высылке или аресту за «религиозные заблуждения». Руководители ведомств, по инициативе которых в свое время были изданы соответствующие «высочайшие повеления», теперь должны были испросить такие же «повеления» о «помиловании». Это касалось и «ведомства православного исповедания», также не остававшегося в стороне от административных расправ. 26—28 января 1905 г. Синод вынес определение, в соответствии с которым подлежали освобождению шестеро заключенных Сузdalского Спасо-Евфимиева монастыря и один — Соловецкого. Крестьянин Петр Леонтьев, задержанный за распространение «ложечения», направленного против «верховной власти и православного духовенства», провел на Соловках 33 года¹⁰¹.

25 января 1905 г. Комитет министров приступил к обсуждению общих мер по введению начал веротерпимости. Для участия в работе Комитета был приглашен «первоприсутствующий» в Синоде митрополит Антоний¹⁰².

Как уже отмечалось, преследование старообрядцев и сектантов, попытки вытеснения «иноверия», наряду с насаждением церковной школы, составляли главное направление церковной политики накануне революции. Освобождение нескольких заключенных, проведенное не по инициативе Синода и обер-прокурора, нельзя рассматривать как коренной поворот в политике церковных властей. Достаточно сказать, что в марте 1905 г., когда указ о веротерпимости уже ожидал своего утверждения, Пензенская духовная консистория возбудила против старообрядцев несколько уголовных дел. Один из старообрядцев привлекался за то, что назвал православных «еретиками»¹⁰³.

В свою очередь православное духовенство Западного края также не желало идти на уступки. Когда стало известно о подготовке указа о веротерпимости, епископ люблинский Евлогий собрал представителей духовенства Люблинской и Седлецкой губерний. Съезд потребовал, чтобы «сохранено было и впредь существующее... воспрещение бывшим греко-униатам переходить в католичество»¹⁰⁴.

Таким образом, среди православного духовенства имелась сильная оппозиция введению начал веротерпимости. Тем не менее митрополит Антоний, исходя из более дальних политических расчетов, не счел возможным выступить против этих начинаний. Однако, как свидетельствовал Витте, митрополит затронул вопрос о положении православной церкви и был поддержан

¹⁰¹ Всеподданнейший отчет обер-прокурора св. Синода за 1905—1907 годы, с. 21—23.

¹⁰² Прибавления..., 1905, 5 марта, с. 426.

¹⁰³ ГАПО, ф. 182, оп. 1, д. 2575, л. 606—607 об., 627—628 об.

¹⁰⁴ ЦГИА, ф. 797, оп. 75, II отд., 3-й стол, д. 200, л. 14.

некоторыми членами Комитета министров¹⁰⁵. В связи с этим Комитет министров, подготовив материалы к указу о веротерпимости, счел возможным перейти и к затронутому вопросу. Председатель Комитета С. Ю. Витте заявил: «Не надо забывать, что у нашего народа, у этой 120-миллионной массы, есть только два сокровища, которыми он живет: одно — это земля и то небольшое, что он от нее получает, другое — его живая вера, которая облегчает тяжесть земной ноши, дает ему силу мириться с горестью жизни. И страшно, как бы нам не лишить народ этого самого дорого для него сокровища»¹⁰⁶. Отнюдь не собираясь дать крестьянству землю, правительство решило «облегчить» тяжесть крестьянской жизни путем укрепления веры.

Во время аудиенции у царя Витте получил разрешение обсудить в Комитете министров вопрос о церковных реформах¹⁰⁷. Вслед за этим от имени митрополита в Комитет поступил особый документ под названием «Вопросы о желательных преобразованиях в постановке у нас православной церкви».

Авторы документа заявляли, что в результате намеченной реформы старообрядцы и сектанты окажутся якобы в более выгодном положении, чем господствующая церковь. В связи с этим ставился вопрос о пересмотре государственного положения православной церкви с тем, чтобы «не лишить ее авторитета у народа и не лишиться ее влияния на последний». И далее в виде вопросов по существу выдвигался ряд требований православной иерархии.

Прежде всего в записке говорилось об ослаблении «слишком бдительного контроля светской власти», что позволило бы церкви «своим возрожденным нравственным авторитетом быть незаменимой опорой православного государства». Очевидно, имелось в виду предоставление церкви большего простора для политического маневра при конечной защите ею существующего государственного строя. Кроме того, в записке речь шла о воссоздании прихода, разрешении церкви свободно приобретать имущество, об участии высшей иерархии в работе Государственного совета и Комитета министров. Для разработки соответствующих реформ предлагалось образовать «особое совещание из представителей церковной иерархии и мирян»¹⁰⁸.

Составленные под руководством петербургского митрополита, «Вопросы» отличались не только осторожностью в высказывании запросов высшего духовенства, но и глубокой внутренней противоречивостью. Некоторые пункты (об ослаблении государственной опеки, о приходе), казалось, представляли робкие попытки буржуазной перестройки церкви. Однако доминировали другие

¹⁰⁵ Красный архив, 1928, № 5 (30), с. 111.

¹⁰⁶ Кузнецов Н. Д. Преобразования в русской церкви. М., 1906, с. 7.

¹⁰⁷ Красный архив, 1928, № 5 (30), с. 111.

¹⁰⁸ Историческая переписка о судьбах православной церкви. М., 1912, с. 26—31.

меры, которые находились в русле прежних устремлений духовенства, направленных к упрочению положения церкви в рамках самодержавной системы, к росту ее богатства и усилению впещного блеска. В этом плане можно истолковать и требование об ослаблении опеки светского чиновничества. Церковное руководство еще не вполне сознавало всю серьезность кризиса своей организации, и к выступлению его прежде всего подталкивала затруднительность положения, в котором оказалось самодержавие. Авторы записки, видимо, полагали, что, приблизившись к престолу, церковь увеличит свое влияние не только на правительство, но и на народ.

«Вопросы», составленные под руководством митрополита Антония, свидетельствовали о росте клерикальных тенденций среди русской иерархии. Вместе с тем они ярко характеризуют и взгляды самого петербургского митрополита, наиболее высокопоставленного иерарха русской церкви.

В свое время за Антонием утвердилась репутация «либерала». Таковым его считает и Титлинов, изображая едва ли не «белой вороной» среди тогдашнего черного духовенства¹⁰⁹. Антоний действительно не имел того черносотенного оперения, каким отличались Владимир, Гермоген, Макарий или Антоний Волынский. Петербургский митрополит выделялся образованностью, умом и дипломатическими способностями. Он был более терпим к чужим мнениям, избегая тех свирепых преследований инакомыслящих в церковной среде, которые практиковали многие епархиальные архиереи. И хотя петербургская епархия превратилась в гнездо обновленцев, Антонию удавалось в критические моменты сдерживать центробежные силы. Репутация либерала укрепилась за митрополитом и в связи с тем, что он иногда посещал тюрьмы, не избегал бесед с политзаключенными¹¹⁰, выезжал на заводы. Впрочем, при этом произносились отнюдь не либеральные речи. «Либерализм» Антония проявлялся в жестах, но не в действиях, в умолчаниях, по не в речах. Когда Антоний действовал, он показывал себя верным сыном своей среды, монархистом и клерикалом, сторонником усиления позиций церкви в государстве и епископата в церкви. «Вопросы» свидетельствовали не только о его лояльности по отношению к самодержавию, но и о том, насколько далек он был от понимания действительных проблем, встававших перед церковью в условиях развития капитализма и усиления революционного движения.

«Вопросы» в значительной мере учитывали то, к чему стремилась церковная иерархия, и в гораздо меньшей мере то, чего хотело от церкви правительство. Поэтому С. Ю. Витте, уже от своего имени, представил в Комитет министров записку «О современном положении православной церкви». Записка обнаруживала более широкий подход к поднятым вопросам, большее понимание

¹⁰⁹ Титлинов Б. В. Церковь во время революции. Пг., 1924, с. 8—9.

¹¹⁰ Ежегодник МИРА, т. 4, с. 156.

настоящего положения вещей и тот pragmatism, который Витте не пытался скрывать.

В записке говорилось о «вялости внутренней церковной жизни», упадке прихода, отчуждении прихожан от священников, оторванности духовенства от «волнующих общество интересов», отсутствии «живого проповеднического слова». И, наконец, об «узкобюрократическом характере деятельности» всего церковного управления. Особое недовольство авторов записки вызывала слабая подготовленность духовенства «к борьбе с неблагоприятными церкви умственными и нравственными течениями современной культуры». «В превосходство нашего государственного строя над формами западноевропейской социальной жизни наше духовенство верит,— отмечалось в записке,— по только детскою верою... Государству же нужна от духовенства сознательная, глубоко продуманная защита его интересов, а не паившая вера в современное положение».

Причину упадка церкви авторы записки видели в «неканоническом характере церковной реформы Петра Великого», в несогласии введенного им церковного управления практике древней церкви, в игнорировании «соборного начала». Авторы записки видели основную задачу в том, чтобы добиться восстановления действительного, а не формального единения верующих. Средство к достижению такого единства они усматривали прежде всего в воссоздании приходской организации, хотя и не предлагали в этом направлении никаких более решительных шагов, чем привлечение прихожан к участию в выборах священника.

Приход, как полагали авторы записки, будет способствовать ликвидации «раскола», который, по их мнению, существовал между народом и интеллигенцией. В этом положении сквозили, между прочим, характерные для Витте цезаристские иллюзии. Народ рассматривался как опора режима, хотя и подверженная временными колебаниям, но все же достаточно прочная, интеллигенция же считалась главным источником «смуты». Если правые деятели, в том числе и многие церковники, думали подавить «крамолу» путем травли интеллигенции, то Витте мечтал приобщить ее к «народным» началам.

Приходы как первоначальные ячейки народного «единства», по мысли авторов записки, должны были объединяться на епархиальном и общегосударственном уровне. Однако существующее церковное управление, признавалось в записке, не отвечает задачам такого объединения. Поэтому ставился вопрос об общей церковной реформе. Если в «Вопросах» речь шла об образовании «особого совещания», то записка настаивала на необходимости созыва поместного собора. При этом в записке подчеркивалось, что в соборе должны участвовать не только иерархи, но и представители белого духовенства и мирян. «Церкви необходим союз с государством; необходима и государству поддержка церкви,— констатировали авторы записки,— по условия союза между тою и другою стороны должны быть составлены так, чтобы не ослаб-

лять самодеятельности ни церковного, ни государственного организма». Записка заканчивалась призывом к немедленным действиям: «При настоящих неоспоримых признаках некоторого внутреннего шатания как общества, так и народных масс ждать дальше опасно»¹¹¹.

И в записке, и в «Вопросах» сходились главные положения: необходимо упрочить союз между церковью и государством при повышении эффективности воздействия церкви на народные массы. «Вопросы» видели способ повышения эффективности прежде всего в возвышении внешнего авторитета церкви. Записка призывала церковь к более целеустремленной и масштабной работе. План Витте не отличался реалистичностью. Утопично было намерение добиться «единения» в приходах буржуазии и пролетариев, крестьян и помещиков. Утопичен был план изживания «крамолы» путем привлечения интеллигенции в церковные приходы. Но созыв собора мог помешать вовлечению в революционное движение некоторых отсталых слоев рабочих и крестьян, сохранивших религиозное мышление, отвлечь их от социальных и политических вопросов. В намерения Витте, по-видимому, и входил скорейший созыв поместного собора.

Однако события приняли более сложный оборот. В работе Комитета министров не принимал участия Победоносцев, который в это время болел или, как уверяет Витте, назывался больным, чтобы не участвовать в обсуждении указа о веротерпимости, которому он не сочувствовал¹¹². Но, узнав, что Комитет собирается заняться реформами православной церкви, ознакомившись с «Вопросами» митрополита Антония и запиской Витте, обер-прокурор 12 марта составил контрзаписку, озаглавив ее «Соображения статс-секретаря Победоносцева по вопросам о желательных преобразованиях в постановке у нас православной церкви».

По существу все содержание контрзаписки шло вразрез с ее заголовком, поскольку Победоносцев не назвал ни одного «желательного» преобразования, а все предложения митрополита и Витте счел не только не желательными, но и опасными. «Доныне неразрывная связь государства с церковью в России считалась основной опорой и государства, и церкви, и распадение этой связи считалось гибельным и для церкви, и для государства,— писал обер-прокурор.— Записка... клонится, по-видимому, под предлогом освобождения церкви, к существенному ослаблению этой связи, в результате своем угрожающему великой опасностью церкви и государству».

Отметая аргументы о «стеснении» церкви государством, обер-прокурор напомнил о государственных пособиях на нужды духовенства и о церковных наделах из казенных земель. Уже одно это, подчеркивал обер-прокурор, должно побуждать церковь «собразовываться» с существующими в государстве порядками и

¹¹¹ Историческая переписка..., с. 7—25.

¹¹² Витте С. Ю. Указ. соч., т. 2, с. 362.

прислушиваться к «отзывам знающих лиц (т. е. обер-прокурора и его помощников.—П. З.) о том, что можно по закону и чего нельзя сделать и требовать». (Естественно, обер-прокурор умалчивал о том, что церковные земли нарезались также и из крестьянских наделов, да и казенные пособия в конце концов также сбирались с народа.)

Довольно скептически Победоносцев отнесся к проекту воссоздания прихода, не без основания указав, что «мы уже не можем вернуться из нового мира» в XVI или XVII век. Считая, что неумелые и спешные действия могут только павредить, обер-прокурор высказался против предложения «вооружить» духовенство знанием «отрицательных культурных течений»¹¹³.

Обсуждение представленных документов, как явствует из сравнения воспоминаний Витте с оставшейся в архиве официальной справкой, было назначено на 14 марта. Однако накануне Победоносцев известил Витте, что вопрос о церковных преобразованиях изымается из Комитета министров и передается в Синод согласно «высочайшему повелению»¹¹⁴. Оказалось, что еще 2 марта Победоносцев послал Николаю II письмо, более краткое, но составленное в еще более сильных выражениях, чем представленная позднее записка, и царь изменил первоначальное решение¹¹⁵.

После этого обер-прокурор, видимо, решил, что стараниям певанного «радетеля» православной церкви дан должный отпор, и снова уединился в своей казенной квартире на Литейном проспекте. Между тем дело получило неожиданное для обер-прокурора продолжение. 16, 19 и 22 марта Синод обсуждал переданный на его рассмотрение вопрос. В итоге членам Синода удалось установить общую точку зрения, выразившуюся во «Всеподданнейшем докладе св. Синода о преобразовании управления российской церковью на соборном начале». Синод испрашивал «высочайшего соизволения» на созыв в Москве «в благопотребное время» поместного собора епархиальных епископов для избрания патриарха, который «чести ради Российского государства» стал бы во главе Синода. Кроме того, собор должен был рассмотреть вопросы о некоторой децентрализации церковного управления, о «благоустройстве прихода», пересмотре законов, касающихся приобретения церковной собственности, наконец, об участии представителей епархии в заседаниях Государственного совета и Комитета министров по делам, касающимся церкви¹¹⁶.

Для составления этой программы, как видно, были использованы «Вопросы» митрополита Антония. Однако во «Всеподданнейшем докладе» еще более явственно обнаружились тенденции к

¹¹³ Историческая переписка..., с. 32—48.

¹¹⁴ Витте С. Ю. Указ. соч., т. 2, с. 364: ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 186, д. 657, л. 321.

¹¹⁵ Красный архив, 1928, № 5(30), с. 110. Черновик письма опубликован в «Красном архиве» за 1926, № 5(18), с. 204—205.

¹¹⁶ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 209, д. 2241, л. 420—425.

усилению роли церкви в государстве и высшей иерархии в церкви, ибо патриарх, избираемый «чести ради Российского государства», должен был приблизить церковь к царскому престолу и повысить ее значение в государстве.

Витте предлагал призвать на собор представителей иерархии, белого духовенства и «мирян», думая тем самым достигнуть «единения» всех верующих при сохранении союза церкви с самодержавием. Синодальные архиереи тоже стояли за сохранение этого союза, но при этом только «архиастыреи» считали законными представителями и «пастыреи», и народа. По-видимому, члены Синода вполне серьезно надеялись, что поднятие внешнего авторитета церкви привлечет внимание масс к религиозным вопросам, отвлечет их от сеющихся «смут» интеллигентов и нанесет удар по самой «смуте». Уже в конце 1905 г., когда размах революции обнаружился со всею ясностью, один из членов Синода, волынский епископ Антоний, писал, что если бы весной был созван собор и назначен патриарх, то «по лицу родной страны раздавались бы священные песнопения, а не марсельезы, в Москве гудели бы колокола, а не пушечные выстрелы... общенародный восторг о восстановлении православия после долгого его плены и подступиться не дал бы селятелям безбожной смуты... а самодержавная власть непоколебимо и радостно стояла бы во главе народной жизни»¹¹⁷. Более значительную степень самообольщения, кажется, трудно себе представить.

«Всеподданнейший доклад» свидетельствовал о росте клерикальных тенденций среди православной иерархии, о стремлении ее теснее сплотиться для защиты как своих собственных интересов, так и интересов самодержавия. Впоследствии В. И. Ленин писал: «Русские народники и либералы долго утешали себя или, вернее, обманывали себя «теорией», что в России нет почвы для воинствующего клерикализма, для борьбы «князей церкви» со светской властью и т. п. В числе прочих народнических и либеральных иллюзий наша революция рассеяла и эту иллюзию. Клерикализм существовал в скрытой форме, пока в целости и неприкосновенности существовало самодержавие. Всевластие полиции и бюрократии закрывало от глаз «общества» и народа классовую борьбу вообще, борьбу «крепостников в ряде» с «подлой чернь», в частности. Первая же брешь, пробитая революционным пролетариатом и крестьянством в крепостническом самодержавии, сделала тайное явным»¹¹⁸.

Хотя соответствующие документы в то время еще не были опубликованы, слухи о намечающейся церковной реформе прошли в печать и вызвали движение среди духовенства. 17 марта «Церковный вестник» опубликовал нашумевшее «мнение группы столичных священников («группы 32-х») «О необходимости перемен в русском церковном управлении». «Необходимо, настоя-

¹¹⁷ Прибавление..., 1906, 25 февр., с. 384.

¹¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 432.

тельно необходимо,— подчеркивали столичные «пастыри»,— чтобы церковь возвратила себе всю силу плодотворного влияния на все стороны жизни человеческой и всю мощь своему голосу». В записке говорилось о переустройстве епархиального управления в соответствии с принципами «соборности», о некотором участии клира и мирян в избрании епископов (это участие именовалось «засвидетельствованием»), о развитии приходов и периодическом созыве поместных соборов под председательством патриарха¹¹⁹.

По своему содержанию «записка 32-х» лишь немногим отличалась от синодального доклада. Главное отличие заключалось в усиленном подчеркивании необходимости введения «соборности», ограничивающей произвол епископов. Вопрос о составе поместного собора записка обходила. Звучали в ней и знакомые клиральные нотки. Даже в записке Витте вопрос был поставлен более широко и основательно. Позднее выяснилось, что митрополит Антоний был предварительно ознакомлен с «запиской 32-х»¹²⁰ и, следовательно, дал неофициальную санкцию па ее печатание.

Таким образом, в марте иерархия взяла на буксир столичных обновленцев и направила церковное движение в нужное ей русло. Основной лозунг церковного движения того периода — созыв собора — был выдвинут иерархией и затем уже поддержан обновленцами.

«Записка 32-х» вызвала сочувственные отклики некоторых органов либеральной печати. Газета «Слово» расценила этот документ как первый «предвестник церковного обновления»¹²¹. В передовой статье газета ставила вопрос о праве мирян и белого духовенства участвовать в церковном управлении и в выборе епископов¹²².

Органы реакционной печати проявили почти единодушную враждебность к церковному движению, хотя возглавившие движение синодальные иерархи по своим воззрениям были к ним ближе, чем к либералам. «Московские ведомости» обвинили иерархов в попытке «переворота» и в «насильственном образе действий»¹²³. Эта газета последовательно выступала против всяких реформ. Сложнее была реакция редактируемого С. Ф. Шараповым «Русского дела». С одной стороны, шараповцы сами носились с идеей церковного собора, который пытались противопоставить идеи народного представительства. Они считали, что церковь недостаточно энергично и умело борется с оппозиционным и «пачинающимся аграрным движением», что она должна стать действенным орудием борьбы с революцией¹²⁴. С этой точки зрения намерения церковников казались им узкими и недостаточно целенаправленными.

¹¹⁹ Церковный вестник, 1905, 17 марта, с. 321—325.

¹²⁰ Там же, 1905, 14 апр., с. 454.

¹²¹ Слово, 1905, 18 марта.

¹²² Там же, 1905, 28 марта.

¹²³ Московские ведомости, 1905, 25 марта.

¹²⁴ Русское дело, 1905, 12 февр., с. 5; 5 марта, с. 3.

ленимыми. С другой стороны, Шарапов был давним недругом Витте, знал о его контактах с Антонием и, очевидно, усматривал в председателе Комитета министров главного вдохновителя начавшегося движения. В сане патриарха шараповцев больше устраивал московский Владимир, чем петербургский Антоний. Таковы были побудительные мотивы появившегося в «Русском деле» открытого письма Н. Дурново митрополиту Антонию. Автор протестовал против созыва собора в Петербурге, обвинял Синод в попытках подорвать «церковно-историческое значение Москвы», а самого Антония — в «уступчивости духу времени»¹²⁵.

В действительности синодальный доклад как раз и намечал созыв собора в Москве, Антоний же отнюдь не отличался большой уступчивостью духу времени. Однако поднятая черносотенцами шумиха оказалась лишним козырем в руках Победоносцева, которого снова заставили выздороветь действия Синода. 31 марта по его представлению царь паложил на синодальном докладе следующую резолюцию: «Призываю невозможным совершить в переживаемое ныне тревожное время столь величкое дело... Представляю себе, когда наступит благоприятное для сего времени, по древним примерам православных императоров, дать сему великому делу движение...»¹²⁶. Добившись такой резолюции, Победоносцев, по-видимому, решил, что вопрос о церковной реформе отложен до греческих календ.

Борьба вокруг церковных реформ шла в основном внутри правительственно-реакционного лагеря. В границах этого лагеря прочно оставались и церковные обновленцы. Ставя вопрос о реформе, Витте и синодальные иерархи стремились укрепить церковь как опору режима, сделать ее более привлекательной в глазах народа, увеличить ее притягательную силу и тем самым отвлечь народ от революционной борьбы. При этом иерархия считала возможным ограничиться в основном чисто внешними изменениями. Витте и отчасти обновленцы пытались произвести некоторые внутренние перемены, достигнуть желаемого путем привлечения к более активному участию в церковной жизни бывшего духовенства и мирян. Но и этот план не был реалистичен.

В начале XX в. уже не было такой церкви, в рамках которой можно было бы добиться хотя бы видимого «единения» самодержавия и народа (подлинное единство никогда в принципе не было возможным). Чтобы добиться такой видимой «гармонии», требовалось отделение церкви от самодержавного государства как первое условие ее буржуазной реформации, трудный и долгий процесс этой реформации, а кроме того — буржуазное перерождение самой монархии. И все это при условии, если народ не свергнет ее раньше, чем закончится этот процесс. А такое свержение уже становилось на повестку дня. Именно страхом перед революцией объясняются попытки Витте подтолкнуть процесс,

¹²⁵ Там же, 1905, 26 марта, с. 1—3.

¹²⁶ Церковные ведомости, 1905, 2 апр.

существо и перспективы которого он не вполне представлял. Что касается Победоносцева, то он был убежден, что только «чистое» самодержавие способно противостоять «смуте». Поэтому главную опасность он видел в действиях неумелых реформаторов, способных лишить государственное здание необходимых подпорок и вывести его из равновесия. Тем более, что благодаря критическому складу своего ума обер-прокурор отчасти понимал утопичность замыслов этих реформаторов («мы уже не можем вернуться из нового мира»).

В конкретной обстановке революционного движения, замешательства и разногласий в верхах борьба вокруг вопроса об «укреплении духовной ограды» приводила к результатам, которых никак не хотели ее участники. Эта борьба лишь усиливала дезорганизацию в правительском лагере, еще более расшатывая аппарат власти. «Ирония истории наказала самодержавие тем,— писал В. И. Ленин,— что даже дружественные по отношению к нему общественные силы, вроде клерикализма, должны организовываться отчасти против него, ломая или раздвигая рамки полицейского бюрократизма»¹²⁷.

*

Весной и летом 1905 г. происходило дальнейшее расширение и углубление революции. Героическую страницу в летопись революции вписало восстание на броненосце «Потемкин». Выполняя решения III съезда РСДРП, большевики вели деятельную работу по подготовке народного вооруженного восстания¹²⁸.

Военные неудачи продолжали преследовать царизм (самая страшная из них произошла 14—15 мая у острова Цусима). В августе был подписан бесславный Портсмутский мир. окончательно подорвавшее свой авторитет царское правительство под давлением революционного натиска вынуждено было сделать еще одну уступку. 6 августа были опубликованы акты об учреждении законодательной Думы. Однако они не приостановили революционного движения.

Весной и летом 1905 г. началось подтаивание, раскалывание и оползание ледников победоносцевского ведомства. После мартовских событий обер-прокурор решил подтянуть дисциплину и проучить коварных перархов. Прежде всего впал в немилость митрополит Антоний¹²⁹. Распростраивались слухи о переводе его со столичной кафедры. 29 апреля встревоженное петербургское духовенство собралось для подписания сочувственного адреса митрополиту, однако собрание было закрыто полицией¹³⁰. Сообщая об этом случае, «Слово» писало: «Нельзя не отметить, что

¹²⁷ Ленин В. И. Полп. собр. соч., т. 10, с. 218.

¹²⁸ История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1966, т. 2, с. 49—94.

¹²⁹ Витте С. Ю. Указ. соч., т. 2, с. 365.

¹³⁰ Церковный вестник, 1905, 5 мая, с. 569.

даже в последние дни всеобщего шатания духовенство оставалось не только верным, но и большинстве случаев даже слишком усердным защитником правительства перед народом. И вот в благодарность за эту верную службу ему, одна за другую, подносятся горькие пилюли»¹³¹.

Антоний удержался, хотя вскоре и уехал в длительный отпуск. Другие члены Синода не пользовались ни популярностью Аптония в либеральных и умеренно консервативных кругах, ни его влиянием при дворе. В мае были отправлены в свои епархии киевский митрополит Флавиан и волынский епископ Антоний, а в Синод вызвали епископов — новгородского Гурия, калужского Вениамина и тульского Лаврентия¹³². В августе был выведен из Синода и уволен «на покой» винницкий епископ Климент¹³³. Еще раньше за попустительство синодальным иерархам получил отставку товарищ обер-прокурора В. К. Саблер, замещавший в марте Победоносцева. На этот пост был назначен князь А. А. Шириппский-Шихматов, сенатор, бывший тверской губернатор¹³⁴.

Перешерстить Синод было легче, чем устраниТЬ причины, подтолкнувшие иерархов к «мятежным» действиям. Тесно связанная с самодержавием, церковь испытывала на себе все потрясения, которым оно подвергалось. Со всей остротой перед церковью встали и свои собственные проблемы, связанные с указом 17 апреля о веротерпимости, с бунтом семинарской молодежи, а всего более — с дальнейшим отходом от церкви народных масс и начавшимся антиклерикальным движением. В духовенстве, по-прежнему возлагавшем все надежды на собор, зрело недовольство политикой Победоносцева. Его предельно жесткий курс находил все меньшую поддержку и среди правящей бюрократии. В этих условиях обер-прокурор решил сделать хотя бы видимость уступки. 28 июня Победоносцев обратился к Синоду с обширным «предложением». На этот раз обер-прокурор истолковывал царскую резолюцию в том смысле, что синодальное представление о созыве собора следует считать «высочайше одобренным». И хотя обер-прокурору оставалось «неизвестным», когда «по высочайшему усмотрению» настанет время созвать собор, Синоду разрешалось начать его подготовку. Обер-прокурор предупреждал, что к этой работе могут быть привлечены лишь люди, стоящие «на высоте разумения церковных и государственных интересов в их взаимодействии».

Взяв за основу предложения отвергнутого в марте синодального доклада, Победоносцев попытался даже наметить программу собора. Однако и на этот раз обер-прокурор отвергал почти все пункты доклада, соглашаясь на уступки лишь по двум основным вопросам. Во-первых, Победоносцев на этот раз более благосклонно отнесся к идеи оживления прихода. «Предложение» даже упо-

¹³¹ Слово. 1905, 1 мая.

¹³² Церковные ведомости, 1905, 28 мая, с. 265.

¹³³ Там же, 1905, 1 окт., с. 457.

¹³⁴ ЦГИА, ф. 797, оп. 75, 1 отд., 1-й стол, д. 76, 85.

минало о предоставлении прихожанам права избирать кандидатов клира. Однако при этом следовала оговорка, что реформа прихода должна быть проведена «без потрясений и вреда для существующих церковных учреждений». Во-вторых, обер-прокурор делал уступку церковным стяжателям, соглашаясь на пересмотр правил о приобретении церковных имуществ. Что же касается участия духовенства в светских правительственные учреждениях, то Победоносцев советовал еще раз подумать, пристало ли духовенству входить «в круговорот мирских дел» и не следует ли ему сосредоточиться на «вечных началах пастырского служения».

Кроме того, Победоносцев предлагал рассмотреть на соборе вопрос об отпоещении к старообрядцам и сектантам после издания указа 17 апреля. В документе ни слова не говорилось ни о реорганизации Синода, ни о выборе патриарха¹³⁵. Как полагал Победоносцев, если уж и проводить собор, то в заранее заданных и жестких рамках. При этом обер-прокурор и после собора не собирался оставлять прежнее направление своей политики: борьбу с «иноверием», старообрядчеством и сектантством.

На этот раз Синод действовал очень робко. Лишь 27 июля, спустя месяц, победоносцевское «предложение» было разослано епархиальным архиереям с предписанием представить свои мнения и отзывы¹³⁶. Подобная медлительность, очевидно, отвечала тайным желаниям Победоносцева, ибо он оставался противником всяких преобразований, даже познательных. Летом 1905 г. Министерство внутренних дел не могло добиться от него согласия на отмену особых правил надзора за бесплатными народными читальнями при условии подчинения их общим цензурным уставам. Об этом ходатайствовали земства, и даже товарищ министра П. Н. Дурново, отнюдь не «реформатор», считал нужным сделать уступку. Однако вопрос не был решен вплоть до смелы обер-прокурора¹³⁷.

В 1905 г. 78-летний Победоносцев был уже человек «не от мира сего». По-видимому, он плохо понимал события. Если и понимал, то не умел быть гибким, страшился реформ, даже пустяковых. Революция ему представлялась «смутой», стихийным бедствием. Она разгоралась и набирала силу, а его не оставляло желание плотнее закрыть все окна и задвинуть засовы, как будто так можно было спастись от пожара. В вероисповедной политике он не мог отрешиться от борьбы с «расколо-сектантством» и «иноверием», хотя в 1905 г. эти проблемы меньше всего должны были волновать правительство. В одном из писем Николаю II он признавался: «Смута, господствующая ныне в умах, лишает возможности успокоить мысль свою и обдуматься посреди всеобщего волнения и стремления к быстрым преобразованиям. Человек, подобный мне, свидетель и во многом участник собы-

¹³⁵ Там же, II отд., 3-й стол, д. 127, л. 23—27.

¹³⁶ Там же, ф. 796, оп. 186, д. 657, л. 321 об.

¹³⁷ Там же, ф. 797, оп. 75, II отд., 3-й стол, д. 476, л. 1, 3, 4.

тий, совершившихся в течение четырех царствований, падает духом и теряется в разуме»¹³⁸.

Даже иерархи, развернувшие летом антисоциалистическую пропаганду, лучше понимали сложившуюся обстановку. Вскоре в действиях «князей церкви» стало обнаруживаться стремление сплотить вокруг себя все «благонадежные» элементы, сблизиться с народом и повести его за собой. «Объединимся и доверимся друг другу», — призывал псковский епископ Арсений¹³⁹. Цели такого «объединения» были достаточно откровенно изложены томским епископом Макарием в статье под броским названием «Объединимся!». «Враги нашего отечества и мятежники», писал епископ, объединились и «возбуждают народ к неповиновению богоучрежденной власти». Поэтому, делал вывод Макарий, «и нам нужно плотнее объединиться»¹⁴⁰.

Практическим шагом в этом отношении стали совместные съезды духовенства и представителей мирян. Один из первых таких съездов, со специального разрешения Синода, состоялся 8—10 сентября в Гродненской епархии. Мирян на этом собрании представляли местный губернатор, два генерала, уездный предводитель дворянства и управляющий государственными имуществами¹⁴¹.

Более пестрым по своему составу был неофициальный съезд, созданный финляндским архиепископом Сергием (Страгородским) на Валаамских островах. Среди мирян, участвовавших в работе съезда с совещательным голосом, были учителя приходских школ, чиновники и «простые прихожане», среди которых упоминался купец, приплывший на собственном пароходе¹⁴². Тенденция к сближению с буржуазными элементами города и деревни проявилась и в решениях петербургского епархиального съезда, постановившего привлечь на свои заседания церковных старост¹⁴³. Лица по своей должности материально ответственные, церковные старосты обычно избирались из числа зажиточных прихожан. Попытки сближения с народом оборачивались сближением только с эксплуататорскими верхами общества и, конечно, не могли вывести церковь из кризиса.

Вопреки всем усилиям духовенства революционное движение, в авангарде которого шли большевики, захватывало все новые и новые слои рабочих и крестьян, стихийно или сознательно выходивших из-под контроля церкви. В связи с этим в духовных кругах создавались новые планы и проекты укрепления «духовной ограды». В апреле петербургское городское духовенство, собравшееся под председательством епископа гдовского Кирилла,

¹³⁸ Красный архив, 1926, № 5(18), с. 204.

¹³⁹ Прибавления..., 1905, 20 авг., с. 1444—1446.

¹⁴⁰ Прибавления..., 1905, 24 сент., с. 1641—1644.

¹⁴¹ Там же, 1905, 10 сент., с. 1586; 1905, 24 сент., с. 1666.

¹⁴² Церковный вестник, 1905, 18 авг., с. 1038—1039.

¹⁴³ ЛГИА, ф. 848 (Подготовительная комиссия к съездам депутатов духовенства и церковных старост Петербургской епархии), оп. 1, д. 6, л. 40.

постановило разработать проект церковных братств, учреждаемых при приходских церквях «для сплочения рабочих к разумной христианской жизни». В октябре такой проект был представлен митрополиту Антонию¹⁴⁴.

Петербургское духовенство пыталось воспользоваться опытом Гапона. Теперь, однако, предполагалось создать не одну, хотя и разветвленную организацию, а сеть мелких организаций, находящихся под контролем епархиальных властей.

Но уже тогда многие деятели церкви понимали, что усиление влияния церкви и ее «объединительных» возможностей не может произойти без внутренней перестройки самой церкви. Движение, начавшееся среди духовенства, проходило под лозунгом восстановления «соборности». Еще в апреле «Церковный вестник» поместил статью известного богослова В. З. Завитневича «О восстановлении соборности в русской церкви». В статье указывалось на проникновение «в недра церкви» государственного начала, формализма, на невозможность в таких условиях развития частной инициативы. «А где не уважается и даже преследуется частная инициатива,— добавлял автор,— там нет места и общественной самодеятельности». Частная инициатива, по мнению автора, должна была проявляться через «соборное начало».

«Первичной клеточкой» церковного организма автор считал приход и предлагал некоторые средства к его сплочению. Главное же средство к оживлению церкви он усматривал в перемещении епархий на уездный уровень, в приближении иерархии к «пастве», во введении выборности епископов, архиепископов и патриарха и в регулярном созыве соборов на всех уровнях — уездном, губернском и поместном. Предполагалось, что епископ хотя и потеряет от части своей внешний блеск, но зато примет более деловой вид¹⁴⁵.

Проект Завитневича являлся довольно умеренной программой частичных церковных реформ с целью приспособления к условиям буржуазного общества. Этот проект послужил основой для всей программы церковных реформ, разработанной обновленцами.

В мае, в связи с подъемом забастовочного движения и цусимской катастрофой, обстановка в стране еще более обострилась. В народном революционном движении все явственнее проявлялась и антиклерикальная направленность. Почва уходила из-под ног служителей господствующей религии. Разочаровавшись в способности иерархии добиться перемен, обновленцы стали выходить из-под ее контроля. Церковное движение, в марте явившееся иерархическим, в мае стало превращаться в пресвитерпанское.

26 мая «Церковный вестник» опубликовал новую записку 32 священников, в которой обновленцы наконец поставили вопрос о составе церковного собора. Собор епископов, заявляли авторы

¹⁴⁴ ЛГИА, ф. 19, оп. 97, д. 7, л. 48, 51—52.

¹⁴⁵ Церковный вестник, 1905, 7 апр., с. 420—425.

записки, не приведет к сплочению духовенства и мирян, поскольку епископы не связаны с «паствой» и не могут ее представлять. «Паства» может не согласиться с решениями собора, и тогда произойдет новый раскол. «Чтобы избежать очень естественного и очень опасного церковного раскола», предупреждали обновленцы, необходимо участие в соборе представителей белого духовенства и мирян¹⁴⁶.

Потребовалось более двух месяцев, чтобы церковные «либералы» усвоили одно из основных положений записки Витте. Однако к этому времени выяснилось, что церковь переживает такой кризис, о котором в марте еще не подозревали. Недаром записка заговорила о возможности нового раскола, имея прежде всего в виду отход народа от господствующей церкви. Стремясь выдвинуть вперед религиозный вопрос, обновленцы объективно действовали в интересах противников революции, хотя в то же время их действия усиливали разброд среди реакционных сил.

Вторая «записка 32-х» встретила ряд сочувственных откликов в либеральной прессе. «Слово» приветствовало «пробуждение белого духовенства от тяжелого, кошмарного сна в монашеских объятиях»¹⁴⁷. Но затем газета напомнила духовенству, что перед ним всталась «грозная дилемма»: скинуть «чиновничий вицмундир» или превратиться «в остаток старины, любопытный для любителей древнего обряда»¹⁴⁸.

На этот раз выступление обновленцев вызвало отрицательную реакцию в иерархических кругах. Ректор Петербургской духовной академии епископ Сергий (позже — архиепископ финляндский) на правах цензора дополнил записку своим критическим примечанием¹⁴⁹.

Летом-осенью 1905 г. в ряде мест произошли открытые конфликты между иерархией и обновленческим духовенством. Некоторые епархиальные съезды духовенства (в том числе киевский, курский и омский) высказались не только за созыв поместного собора, но и за установление окружных соборов и создание постоянных пресвитерских советов на уровне епархий, что должно было ограничить власть епархиальных епископов. Иркутский съезд поставил вопрос об избрании епископов¹⁵⁰. Ярославский съезд потребовал устраниТЬ епископский произвол при перемещении священников и ликвидировать консистории. Примечательно, что этот же съезд высказался против участия прихожан в выборе священников¹⁵¹. Омские священники настаивали на «представлении духовенству возможности служить только делу спасения людей, а не интересам государственной власти»¹⁵². Узнав

¹⁴⁶ Там же, 1905, 26 мая, с. 641—648.

¹⁴⁷ Слово, 1905, 28 мая.

¹⁴⁸ Там же, 1905, 29 мая.

¹⁴⁹ Церковный вестник, 1905, 26 мая, с. 648.

¹⁵⁰ Там же, 1906, 12 янв., с. 42.

¹⁵¹ Там же, 1905, 13 окт., с. 1299—1300.

¹⁵² Там же, 1905, 22 сент., с. 1206.

о решениях съезда, омский епископ Михаил вызвал к себе депутатов, устроил им разнос, а председателя съезда перевел в отдаленный приход¹⁵³. Вятский епископ, также недовольный решениями съезда, запретил печатать его протоколы¹⁵⁴.

Таким образом, выдвинутый иерархией лозунг «Объединимся!», терпел полный провал. Народ продолжал отходить от церкви, представители же обновленческого духовенства выдвигали такие требования, на которые иерархия считала возможным отвечать только репрессиями.

Но и обновленцы со своим лозунгом восстановления соборности начинали топтаться на месте. Призвав на собор мирян, они сами же и смущались. Перед ними встал вопрос о том, как найти общий язык с народом, как должно вести себя духовенство, чтобы приблизить народ к церкви и не отшугнуть от нее господствующие классы. В этом отношении примечательна статья священника Галахова, опубликованная в сентябре 1905 г. Русское духовенство, писал автор, находится «в состоянии полной растерянности». Причину этого явления автор видел в совершенной неосведомленности духовенства в вопросах, поднятых революцией. «Как смотреть на возникшее движение в русском обществе, откуда оно, почему началось такое повальное увлечение забастовками и стачками, похожее на эпидемию? Где искать начало происходящего социального переворота, кто его виновник, на чью сторону стать,— на сторону ли рабочего класса или на сторону бюрократии и капитала?» — задавал недоуменные вопросы священник. И словно раздражаясь своей собственной беспомощностью, автор писал, что в семинарии и академии учат «всему, кроме того, что пригодно для жизни», «в наших духовных журналах решаются часто какие-то затхлые вопросы... язык некоторых богословских сочинений положительно варварский». В заключение автор приходил к выводу: «Ориентироваться во всем сказанном, установить твердую христианскую точку зрения на происходящие события в высшей степени необходимо. По нашему мнению, сделать это должен собор русской церкви»¹⁵⁵.

Оставалось непонятным, каким образом собор мог бы разобраться в вопросах, в которых духовенство до сих пор было столь беспомощно. По существу, речь шла о неготовности церкви встретить лицом к лицу жгучие вопросы современности, выдвинутые революцией, и предложить более или менее реальный рецепт их решения «с христианской точки зрения».

Некомпетентность в социально-экономических вопросах обновленцы сочетали с политическим консерватизмом. Между тем подлинная реформация русской церкви могла начаться только при условии ее разрыва с самодержавием.

Правда, обновленцы проявляли некоторую оппозиционность по отношению к правительственный бюрократии. Так, по поводу

¹⁵³ Там же, 1905, 15 сент., с. 1168—1169.

¹⁵⁴ Там же, 1906, 12 янв., с. 53.

¹⁵⁵ Там же, 1905, 22 сент., с. 1193—1196.

цусимского поражения неофициальный орган обновленцев «Церковный вестник» наговорил в адрес бюрократии немало горьких слов, обвиняя ее в пренебрежении к «духовной свободе народа»¹⁵⁶. Но в то же время «Церковный вестник» выступал с грубыми нападками на революционное движение. Восстание на броненосце «Потемкин» было названо «прискорбным, позорным и беспримерным в летописях русского флота событием»¹⁵⁷. Несколько позднее тот же журнал пытался изобразить революцию как движение «„непримиримых“ и примкнувших к ним отбросов народа»¹⁵⁸. Лишь осенью церковные «либералы», наконец, пошли, что «случаи преступного нарушения крестьянами прав земельной и вообще имущественной собственности» зависят от «крестьянского обеднения»¹⁵⁹.

Деятели церковного обновления были монархистами и явно не сочувствовали «безусловным сторонникам парламентаризма по европейскому образцу», наоборот, они склонялись к тому, что лишь «самодержавие, при наличии народного представительства», способно обеспечить нужды России¹⁶⁰.

Лишь к одной группе либералов — к правым земцам шиповского направления — обновленцы проявляли некоторое тяготение. «Церковный вестник» с сочувствием писал о «сторонниках постепенных преобразований», которые «желают сохранить тот государственный строй, который создал тысячелетней жизнью России»¹⁶¹. Как и правые либералы, орган Петербургской академии с восторгом встретил манифест 6 августа¹⁶² и всячески предотвратил против бойкота Думы¹⁶³.

И все же церковные обновленцы, испытывая тяготение к правым либералам, не стали их союзниками. Союзничество предполагает совместную работу. Либералы, в том числе шиповского направления, прибегали к сложным маневрам, добиваясь созыва представительного органа. Церковные же «либералы» не принимали участия в этой работе. И недаром «Слово», шумно приветствуя манифест 6 августа, бросило упрек представителям церкви: «А много ли усилий приложили эти представители к тому, чтобы по возможности приблизить давно желанный великий день?»¹⁶⁴

В целом обновленческое движение оказалось консервативным даже в сравнении с деятельностью правых либералов. Слишком большую дань оно продолжало отдавать официальным установкам господствующей церкви. Когда некоторые органы печати потребовали секуляризации монастырских имуществ, «Церковный вестник» усмотрел в этом «варварское презрение к святыне че-

¹⁵⁶ Там же, 1905, 26 мая, с. 649.

¹⁵⁷ Там же, 1905, 23 июня, с. 794.

¹⁵⁸ Там же, 1905, 11 авг., с. 1015.

¹⁵⁹ Там же, 1905, 8 сент., с. 1141.

¹⁶⁰ Там же, 1905, 21 апр., с. 506.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Там же, 1905, 11 авг., с. 995.

¹⁶³ Там же, 1905, 18 авг., с. 1029—1031.

¹⁶⁴ Слово, 1905, 10 сент.

ловеческой свободы и возвышенной области религии»¹⁶⁵. Свою верность официальной церкви и традициям казенной инквизиции неофициальный орган обновленцев показал и в вопросе об отлучении Льва Толстого. «К этому решению нельзя относиться иначе, как с глубоким уважением,— писал «Церковный вестник».— Такое прямое и авторитетное слово должно было быть высказано нашими иерархами, которым можно только принести глубокую благодарность за то, что в этом тяжёлом и неприятном для них деле их не остановила ни неоспоримая гениальность гр. Толстого как величайшего писателя-художника, ни известная всем любовь к нему русского общества, ни несомненность всяких нареканий и нелестных отзывов, какие должны были обрушиться на них со стороны интеллигенции,— всем этим они пренебрегли и, что нужно было сказать, сказали»¹⁶⁶.

Довольно узкими были пределы оппозиционности обновленцев и по отношению к правящей бюрократии. Их программа вовсе не предусматривала отделение церкви от государства. Наоборот, обновленцы и в дальнейшем собирались поддерживать тесный союз с государством. «Свобода возможна и при союзе,— рассуждал «Церковный вестник». — Нужно только, чтобы это был действительно союз, а не подчинение»¹⁶⁷.

Одно из оснований такого союза обновленцы видели в старой доктрине о богоучреждённости власти. «... Представитель власти есть божий слуга, и нет власти не от бога»,— писал «Церковный вестник». Однако перед автором статьи вставал вопрос о том, «как быть, когда зло исходит от самих представителей власти». Ответ как нельзя лучше характеризует настроения «либерального» духовенства: «Я могу, мой долг противодействовать им в злых деяниях и злоупотреблениях, но под условием, что я останусь в черте их власти, т. е. что они будут иметь возможность употреблять свою власть против меня; через это и зло получает отпор и идея власти свое утверждение»¹⁶⁸. Подобная философия определяла поведение обновленцев в течение всего 1905 г. Церковные «либералы» не собирались рвать связи с царской монархией. Стремясь выйти из прямого подчинения самодержавию, они сохраняли по отношению к нему лояльность, хотели остаться в «черте» его власти. А это исключало всякое сколько-нибудь серьезное противодействие «злым деяниям».

По существу, это подтвердила и третья записка «группы столичных священников», появившаяся в преддверии Всероссийской Октябрьской политической забастовки, когда перед церковью со всей реальностью стала вырисовываться возможность падения самодержавия — ее векового союзника и покровителя. В связи с этим обновленцы обратили внимание на булыгинскую Думу

¹⁶⁵ Церковный вестник, 1905, 5 мая, с. 550—551.

¹⁶⁶ Там же, 1905, 30 июня, с. 815.

¹⁶⁷ Там же, 1905, 25 авг., с. 1066.

¹⁶⁸ Там же, 1905, 22 сент., с. 1204—1205.

как на возможного союзника. Записка призывала духовенство напрячь усилия, чтобы возбудить «огненное стремление» избирателей к участию в выборах. Вместе с тем записка предостерегала священников от «трех опасностей». Первая из них усматривалась в «сословной корысти», в стремлении духовенства обеспечить прежде всего свои сословные интересы. Если подобной тактики духовенство будет придерживаться и в Думе, полагали авторы записки, дело его будет проиграно.

Другую опасность записка видела в «вековой связи церкви с государством». «Ужас, кощунство этого связывания судьбы вечной вселенской церкви с временной частной формой государства в том, что этот... союз переходит в презренную связь с полицейским участком». Авторы заявляли, что «церковь выше и шире всякого государства, всякой национальности, всякой партийности».

Наконец, третья опасность заключалась в «ложном понимании христианства». Как утверждали обновленцы, «христианство не пренебрегает землею, но стремится возвести ее до неба, осолить ее истиной, сквасить правдою»¹⁶⁹. По-видимому, авторы довольно смутно представляли, в чем заключается «истина», которой следует «осолить» и «сквасить». Это были общие рассуждения, еще раз подтверждавшие некомпетентность обновленцев в социально-экономических вопросах.

Третья записка петербургских священников была наиболее оппозиционной по своему звучанию. Однако и в ней отсутствовало четко выраженное требование отделения церкви от государства. Зато явственно прослеживался рост клерикальных тенденций. Давая оценку суждениям, подобным тем, которые цитировались выше, В. И. Ленин писал: «Перед нами — чистый клерикализм. Церковь выше государства, как вечное и божественное выше временного, земного»¹⁷⁰.

Еще раз подчеркивая всю относительность оппозиционности обновленцев, следует отметить, что конкретные призывы записи в общем отвечали видам правительства, опасавшегося бойкота Думы.

Как было показано выше, на протяжении всего периода с января по октябрь 1905 г. церковь не оставляла попыток укрепить «духовную ограду», выработать новые приемы и методы борьбы с революцией. Произошла и определенная дифференция церковного движения. Иерархия, в русле политики которой шла основная масса духовенства, стремилась дополнить свою монархическо-контрреволюционную проповедь лишь некоторыми организационными мероприятиями вроде гродненского «собора». Подобные меры не только не подкрепили церковную проповедь, но и воочию показали самую тесную связь церкви с правительством и господствующими классами.

¹⁶⁹ Слово, 1905, 8 окт.

¹⁷⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 431.

Небольшая группа церковных обновленцев попыталась разработать более систематическую программу реформ, имевших целью некоторую модернизацию церкви с целью сохранения и расширения ее влияния на народные массы. Однако кампнем преткновения для церковных «либералов» оказалось отношение к самодержавному государству. Даже в октябре, когда казалось, что дни самодержавия сочтены, обновленцы не решились прямо поставить вопрос об отделении церкви от государства.

Учитывая политическое значение обновленческого движения, подрывавшего единство в церкви и во всем правительственном лагере, В. И. Ленин писал: «Как ни забито, как ни темно было русское православное духовенство, даже его пробудил теперь гром падения старого, средневекового порядка на Руси. Даже оно примыкает к требованию свободы, протестует против казенщины и чиновнического произвола, против полицейского сыска, навязанного «служителям бога». И далее Ленин ставил перед обновленцами вопрос: «Либо вы искренни, и тогда вы должны стоять за полное отделение церкви от государства и школы от церкви, за полное и безусловное объявление религии частным делом. Либо вы не принимаете этих последовательных требований свободы,— и тогда, значит, вы все еще в плену у традиций инквизиции, тогда, значит, вы все еще примазываетесь к казенным местечкам и казенным доходам, тогда, значит, вы не верите в духовную силу вашего оружия, вы продолжаете брать взятки с государственной власти — тогда сознательные рабочие всей России объявляют вам беспощадную войну»¹⁷¹. Приведенные выше факты говорят о том, что обновленцы ответили на поставленный вопрос во втором смысле. Главную роль при этом сыграли все более враждебное отношение к революции и растущий перед ней страх, мешавшие обновленцам выдвинуть радикальные лозунги буржуазной реформации. Являясь свидетелями глубоко народной революции, не имея определенной социально-экономической программы, они, по-видимому, действительно не верили в быструю эффективность своих преимущественно церковно-организационных мер по отвлечению верующих от революции и предпочитали оставаться в «чертеже» старых оград. Вместе с тем растущее разделение среди православного духовенства было одним из проявлений обострившегося в 1905 г. кризиса господствующей церкви.

*

Длительное время искусственно сдерживавшийся внутренний кризис православной церкви в 1905 г. прорвался, проявляясь в многообразных и чрезвычайно острых формах. Первые же события начавшейся революции показали, как велико до сих пор было значение внешнего принуждения в «ведомстве православ-

¹⁷¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 144—145.

ного исповедания» и как непрочно внутреннее единство господствующей церкви.

Одно из важных проявлений этого кризиса было связано с указом 17 апреля 1905 г., который разрешал переход из православия в другие христианские, а также и нехристианские исповедания. Правда, в последнем случае просителю следовало еще доказать, что в прошлом он или его предки принадлежали к этой религии¹⁷².

Авторы указа о веротерпимости вряд ли предполагали его последствия. Рухнули десятилетиями возводившиеся «твёрдыни» православия. Бывшие униаты переходили в католичество.

В Прибалтике и Петербургской губернии около 10 тыс. человек перешло в протестантство. В ряде восточных губерний (Казанской, Симбирской, Уфимской, Вятской и др.) началось возвращение в ислам насильственно крещенных татар и башкир. Отпало от православия еще 36 тыс. человек¹⁷³.

Наконец, по всей России участились переходы из православия в старообрядчество и сектантство. Как правило, это были действительные старообрядцы и сектанты, лишь формально принадлежавшие к официальной церкви. Отход в баптизм за 1905–1907 гг. составил около 8500 человек¹⁷⁴. В Центральной России перед церковью вставала другая, более грозная опасность – растущий религиозный индифферентизм, начавшееся народное антиклерикальное движение.

Летом 1905 г. царское правительство приняло меры к ограничению действия указа 17 апреля. 18 августа всем губернаторам был разослан циркуляр министра внутренних дел Булыгина, в котором указывалось на необходимость установления «некоторого промежутка» между подачей заявления и формальным переходом в другое исповедание, чтобы «дать возможность увещания отпадающего со стороны православного духовенства». Такой промежуток был определен в месяц. Кроме того, указывалось, что переход из одного исповедания в другое должен оформляться при посредничестве местных властей¹⁷⁵. Таким образом, местная администрация получила большие возможности для вмешательства в религиозную жизнь населения.

Приведенные факты прежде всего свидетельствуют о том, что в условиях самодержавия и господствующего положения православной церкви невозможно было сколько-нибудь полное осуществление религиозных свобод. Движение против засилия господствующей церкви, развернувшееся в ряде восточных и западных губерний, являлось, несомненно, частью крестьянского движения в этих районах. И когда это выявилось, правительство, подтал-

¹⁷² ПСЗ-III, СПб., 1908, т. 25, № 26126.

¹⁷³ Всеподданнейший отчет обер-прокурора св. Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 гг., с. 29–31.

¹⁷⁴ Клибанов А. И. История религиозного сектантства в России. М., 1965, с. 225.

¹⁷⁵ ЦГИА, ф. 797, оп. 75, II отд., 3-й стол, д. 402, л. 7–9.

киваемое православным духовенством, стало возвращаться к политике религиозных стеснений. «Примирения» со старообрядчеством, сектантством, «ионославием» и «ионоверием» явно не получалось.

Необходимо также отметить следующее обстоятельство. Если в целом по стране борьба с «расколо-сектантством», «ионославием» и «ионоверием» отступала в церковной политике на второй план, то в ряде окраинных губерний этого не наблюдалось. Здесь церковные власти занимали крайне воинственные позиции и не желали идти на уступки. При этом проповедь против других религий до предела наполнялась монархическим, контрреволюционным содержанием и по существу становилась разновидностью контрреволюционной проповеди.

Еще одним проявлением обострившегося кризиса церковной организации было начавшееся в 1905 г. движение учащихся духовных учебных заведений. Прокатившаяся вслед за Кровавым воскресеньем волна студенческих забастовок коснулась семинарий и духовных академий. С 5 февраля по 12 марта бастовали слушатели Московской духовной академии¹⁷⁶. 14 февраля произошли волнения в Минской семинарии, а на следующий день она была закрыта¹⁷⁷. Вслед за этим в феврале-марте выступили учащиеся Витебской, Екатеринославской, Казанской, Тамбовской и Ярославской семинарий¹⁷⁸. В апреле забастовали архангельские семинаристы, устроившие обструкцию местному архиерею, пытавшемуся их увещевать¹⁷⁹.

Требования учащихся в этот период касались в основном вопросов внутреннего распорядка. Воспитанники протестовали против принятого в духовных учебных заведениях казарменного режима, требовали устранения пенавистных администраторов, улучшения санитарно-гигиенических условий и питания. (В некоторых семинариях соблюдение довольно длительных постов было настолько строгим, что исключало даже рыбную пищу.) Семинаристы были недовольны также изоляцией семинарий от культурной жизни. В семинарские библиотеки часто не допускались книги русских и зарубежных классиков (не только осужденного церковью Толстого, но и Тургенева, Гончарова, Достоевского, Шиллера, Байрона, Гете, Диккенса), отсутствовала популярная приключенческая литература (Майн-Рид, Купер)¹⁸⁰. Воспитанникам семинарий запрещалось посещение театров.

В этот период о требованиях политического характера заявили лишь ярославские семинаристы, приостановившие занятия в знак протеста против полицейских насилий над учащейся молодежью

¹⁷⁶ Революция 1905—1907 гг. в России: Документы и материалы. Начало первой русской революции, с. 741, 761.

¹⁷⁷ ЦГИА, ф. 796, оп. 186, д. 262, л. 2—14.

¹⁷⁸ Там же, д. 273, 278, 336, л. 2.

¹⁷⁹ Там же, д. 405, л. 4.

¹⁸⁰ Там же, д. 274, л. 18 об.

в ряде городов России¹⁸¹. Архангельские семинаристы приняли участие в первомайской демонстрации¹⁸².

В целом семинарское движение начала 1905 г. отличалось стихийностью и неорганизованностью. В некоторых городах (в частности, в Минске, Тамбове) выступления носили характер стихийных бунтов с разгромом квартир ненавистного начальства.

16–19 июня 1905 г. во Владимире произошел съезд, на котором собрались представители 9 провинциальных семинарий. Съезд не выдвинул политических лозунгов, ограничившись требованием перестройки духовной школы «на началах, удовлетворяющих полному и всестороннему развитию умственных и нравственных сил учащихся»¹⁸³. Это довольно расплывчатое требование, очевидно, включало в себя вывод семинарий из состояния культурной изоляции и перестройку их учебных планов с тем, чтобы семинарское образование давало право на поступление в светские высшие учебные заведения.

*

Период с января по сентябрь 1905 г. характеризовался значительным расширением борьбы церкви с революционным движением, начатой еще задолго до 1905 г. Именно в этот период контрреволюционная деятельность церкви выдвинулась, хотя и не вполне еще определилась, как главное направление церковной политики. Даже традиционная борьба с другими религиями наполнялась контрреволюционным содержанием. Однако уже в этот период, в условиях нарастания революционного движения, выявилось, что идеологический арсенал православной церкви устарел и ее влияние на народ значительно ослабло. Это поставило вопрос о церковных реформах, об укреплении «духовных оград». Движение за церковные реформы захватило представителей светской бюрократии, высшей иерархии и рядового духовенства. Это движение являлось неотъемлемой составной частью борьбы церкви с революцией. Его инициаторы ставили своей целью усиление интегративной роли церкви, ее способности к отвлечению народа от революционной борьбы. Однако тесная связь церкви с самодержавием, прочность положения высшей, наиболее реакционной части духовенства, консерватизм его обновленческого крыла привели к тому, что дело буржуазной перестройки церкви не продвинулось ни на шаг. Борьба же вокруг церковных реформ расшатывала церковно-бюрократический аппарат, усиливала внутренний кризис господствующей церкви. Последний выразился также в массовых отпадениях от православия, в движении грузинского духовенства и учащейся молодежи. Все это ослабляло позиции церкви в борьбе с революционным движением.

¹⁸¹ Там же, д. 278, л. 7.

¹⁸² Там же, д. 405, л. 4.

¹⁸³ ЦГАОР СССР, ф. 102 (ДП, ОО), 1905, оп. 233 (II отд.), д. 1000, ч. 10, л. 21 об.

Глава третья

Церковь в период высшего подъема революции

Черносотенные выступления духовенства. Расширение масштабов контрреволюционной деятельности церкви

Осенью 1905 г. революция достигла своей высшей точки. Ни репрессии, ни заключение мира с Японией, ни манифест о булыгинской Думе, ни усиление церковно-монархической проповеди не смогли остановить развитие революции. Тем не менее на все эти «успокоительные» средства сильно надеялись, и потому резкое усиление революционной борьбы в какой-то мере оказалось неожиданным и для самодержавия, и для церкви. В правящих верхах воцарилось смятение и растерянность.

Преддверие Всероссийской октябрьской политической забастовки характеризовалось полным расстройством центрального церковного руководства. «Церковные ведомости» лишь перечисляли «грехи» православных («отвержение всяких истинных начал веры», «неповинование начальству», «непонятная автономия», «своевольная, вредная для всех забастовка») и твердили о «праведном гневе божием»¹.

Душевное равновесие покинуло митрополита Антония. «Телеграммы несут одни только вести разрушительного свойства,— жаловался он в письме Победоносцеву.— Все у нас разваливается. Как-то страшно даже становится... Жизнь совсем становится непонятной»².

О настроениях самого Победоносцева свидетельствует его переписка с С. Ю. Витте, вернувшимся после окончания мирных переговоров из Портсмута и вновь приступившим к исполнению обязанностей председателя Комитета министров. Новоиспеченный граф (получивший меткое прозвище «Полусахалинский») запросил руководителей ведомств о всех «крупных событиях политического характера». Такое письмо 17 октября получил и Победоносцев³. Ответ, датированный 18 октября и написанный собственноручно обер-прокурором, свидетельствовал о его глубокой растерянности. Победоносцев писал, что он затрудняется выделить «крупные события из всего ряда ежедневных крупных явлений политического характера, в которых выражалась и продол-

¹ Прибавления..., 1905, 8 окт., с. 1746.

² ЦГИА, ф. 797, оп. 75, II отд., 3-й стол, д. 461, л. 1.

³ Там же, д. 439, л. 1.

жает выражаться всеобщая смута». Обер-прокурор жаловался на священников, «проповедующих идеи социализма и анархизма», на забастовавших семинаристов, на группу петербургских обновленцев, «агитаторов и возбудителей смуты», на митрополита Антония, который не сообщает имена этих священников. Победоносцев обещал Витте доставлять подобные же сведения «и на будущее время»⁴, однако на следующий день, 19 октября, он был отставлен⁵. Победоносцев уже не устраивал царское правительство, поскольку он не сумел достаточно оперативно мобилизовать церковь на борьбу с революцией.

Если в октябрьские дни 1905 г. Синод фактически бездействовал, то не бездействовали многие представители высшего и рядового духовенства. Во время Октябрьской забастовки в Москве произошло совместное выступление духовных и светских черносотенцев. «Союз русских людей» выступил с призывом создать приходские «комитеты порядка» для борьбы со «смутой». Выборы должны были состояться в церквях после всенощной 15 октября; предполагалось, что в комитеты войдут и приходские священники. В некоторых приходах выборы состоялись, в других священники запротестовали. Тогда митрополит Владимир и его ближайший помощник серпуховский епископ Никон разослали по церквам «поучение», которое предписывалось прочесть во время литургии 16 октября. «Поучение» было направлено против забастовщиков, и его авторы не стеснялись в выражениях. Организаторы забастовок именовались «извергами рода человеческого», а прихожан призывали «очнуться, проснуться» и быть готовыми «умереть за царя и за Русь»⁶. По существу это был призыв к политическим погромам.

Видимо, сознавая всю опасность подобных призывов в раскаленной политической обстановке тех дней, часть священников, как сообщал бюллетень Московского комитета РСДРП, читала «поучение» с сокращениями, часть совсем не читала⁷. 76 священников опубликовали заявление о своей «полной писцолидарности» с «возмутительным и по содержанию, и по тону поучением». Однако в ряде церквей погромное «поучение» было прочитано, и сразу же в храмах начались столкновения, а затем погромы распространились по городу⁸.

Пример Москвы не был единичным. 20 октября произошел погром в Томске. Толпа черносотенцев после молебна и речи епископа Макария подожгла театр, где собралось на митинг до 3 тыс. рабочих⁹. Подчеркивая подстрекательскую роль Макария в орга-

⁴ Там же, л. 6—7 об.

⁵ Церковные ведомости, 1905, 22 окт., с. 487.

⁶ Церковный вестник, 1905, 27 окт., с. 1350—1351; Ежегодник МИРА, т. 4, с. 139—140.

⁷ Листовки московских большевиков в период первой русской революции. М., 1955, с. 317.

⁸ Церковный вестник, 1905, 27 окт., с. 1351.

⁹ Ежегодник МИРА, т. 4, с. 140.

низации погрома, листовка Обской группы РСДРП назвала томского епископа «преосвященнейшим погромщиком»¹⁰.

В адрес Витте и нового обер-прокурора Синода А. Д. Оболенского летели телеграммы, шли письма с просьбой принять меры против подстрекательской деятельности местных архиереев. В телеграмме из Перми говорилось, что «черная сотня» опирается «на проповеди преосвященного и непротиводействие полиции»¹¹. В телеграмме из Екатеринбурга, которую подписали 29 человек, в том числе 8 священников, сообщалось, что епископ Владимир своими проповедями содействовал вспыхнувшему погрому, а затем «с церковной кафедры оправдал это злое деяние»¹². Черносотенная агитация саратовского епископа Гермогена перешла все пределы даже с точки зрения местного губернатора, задержавшего распространение номеров «Братского листка». Однако, как сообщал председатель Саратовской губернской земской управы А. Д. Юматов, неугомонный епископ продолжал произносить проповеди в подобном же духе¹³. Позднее епископ Евлогий вспоминал о Гермогене: «Интеллигенцию он ненавидел, желал, чтобы всех революционеров перевешали»¹⁴.

Черносотенной агитацией занималось не только высшее духовенство, но и рядовое. В Княгининском уезде Нижегородской губернии, как сообщалось в печати, священники читали с амвона «Московские ведомости»¹⁵. В Тифлисе священник Городцов возглавил созданное после 17 октября «Патриотическое общество». 21–22 октября общество устроило шествия с царскими портретами и пением гимна. Произошла перестрелка, имелись человеческие жертвы¹⁶.

Роль церкви во всех подобных событиях стала вырисовываться настолько неблаговидной, что Синод в определении от 22 октября должен был высказать порицание московскому «поучению», не назвав по именам его авторов¹⁷. Архиепископ херсонский Димитрий задним числом осудил одесский погром, увидев в нем одно из проявлений «смуты» и «беспорядков». Исходя из подобных же соображений, епископ подольский Парфений призвал духовенство своей епархии в случае «возникновения беспорядков антиеврейских или подобных им» выходить с крестом и в епитрахили и «силою убеждения укрощать буйствующую толпу»¹⁸.

Однако подобные запоздалые призывы не могли затушевать

¹⁰ Большевики Западной Сибири в период первой русской революции 1905—1907 гг.: Документы и материалы. Новосибирск, 1958, с. 558.

¹¹ ЦГИА, ф. 797, оп. 75, III отд., 5-й стол, д. 177, л. 1.

¹² Там же, л. 18.

¹³ Там же, л. 7–8 об.

¹⁴ Евлогий, митрополит. Путь моей жизни... Париж, 1947, с. 198.

¹⁵ Революция 1905—1907 гг. в России. Высший подъем революции 1905—1907 гг.: Документы и материалы. М., 1955, ч. 2, с. 157.

¹⁶ Революция 1905—1907 гг. в России. Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г.: Документы и материалы. М., 1955, ч. 2, с. 265, 495.

¹⁷ Церковные ведомости, 1905, 29 окт., с. 499.

¹⁸ Прибавления..., 1905, 19 нояб., с. 1993—1994, 1997.

неблаговидную роль многих церковников во время октябрьских погромов. Архиереи и священники, произносившие погромные проповеди и «поучения», были среди духовенства не одиночками, а представителями определенного течения, все теснее смыкавшегося с черносотенным движением. Упоминавшийся уже Антоний «Малый» поддерживал тесный контакт с Б. Никольским, одним из основателей «Союза русского народа». «С Вашей точкой зрения на народную месть я вполне согласен и отстаиваю ее пред другими», — писал этот «архиастырь»¹⁹. В другом письме, 21 ноября 1905 г., он поучал петербургского «союзника»: «Частная инициатива не должна ограничиваться организацией думских выборов... а должна начинаться с запаса оружием и с намечения себе тоже линчевания первоклассных артистов революции». Правда, епископ тут же оговаривался, что «как духовное лицо» он не может принимать участия во «внутренней войне»²⁰. Отводя Борису Никольскому и его компании роль исполнителей, Антоний волынский, как и многие другие церковники, выступал в роли подстрекателя черносотенных замыслов.

Такую же роль, как отмечалось, играл и московский митрополит Кружок Никольского послал приветственную телеграмму автору погромного «поучения». Когда же распространились слухи об удалении Владимира «на покой», черносотенцы стали грозить, что это вызовет «такую бурю негодования в Москве, перед которой пичко томский погром»²¹.

Несмотря на помощь светских и духовных черносотенцев, царское правительство под давлением революции вынуждено было сделать ряд важных уступок. 17 октября был опубликован манифест, в котором содержались обещания созвать законодательную Думу и ввести режим гражданских свобод. Самодержавие стремилось любой ценой задержать развитие революции и выиграть передышку. 18 октября, за день до своей отставки, Победоносцев уведомил по телеграфу всех епархиальных архиперееев о личном распоряжении царя отслужить повсеместно 19 октября молебен по случаю манифеста²². Однако вырванная у царя уступка привела в замешательство многих представителей церкви и даже вызвала сопротивление со стороны крайне правой части духовенства. В ряде мест произошли значительные задержки с официальным обнародованием манифеста. 29 октября на имя Витте поступила телеграмма из Новгород-Северска от городского головы с просьбой распорядиться «о безотлагательном объявлении в церкви высочайшего манифеста 17 октября». 2 ноября подобная же телеграмма пришла из Шадринска²³.

28 октября Синод издал послание по поводу манифеста 17 октября. Синодальные архиереи призывали православных «быть

¹⁹ Былое, М., 1923, № 21, с. 164.

²⁰ Там же, с. 168.

²¹ Там же, с. 163.

²² ЦГИА, ф. 797, оп. 75, III отд., 4-й стол, д. 207, л. 2.

²³ Там же, л. 8, 10.

достойными царской милости» и воспользоваться «дарованной свободой» не на «своеволие и буйство мятежное», а на «мирный и плодотворный подвиг свободного государственного труда». «Помни, христианин,— поучали архиереи,— что сердце царево в руце божией и всевышний направляет его и что твой долг повиноваться царю не только за страх, но и за совесть»²⁴. Синодальное послание не только повторяло двусмысленности манифеста (говоря о «свободах», оно умалчивало о конституции), но и преследовало те же цели, какими руководствовались авторы манифеста: притушить революцию, возродить царистские иллюзии, направить народ на «подвиг свободного государственного труда» под опекой царских властей (т. е. на выборы послушной правительству Думы), вернуть к повиновению крестьян и рабочих.

По существу новое послание Синода было проникнуто все тем же стародавним монархизмом, что и прежние. И только либералы, поверившие в наступление «эры конституции», усмотрели в синодальном послании её религиозную санкцию. Праволиберальное «Слово» писало, что Синод сделал «огромный шаг» вперед, отрекся, наконец, от уваровского «символа веры»: «православие, самодержавие и народность» — и признал «чистоту и приемлемость с церковной точки зрения нового свободного режима»²⁵.

Еще совсем недавно «Церковные ведомости» сочли бы ниже своего достоинства вступать в полемику с журналистской братией. Теперь времена изменились, с прессой приходилось так или иначе считаться. Хотя и с большим опозданием (видимо, редакция ожидала, когда вопрос окончательно прояснится), «Церковные ведомости» все же откликнулись на комментарий «Слова». Позиция синодального органа была довольно четко изложена в статье А. Катанского «Трехчленная формула», опубликованной 17 декабря.

Церковь, утверждал автор, не отреклась ни от одного элемента этой формулы. «Православие как политический принцип,— говорилось в статье,— указывает в сущности на более или менее тесный союз русского государства с православной церковью». С этой точки зрения автор отвергал «свободу церкви» в условиях ее отделения от государства, настаивая на том, чтобы православие и впредь рассматривалось как «государственный принцип».

«Народность» как элемент уваровской формулы автор рассматривал как антипод социал-демократического интернационализма, который якобы отрицает «идею отечества, патриотизма и особых форм быта русского народа». Одной из таких «особых форм» автор считал самодержавие, важнейшую часть уваровской формулы. «Самоограничение ведь не есть ограничение. Кто удерживает свою силу от проявления, тот не перестает от того быть и называться сильным»,— писал автор, доказывая, что и после 17 октября русский царь остался самодержцем. «Отныне власть царская,—

²⁴ Церковные ведомости, 1905. 29 окт., с. 489—491.

²⁵ Слово, 1905, 1 нояб.

говорилось далее в статье,— является непосредственною (без средстений) управительницею различных движений народной воли, беспристрастною между ними посредницею и вышею решительницею государственных дел ко благу отечества». Изображая самодержавие в качестве надклассовой и даже надобщественной силы, синодальный орган приводил ссылки на божественную власть, которая хотя и позволяет действовать отдельной человеческой воле, но в конечном счете направляет жизнь человечества к достижению ей одной известных «высших божественных целей»²⁶.

Статья Катанского, написанная в ходе газетной полемики и носившая неофициальный характер, тем не менее в значительной мере отражала позицию высшего духовенства в этот период. Православная церковь по-прежнему претендовала на сохранение своего особого положения в государстве. Высшее духовенство понимало, что в условиях буржуазно-конституционной системы православие вряд ли сохранит значение господствующей религии и церковь неизбежно лишится ряда нынешних ее привилегий. Поэтому церковное руководство выступало за сохранение самодержавия в его почти неограниченном виде. Стремясь отстоять свои привилегии, церковь должна была защищать самодержавие. Таким образом, и после манифеста 17 октября оставалась прежняя основа для союза православной церкви с самодержавием. В условиях революции церковь еще более скрепляла этот союз, открыто противопоставляя свое учение социал-демократическому. К тому же церковники истолковывали острый политический вопрос об ограничении самодержавия в самом благоприятном для последнего смысле. «Теоретическая» посылка о «самоограничении» в использовании силы по существу ставила в зависимость от усмотрения правительства масштабы и формы этого использования.

Все эти установки находили отражение в практической деятельности духовенства. В критический для самодержавия момент церковь спешila оказать ему всемерную помощь. Ближайшие месяцы после манифеста 17 октября как раз и были характерны самым тесным с начала 1905 г. сотрудничеством церковных и светских властей в борьбе с революционным движением.

4 ноября, после реорганизации церковного руководства, новый состав Синода был принят Николаем II. «Крепко надеюсь,— сказал царь,— что все духовенство, особенно сельское, приложит искреннее и вполне христианское старание к водворению среди своей паствы мира и тишины и к исполнению каждым лежащих на нем обязанностей...»²⁷. Церковное руководство получило политический заказ из рук самого царя. Именно с этого времени разрозненные экстремистские действия отдельных, хотя и многочисленных, представителей духовенства сменяются широкой и паномерной деятельностью всего церковного аппарата.

²⁶ Прибавления..., 1905, 17 дек., с. 2232—2238.

²⁷ Церковные ведомости, 1905, № 45. Бесплатное приложение.

В период высшего подъема революции, когда ход событий определяла прямая вооруженная борьба, царское правительство всеми силами стремилось удержать контроль над армией. В связи с этим активизировалась деятельность военного духовенства. 7 декабря 1905 г. Синод по рапорту протопресвитера военного и морского духовенства А. А. Желобовского принял определение об издании специального журнала для воинских чинов под названием «Доброе слово»²⁸.

Печатная пропаганда сочеталась с постоянной проповеднической деятельностью полковых священников, особенно в тех частях, которые непосредственно участвовали в карательных операциях. В январе 1906 г. командир 3-го запасного кавалерийского полка обратился к протопресвитеру с просьбой о представлении к награде полкового священника Н. Воскресенского. «Почти весь полк с 16 октября и по настоящее время,— сообщал царский каратель,— находился на усмирении крестьянских волнений, беспорядков, поджогов и грабежей, и здесь нижние чины полка, памятуя наставления о. Николая, вели себя примерно, разумно, что и дало возможность, как об этом засвидетельствовал даже г. тамбовский губернатор, потушить мятеж»²⁹. С такой же просьбой обратился к протопресвитеру командир 15-го пехотного Шлиссельбургского полка В. А. Солонина. Этот полк участвовал в подавлении крестьянского восстания в Курляндии, и полковой священник И. Соболев, как сообщал командир, «во время экспедиций подвергал жизнь свою опасности и неопустительно вел беседования с нижними чинами»³⁰. 201-й пехотный резервный Лебединский полк посыпался на подавление вооруженных восстаний в Харькове и Люботине, а затем использовался для усмирения крестьянских волнений в Харьковской губернии. Полковой священник И. Пигулевский, по словам командира полка, ежедневно являлся в казармы, «где своим властным пастырским словом благовременно ободрял и благотворно подкреплял нижних чинов полка», убеждая их не верить «обольстительным речам смутьянов и революционеров». Как благочинный церквей 68-й пехотной дивизии, И. Пигулевский в таком же духе руководил подчиненным ему духовенством³¹.

В активную борьбу с революционным движением включились и широкие слои «гражданского» духовенства. В начале декабря, когда в Москве назревало вооруженное восстание, «Московские церковные ведомости» (орган Общества любителей церковного просвещения) опубликовали серию статей, направленных против восстания. В одной из них, озаглавленной «Возможно ли и как христианину предостеречь себя от обольстителей и обольщений смутного времени?», говорилось, что христианство «отвергает на-

²⁸ ЦГИА, ф. 797, оп. 75, II отд., 3-й стол, д. 24, л. 136—136 об.

²⁹ Царизм в борьбе с революцией 1905—1907 гг. Сб. документов / Под ред. А. К. Дрезена. М., 1936, с. 226.

³⁰ Там же, с. 229.

³¹ Там же, с. 233.

сильственные перевороты в истории человечества». В другой статье («Черты христианского учения о власти и подчинении») верующие призывались к безусловному повиновению властям. «Кто истинно и действительно любит свое отчество,— писала газета,— тот никогда не перестанет любить свое правительство и своих начальников». «Вековой ход нашего общественного строя,— поучали московские священники,— должен быть непоколебим и незыблем для всех истинно русских людей»³².

Царские каратели, брошенные на подавление народных восстаний, получали поддержку местного духовенства. В Бенденском уезде Лифляндской губернии священник Марценской церкви П. Гринвальд неустанно агитировал против восстания, призывал сложить оружие и приводил в штаб карательного отряда малодушных, поддавшихся на его увещания³³.

Во время вооруженного восстания в Сормове священник И. Орловский, выполняя поручение карателей, отправился в революционный штаб с предложением сложить оружие. Эта миссия не увенчалась успехом: священник был остановлен рабочими, охранявшими баррикаду³⁴.

Многие сельские священники пытались прекратить начавшиеся в их приходах волнения еще до прибытия войск. Священник церкви погоста Апросьева Новоржевского уезда Псковской губернии А. Цветков разъезжал по деревням, призывая крестьян «возвратиться к мирному труду». Священник церкви села Лядовки Кирсановского уезда Тамбовской губернии К. Богоявлensкий организовал своих прихожан на защиту владельческой экономии от нападения «мятежников» (по-видимому, соседних крестьян). В селе Войны Севского уезда Орловской губернии священник А. Синодский сумел удержать своих прихожан от участия в разоружении полиции и взятии имения местного предводителя дворянства. Священник церкви села Ивановки Хорольского уезда Полтавской губернии Г. Прихожий своими увещаниями способствовал восстановлению «порядка» в приходе³⁵. В станице Котляревской Терской области, как сообщал начальник жандармского управления, «самоотверженно-патриотическое» настроение казаков поддерживалось священником Н. Андреевским, который «своим открытым образом действий» восстановил против себя «краильников»³⁶.

Нет необходимости перечислять все подобные выступления рядового духовенства осенью-зимой 1905 г. Также нет необходимости перечислять все те обращения, воззвания и поучения, которые печатал синодальный орган в период высшего подъема

³² Московские церковные ведомости, 1905, 4 дек., с. 519, 522, 523.

³³ Прибавления..., 1906, 12 авг., с. 2419—2420.

³⁴ Революция 1905—1907 гг. в России. Высший подъем революции 1905—1907 гг.: Документы и материалы, ч. 2, с. 138.

³⁵ Прибавления..., 1906, 12 авг., с. 2419; 1906, 16 сент., с. 2577.

³⁶ Революция 1905—1907 гг. в России. Высший подъем революции 1905—1907 гг.: Документы и материалы, ч. 2, с. 562.

революции. Такие же материалы печатались местными «епархиальными ведомостями», издавались в виде листовок и брошюр. Важнее то, что именно в этот период вместе с расширением масштабов борьбы церкви с революцией определились стратегические направления и тактические приемы этой борьбы.

Они, как уже отмечалось, значительно отличались от тех, которые практиковали западные церкви в борьбе с революционным движением. Православное духовенство, с его склонностью к традиционализму, почти не имело навыков работы среди пролетарских масс. Архимандрит Андрей выражал мнение многих церковников, когда называл «фабричных» «отпетым народом»³⁷. Стратегическая линия православного духовенства состояла в том, чтобы действовать на «тылы» революционного движения, последовательно отделяя от него более или менее отсталые отряды.

Важнейшую свою задачу церковники видели в том, чтобы вывести из революционной борьбы крестьянство, интенсивная идеологическая обработка которого в ряде епархий началась еще летом. К концу 1905 г. церковники поняли, что аграрное движение имеет свою социально-экономическую основу. В своих проповедях им уже приходилось признавать и малоземелье, и утеснения со стороны помещиков, и правовые ограничения крестьянства. Тем не менее один из важнейших факторов аграрного движения духовенство видело в деятельности революционных агитаторов. В церковных проповедях они именовались, не иначе, как «ласкаителями народа», «лжеучителями» и т. п.³⁸ Без поношений в их адрес обходилась редкая проповедь.

Кроме того, церковники понимали, что «связь между фабрикой и деревней бесспорно тесная и настроение фабрично-рабочего класса, бесспорно, отражается на настроении народа»³⁹. В духовных кругах возникало стремление порвать эту связь, вбить клин между пролетариатом и крестьянством. В одном из «поучений сельского пастыря» говорилось, что бастующие железнодорожники преследуют «мелкие личные виды и расчеты и какие-то темные политические цели», забыли об «интересах ближнего» и «долге перед отечеством»⁴⁰. В таком свете изображалась героическая борьба рабочего класса за политическое и социальное освобождение трудящихся масс всей страны.

В своей проповеди духовенство пыталось опереться на религиозность крестьянства. Неоднократно приводились известные слова апостольского послания «всякая душа да будет покорна высшим властям»⁴¹. «Мы должны веровать и исповедовать,— поучал серпуховский окружной миссионер Ф. О. Силин в одной из своих бесед в декабре 1905 г.,— что бог по образцу своего единопачалия устроил на земле нашей царя-единовладытеля,

³⁷ Церковный вестник, 1905, 25 дек., с. 1616.

³⁸ Прибавления..., 1905, 3 дек., с. 2115; 1906, 7 янв., с. 2; 1906, 14 янв., с. 56.

³⁹ Там же, 1905, 3 дек., с. 2116.

⁴⁰ Там же, 1905, 10 дек., с. 2173.

⁴¹ Там же, 1905, 3 дек., с. 2112—2114.

по образцу своего вседержительства — царя самодержавного; по образцу своего царства, не переходящего от века в век,— царя наследственного»⁴². В церковных проповедях настойчиво повторялись слова о «помазаннике божием и отце народа», который «обо всех заботится, всем желаёт добра».

Тактическим средством в пропаганде против революции служил предстоящий созыв Думы. «Верьте, что нужды ваши близки сердцу цареву...—вещал синодальный орган.—Ваши нужды будут поставлены в первую очередь и в будущей Государственной думе»⁴³. Таким путем духовенство пыталось внушить крестьянству надежды на Думу, склонить его к пассивному ожиданию, заставить прекратить аграрные «беспорядки». Все это отвечало целям самодержавия в период напысшего подъема революции. Не случайно 14 декабря 1905 г. Синод принял определение об отправлении в каждый воскресный и праздничный день во всех церквях «молебного пения о мире и прекращении нестроений»⁴⁴.

Интенсивную монархическую пропаганду церковь сочетала с прямой и косвенной защитой помещичьего землевладения. Духовенство пыталось сыграть на частнособственнических инстинктах крестьян и отколоть от аграрного движения прежде всего сельскую буржуазию. «Вам советуют отбирать земли у богатых... Не верьте, чтобы это могло поправить дело и сделать жизнь лучше... Сегодня вы отнимете землю у богатых, завтра ленивый, разгульный и пьяный человек отнимет землю у того из вас, который трудился, прикупил себе земли и берег деньги для своей семьи»⁴⁵.

Доказывая, что право собственности ограждено божественными законами, духовные «пастыри» в ряде проповедей прямо站овились на сторону помещиков, которых изображали едва ли не крестьянскими «благодетелями». «Если бы были добрые отношения между соседями, то и помещики были бы довольны и благодетельны к вам и вы были бы сыты и обеспечены от всякой нужды крестьянской»,—говорилось в одной из таких проповедей⁴⁶. Правда, признавалось в другой проповеди, имеются среди «образованных» (т. е. в данном случае среди помещиков) также и «худые люди», которые притесняют крестьян. Но «если кто обидел, то ищи управы на него законным порядком, если законным порядком не найдешь себе защиты, то потерпи, перенеси зло, и бог тебя не оставит...»⁴⁷

Призываая народ к патриархальному терпению и пассивности, духовенство отнюдь не было пассивным зрителем происходящих событий. Об этом говорят все приведенные выше факты. От отдельных, хотя и многочисленных, выступлений против революции,

⁴² РО ГБЛ, ф. 234 (И. В. Полянского), папка 7, д. 1, л. 76 об.

⁴³ Прибавления..., 1905, 3 дек., с. 2115.

⁴⁴ Церковные ведомости, 1905, 17 дек., с. 564.

⁴⁵ Прибавления..., 1906, 14 янв., с. 56.

⁴⁶ Там же, 1905, 3 дек., с. 2113.

⁴⁷ Там же, с. 2119.

начало которым положило явварское послание Синода, от экстремистских актов правого крыла духовенства в октябре 1905 г. церковь перешла к широкой и организованной фронтальной борьбе с революцией. Осенью 1905 г. борьба с революцией окончательно утвердилась в качестве главного направления церковной политики.

Однако революция продолжалась, и это являлось главным показателем безуспешности контрреволюционной работы духовенства, хотя церковь, несомненно, содействовала распространению среди крестьян надежд на Думу. В то же время попытки церкви водворить социальный мир на прежних условиях (политический — почти на прежних), откровенная защита старых порядков, односторонний характер проповеди — все это шло вразрез с устремлениями народа, имело целью даже не канализировать, а просто остановить движение, основывалось только на эксплуатации прежнего авторитета церкви. Между тем уже накануне революции этот авторитет не был абсолютным. Деятельность духовенства в 1905 г. еще более его подрывала. Стратегическая линия православной церкви, направленная на удерживание арьергардов народного движения, приводила к тому, что при поступательном историческом движении масс, с ростом их сознательности и организованности, все новые и новые слои, группы и личности выходили за пределы «зоны влияния» церкви.

Смена церковного руководства и вопрос о реформах. Начало политического разделения в духовенстве

Подъем революционной борьбы заставлял царские власти срочно изыскивать средства и методы воздействия на народ с целью отвлечения его от революции и раскола революционных сил. В связи с этим в правящих сферах вновь был поставлен вопрос о церковных реформах.

Поскольку обновленцы не проявляли достаточной энергии и смелости, они выпустили из своих рук инициативу, и она была перехвачена представителями правящей бюрократии, недовольными малой эффективностью борьбы церкви с революцией. Этому повороту событий предшествовали перестановки в правительстве, спешно проведенные в период Всероссийской октябрьской забастовки.

19 октября ушел в отставку Победоносцев. «Положение стало невыносимым... — писал он в эти дни епископу Евлогию. — В середине самой церкви появились волки, которые не щадят овец. Настала година темная и власть тьмы, и я ухожу...»⁴⁸

⁴⁸ Евлогий, митрополит. Указ. соч., с. 166.

20 октября на должность обер-прокурора Синода был назначен князь А. Д. Оболенский⁴⁹, личный друг Витте и поклонник философии В. С. Соловьева. Крупный помещик (4951 дес. земли в Калужской и Саратовской губерниях), Оболенский, как и многие другие высшие сановники, начинал карьеру с должности уездного предводителя дворянства, после чего служил в Министерстве внутренних дел, а затем — в Министерстве финансов⁵⁰, где и сошелся с Витте.

Вступив в должность обер-прокурора, Оболенский прежде всего произвел перемены в высшем церковном руководстве. Из прежнего состава Синода, зарекомендовавшего себя бездеятельностью, были выведены архиереи, назначенные Победоносцевым весной-летом 1905 г. В Синоде снова стали заседать три митрополита и, кроме того, два архиепископа (харьковский Арсений и воронежский Анастасий) и два протопресвитера (военного и морского духовенства — А. А. Желобовский и придворного духовенства — И. Л. Янышев)⁵¹. Двое последних принаадлежали к белому духовенству, но назначение их было не просто либеральным жестом нового обер-прокурора. Оно отразило возросшую роль армии и двора во внутренней политике царизма.

Как уже отмечалось, новый обер-прокурор и обновленный Синод приняли все меры к тому, чтобы активизировать церковь в ее борьбе с революцией, сделать церковно-монархическую проповедь планомерной и повсеместной как в устной, так и в печатной форме. Это являлось главным направлением в деятельности нового церковного руководства. Однако обер-прокурор считал важными и неотложными также и некоторые меры по организационному укреплению церкви с целью отвлечения народа от революционной борьбы. В этом плане большое значение Оболенский придавал созыву поместного собора и воссозданию прихода. Причем последнее считалось даже более неотложной задачей.

В цитированной выше записке, составленной в марте 1905 г., Витте высказывал мнение, что для оживления прихода необходимо предоставить прихожанам право участия в расходовании церковных сумм и в выборе членов причта. Осенью 1905 г. церковное руководство, не решаясь на немедленное проведение подобного преобразования, казавшегося ему слишком радикальным, сделало попытку оживить приход и приблизить духовенство к народу путем временных и частных мер.

«В тяжелые дни великой скорби... когда колеблются отеческие предания... — говорилось в синодальном определении от 18 ноября 1905 г. — является настоятельнейшая и неотложная нужда в теснейшем единении пастыря с паствой и в постоянном взаимообщении пастырей». С этой целью Синод рекомендовал созывать общие церковноприходские собрания «из достигших гражданского совершеннолетия преданных церкви прихожан всех состояний

⁴⁹ Церковные ведомости, 1905, 29 окт., с. 491.

⁵⁰ ЦГИА, ф. 797, оп. 75, I отд., 1-й стол, д. 131, л. 4—20.

⁵¹ Церковные ведомости, 1905, 19 нояб., с. 509.

и званий» и избирать церковноприходские советы, действующие под председательством и руководством приходского священника. В обязанности этих советов входило содействие распространению церковного учения и благотворительности, «возбуждение» в прихожанах «усердия» «к делам и вопросам веры», а также «содействие духовенству к успешному исполнению лежащих на нем пастырских обязанностей». Члены церковных советов могли быть «приглашаемы» причтом и церковным старостой к участию в за-ведовании церковным хозяйством. Организация церковных советов ставилась в зависимость от местных условий. Предполагалось, что они будут вводиться в первую очередь там, где отсутствуют церковные попечительства и братства.

Согласование деятельности приходского духовенства и контроль над ней возлагались на пастырские собрания, которые следовало регулярно созывать на уровне благочиний, уездов и епархий. На эти собрания разрешалось допускать и мирян из числа членов церковноприходских советов, попечительств и братств. Постановления таких собраний, подчёркивалось в определении, могут иметь силу только с утверждения местного епископа⁵².

Комментируя определение от 18 ноября, официальный орган Синода назвал его «великим начинанием», которое, «быть может... отрезвит и нравственно улучшит наше шатающееся поколение». Вместе с тем синодальный орган предостерегал против широкого доступа прихожан к распоряжению имуществом и капиталами церквей. По мнению «Церковных ведомостей», это привело бы к «摧毀ению» многих епархиальных и центральных церковных учреждений, существующих за счет отчислений от доходов приходских церквей. Стремление церковников к «единению» с прихожанами уступало место соображениям меркантильного свойства, едва речь заходила о распределении средств, полученных с этих же самых прихожан. Что же касается вопроса об избрании священнослужителей, то синодальный органставил его в зависимость от будущего поместного собора⁵³.

Хотя синодальное определение намечало очень скромные меры, обер-прокурор придавал ему большое значение и связывал с ним преувеличенные надежды. 7 декабря за подписью Оболенского был разослан циркуляр начальникам губерний, некоторым предводителям дворянства, председателям земских управ и городским головам. «Обновление церковноприходской жизни,— говорилось в циркуляре,— может послужить не только к повышению прямого религиозного интереса, но содействовать также вдоворению порядка, мира и тишины в тех местностях, где приходские собрания действительно окажутся организованными на правильных началах...» В связи с этим обер-прокурор просил оказать всяческое содействие епархиальным властям и приходскому духовенству в их «великом деле благоустройства приходов»⁵⁴.

⁵² Там же, 1905, 26 нояб., с. 523—525.

⁵³ Прибавления..., 1905, 26 нояб., с. 2045—2047.

⁵⁴ ЦГИА, ф. 797, оп. 75, II отд., 3-й стол, д. 518, л. 11—11 об.

Большие надежды обер-прокурор связывал также с созывом поместного собора. 17 декабря Николай II принял трех православных митрополитов. Император заявил, что «в настоящее время, при обнаружившейся расшатанности в области религиозных верований и нравственных начал, благоустройство православной российской церкви... представляется делом неотложной необходимости». В связи с этим иерархи получили указания о подготовке к проведению собора «в ближайшее по возможности время». 27 декабря последовал соответствующий реескрипт на имя митрополита Антония. Трем высшим иерархам православной церкви предлагалось определить время созыва будущего собора⁵⁵.

Когда Николай принимал митрополитов, в Москве еще продолжалось вооруженное восстание. И это совпадение не было случайным. Церковь по-прежнему являлась для самодержавия важнейшим средством идеологической обработки народных масс. По замыслу правительства, собор должен был оживить идеологическую работу церкви, обновить приемы этой работы, выдвинуть вперед религиозные проблемы и вновь подчинить влиянию церкви те слои населения, которые практически вышли из-под ее контроля. Все это было крайне необходимо царизму в его борьбе с революцией. Созыв поместного собора являлся важным звеном во внутренней политике царизма. Несмотря на развернувшееся аграрное движение, правительство по-прежнему строило расчеты на царистские иллюзии крестьянства, надеясь получить гражданскую санкцию со стороны Думы и религиозную со стороны собора и тем самым укрепить свой престиж.

Намерение правительства созвать поместный собор поддерживалось всеми основными группами духовенства (несмотря на острые разногласия по вопросу о составе собора). Поддерживали это намерение и обновленцы. Вообще в период высшего подъема революции, когда на первый план вышла непосредственная борьба сил революции и старого режима, обновленческое движение в значительной мере стерлось и потерялось из виду. (Гораздо заметнее в этот период было возглавляемое иерархией традиционное духовенство, которое вело прямую и неприкрытую борьбу с революцией.) Свою основную программу столичные обновленцы наметили в главных чертах еще до Октябрьской забастовки и в период с октября по декабрь ничем принципиально новым ее не пополнили. Относительно передовые позиции в этот период занял лишь небольшой кружок харьковских обновленцев. Выступая на собрании в народном театре, лидер этого кружка священник В. Купленский высказался за раздел земли между крестьянами и за участие рабочих в доходах своих предприятий. Зато политическая часть программы харьковского кружка не отличалась новизной и прогрессивностью. Купленский предостерегал против

⁵⁵ Церковные ведомости, 1906, 7 янв., с. 1—2.

республики («до нее мы не дорошли») и предлагал «крепко держаться за царя»⁵⁶.

Последовательно враждебным оставалось отношение «либерального» духовенства к революционному движению. В ноябре «Церковный вестник» назвал «преступниками против воинского долга» восставших севастопольских моряков, с сочувствием отозвался о предпринятых некоторыми фабрикантами локаутах и сделал выпад против Петербургского Совета⁵⁷. Позднее журнал с удовлетворением отметил, что «высшая администрация... намерена, по-видимому, оставить политику выжидательного бездействия»⁵⁸. Вообще же «Церковный вестник» давно призывал «к мобилизации духовных сил» на борьбу с «враждебными церкви силами, которые содержатся в крайних партиях освободительного движения»⁵⁹.

По-прежнему не ладились отношения обновленцев с основными либеральными партиями. «...Наши радикальные земцы,—вещал «Церковный вестник» в духе «Московских ведомостей»,—обнаружили отсутствие государственного практического опыта, неумение понимать события, доктринерство»⁶⁰. Кадетскую партию церковные «либералы» заподозрили в показном монархизме и скрытом республиканизме⁶¹.

Утверждение Н. П. Розанова о том, что московское «либеральное» духовенство «выявляло антимонархические тенденции»⁶², не подтверждается другими источниками и не может быть принято. Выше уже было показано, что сам Розанов вовсе не выглядел республиканцем, когда еще не писал мемуаров, а занимался практическим делом, участвуя в чтениях для рабочих.

В то же время следует обратить внимание на сообщение Розанова о том, что московская комиссия по выработке церковных реформ собиралась в помещении «Союза 17 октября»⁶³. Хотя до вступления в партию октяристов дело и не допшло, деятели обновленческого движения обеих столиц по-прежнему испытывали тяготение к правым либералам. Впрочем, симпатии обновленцев в этот период все более склонялись в сторону правительства.

Было бы неверно утверждать, что церковные «либералы» одобряли все действия царской администрации. Творимые карателями расправы иногда вызывали протесты даже в среде духовенства. Известное треповское распоряжение «Патронов не жалеть, холостых залпов не давать» петербургские священники назвали «антихристианским предписанием»⁶⁴.

⁵⁶ ЦГИА, ф. 797, оп. 76, III отд., 5-й стол, д. 10, л. 90—90 об.

⁵⁷ Церковный вестник, 1905, 24 нояб., с. 1495—1496.

⁵⁸ Там же, 1905, 15 дек., с. 1589.

⁵⁹ Там же, 1905, 17 нояб., с. 1450.

⁶⁰ Там же, 1905, 24 нояб., с. 1496.

⁶¹ Там же, 1906, 19 янв., с. 86.

⁶² РО ГБЛ, ф. 250, папка 2, д. 1, л. 195—195 об.

⁶³ Там же, л. 195 об.

⁶⁴ Церковный вестник, 1905, 27 окт., с. 1365.

В ноябре, когда распространялось известие о готовящейся суворой расправе над участниками недавнего кронштадтского восстания, некоторые петербургские священники попытались организовать «печалование» по кронштадтским морякам, преследовавшее все ту же цель укрепления «духовной ограды», возвращения в нее «заблудших овец» и примирения пародных масс с режимом царской монархии.

1 ноября к митрополиту Антонию явилось около 50 петербургских священников, возглавляемых известным проповедником Г. С. Петровым. Собравшиеся заявили о своем убеждении, что «пастыри не могут уже больше молчать и должны высказать свое твердое слово заступничества за заблудших и взывать к милосердию царя через посредство своего духовного главы — митрополита». Антоний сначала отнекивался, утверждая, что он, как монах, газет не читает и дела этого не знает, спрашивая: «Удобно ли церковным лицам вмешиваться в такое дело? Их ли это дело?», но в конце концов обещал ходатайствовать перед императором о помиловании участников восстания.

После встречи с митрополитом Петров заявил в беседе с корреспондентом «Слова»: «Аракчеевская психология, когда люди верили в спасительную силу страха... прошла безвозвратно. Теперь нужны другие, более тонкие средства». Затем он добавил, что «дисциплину надо не палкой вбивать, а культурой»⁶⁵.

Однако столичным священникам не удалось до конца выполнить свой план. «Печальников» опередил петербургский пролетариат. 2 ноября по постановлению Совета рабочих депутатов на столичных предприятиях началась забастовка в знак протеста против расправы над моряками. Уже на следующий день бастовало 140 тыс. рабочих⁶⁶. Напуганное правительство вынуждено было уступить. 8 ноября газеты опубликовали «разъяснение» Петербургского телеграфного агентства о том, что участники восстания в Кронштадте будут судимы не военно-полевым, а военно-окружным судом. Фактически это означало сохранение жизни подсудимым⁶⁷.

Протест против распоряжения Трепова и попытка «печалования» были лишь единичными эпизодами в деятельности столичных обновленцев. После смены обер-прокурора они стали более открыто и активно поддерживать правительство. Хотя церковные «либералы» никогда не настаивали на законодательной Думе, манифест 17 октября они встретили с восторгом. «Боже, царя храни! — так заканчивалась передовая статья «Церковного вестника», посвященная манифести⁶⁸. Журнал неоднократно подчеркивал, что «прямая обязанность каждого русского человека — всеми законными средствами помогать правительству в его стараниях

⁶⁵ Слово, 1905, 2 нояб.

⁶⁶ Революция 1905—1907 годов в России, с. 184—185.

⁶⁷ Там же, с. 185; См. также: Слово, 1905, 8 нояб.

⁶⁸ Церковный вестник, 1905, 23 окт., с. 1315—1316.

водворить в смятенной стране порядок и восстановить силу закона»⁶⁹.

И только по отношению к иерархии обновленцы сохраняли оппозицию, усматривая в стремлении иерархов сохранить свои привилегии главное препятствие для проведения церковных реформ. Особенно обострились отношения между обновленческим духовенством и иерархией в Москве. Здесь обновленцы группировались в Обществе любителей духовного просвещения. Узнав, что митрополит Владимир отправил в Синод свой отзыв по вопросу о церковных реформах, не ознакомив с ним московское духовенство, Общество создало свою комиссию и дало ей директивы в смысле ограничения епископской власти. На заседаниях Общества разоблачалась праздная жизнь монахов и критиковались епархиальные порядки. Такие действия вызвали раздражение духовного начальства, и епископ серпуховский Никон послал в адрес Общества грозное письмо. В ответ Общество обратилось к епископу с просьбой не посещать более его заседаний. В конфликт открыто вмешался митрополит Владимир. Однако и это не подействовало на московских обновленцев, тем более что авторитет Владимира в это время сильно пошатнулся в связи с официальным осуждением погромного «поучения».

Конфликт улаживал лично обер-прокурор. Для этого князю пришлось приехать в Москву. В ресторане «Славянский базар» состоялась встреча Оболенского с президиумом Общества любителей духовного просвещения. Обер-прокурор увещевал примириться с «владыкой», а «либералы» настаивали на том, чтобы «владыка» умерил свой черносотенный пыл.

Вслед за этим делегация московских священников ездила в Петербург для встречи с Владимиром, который в то время был членом Синода. Митрополит признал, что Общество действовало закономерно, и «худой мир», по выражению Розанова, был заключен, о чем московским обновленцам позднее пришлось пожалеть⁷⁰.

Значительная часть обновленческого духовенства группировалась вокруг духовных академий. Поэтому движение слушателей и преподавателей академий, в отличие от движения семинаристов, следует рассматривать в контексте борьбы между обновленцами и иерархией. Осенью 1905 г. забастовали все четыре духовные академии, потребовавшие автономии по образцу университетской⁷¹. В поддержку этого требования высказалось и собрание петербургского духовенства⁷².

Синод вынужден был сделать некоторые уступки. Синодальное определение от 26 ноября 1905 г. внесло ряд изменений в устав академий. Права академических советов были расширены вплоть до избрания ректора и инспектора академии, утверждав-

⁶⁹ Там же, 1905, 10 нояб., с. 1432; См. также: 1905, 5 нояб., с. 1400.

⁷⁰ РО ГБЛ, ф. 250, папка 2, д. 1, л. 193—197 об.

⁷¹ ЦГИА, ф. 797, оп. 75, II отд., 3-й стол, д. 439, л. 6 об.—7.

⁷² Новая жизнь, 1905, 27 окт.

шихся затем Синодом. Введение в действие этих изменений было обусловлено восстановлением «правильного порядка учебных занятий». Кроме того, избрание академическим советом ректоров и инспекторов могло быть осуществлено только по освобождении соответствующих вакансий⁷³.

Эти незначительные уступки не удовлетворили академии. Забастовка продолжалась, однако новых уступок добиться не удалось. В начале 1906 г. в духовных академиях возобновились занятия, и 21 февраля измененный устав был введен в действие⁷⁴.

Если иерархия не смогла сразу справиться с выпущенным из-под ее контроля обновленческим движением, то это вовсе не говорит о силе и размахе последнего. В первую очередь это объясняется общей революционной обстановкой в стране, в значительной степени парализовавшей аппарат светской и духовной власти. Само же обновленческое движение включало в себя очень небольшую часть духовенства. Как вспоминал Н. П. Розанов, основная масса духовенства мало интересовалась теми вопросами, которые ставили обновленцы, послушно исполняя волю митрополита и других церковных и светских властей. Когда один такой московский «батюшка» случайно попал на собрание обновленцев, он сначала отказывался верить собственным ушам, а потом вдруг встал и истерически завопил: «Не могу больше здесь быть — тут митрополита ругают!»⁷⁵

В Петербурге осенью 1905 г. «группа 32-х» преобразовалась в «Союз ревнителей церковного обновления». Теперь в него входило 60 членов, светских и духовных⁷⁶. В некоторых других городах существовали лишь небольшие группы обновленцев. В харьковский кружок, например, входило лишь пятеро священников⁷⁷.

Обновленческое движение 1905 г. отличалось малочисленностью и раздробленностью. Другой источник его слабости проистекал от присущего ему политического консерватизма. В своем конфликте с иерархией обновленцы стремились заручиться поддержкой правительства, предлагая ему в свою очередь собственные услуги. Не случайно «Церковный вестник», официальный орган одной из бастовавших академий, подчеркивал, что «активную и действительную поддержку может оказать новому правительству лишь обновленная церковь»⁷⁸. Отсюда становится понятным, почему ни проводимые царскими властями массовые эвакуации, ни печально знаменитые треповские афоризмы не могли преодолеть тягу обновленцев к правительству.

В целом обновленческое движение оставалось в пределах правительственно-реакционного лагеря, хотя его борьба с иерархией подрывала единство официальной церкви и являлась дополнительным фактором дезорганизации этого лагеря.

⁷³ ЦГИА, ф. 796, оп. 186, д. 486, л. 1.

⁷⁴ Там же, л. 12.

⁷⁵ РО ГБЛ, ф. 250, папка 2, д. 1, л. 143.

⁷⁶ Слово, 1905, 24 нояб.

⁷⁷ ЦГИА, ф. 797, оп. 76, III отд., 5 стол., д. 10, л. 89.

⁷⁸ Церковный вестник, 1905, 1 дек., с. 1509.

Попытки укрепления «духовной ограды» были вызваны выявившимся в период революции все большим и большим отходом народных масс от идеологических установок господствующей церкви и даже от церкви как таковой. Эти попытки были многообразны: от частных проектов и отдельных мероприятий до разработки программы перестройки всей церковной организации. Однако в одном пункте сходились авторы всех проектов — и традиционисты, и обновленцы. В отличие от ранних буржуазных революций первая русская революция проходила не под религиозными лозунгами. Поэтому вовлечение масс в революционную борьбу обычно сопровождалось отрывом их от церкви. Стремясь сохранить свое влияние на народ, духовенство объективно боролось против революции, оказывало важную услугу царизму, даже если не всегда прямо об этом заявляло.

В ходе революционной борьбы пролетариат блокировал некоторые из попыток укрепления «духовной ограды». Так, потерпела провал комиссия Щидловского, при помощи которой церковники собирались разрешить вопрос о строительстве церквей на крупных предприятиях. В ноябре забастовка петербургского пролетариата сделала ненужным «печалование» за кронштадтских моряков.

В течение 1905 г. движение за церковные реформы прошло три основные фазы. Первая из них (весной) может быть названа иерархической. Главным средством усиления церковной организации высшее духовенство считало поднятие ее внешнего престижа. Тем самым иерархия хотела укрепить и свое собственное положение в системе царского самодержавия.

Вторая фаза (с лета до октября) может быть названа обновленческой, или пресвитерианской, поскольку основной силой церковного движения в этот период было белое духовенство. Обновленцы настаивали на необходимости более глубоких преобразований в церкви, стремясь сделать ее более привлекательной в глазах народа. Однако реформистские стремления обновленцев удерживал их консерватизм в политических и социально-экономических вопросах. Поэтому вывод Н. С. Гордиенко и П. К. Курочкина о том, что реализация программы обновленцев «означала бы своего рода русский вариант реформации»⁷⁹, возможно лишь отчасти распространить на 1905 г. Поиск новых организационных форм в программе церковных «либералов» значительно опережал обновление социально-экономической и политической доктрины православия. А без такого обновления была невозможна подлинная реформация. Обновленцы 1905 г., думается, еще не были носителями буржуазной реформации, они лишь робко стучались в ее двери.

И потому, что обновленцы не выдвигали в своей программе далеко идущих требований, эта программа отчасти оказалась

⁷⁹ Вопросы научного атеизма, вып. 4, с 301—302.

приемлемой для определенных кругов правящей бюрократии, недовольных малой эффективностью традиционной церковной проповеди. «Модернизация» церкви стала составной частью перестройки самодержавно-бюрократического аппарата, спешно проводимой правительством под напором революции. Третья фаза движения за церковные реформы связана с деятельностью обер-прокурора А. Д. Оболенского. Этот период выходит за пределы 1905 г., оканчиваясь созывом предсоборного присутствия весной 1906 г.

Однако уже к концу 1905 г. стала очевидна неэффективность обер-прокурорского «обновления». Единственным практическим делом в этой области было определение о церковноприходских советах. Две основные причины обусловили медлительность властей в деле церковных преобразований. Во-первых, царизм, поглощенный борьбой с революцией, используя в этой борьбе «духовный меч» господствующей церкви, не имел достаточной передышки, чтобы его «заострить», и продолжал действовать «тупым орудием»⁸⁰. Во-вторых, подойдя вплотную к вопросу о церковных реформах, правительство столкнулось с фактом резкого углубления и обострения церковного кризиса, с растущими разногласиями и раздорами в церковной среде. Дело укрепления «духовной ограды» практически не сдвинулось с места. Споры же по этому вопросу как проявление церковного кризиса еще больше его подталкивали и обостряли.

*

В конце 1905 г. под влиянием революции среди духовенства еще более усилилось политическое разделение. Наряду с выделением черносотенного крыла началась дифференциация среди «левых» священников. Отдельные представители духовенства все чаще начинали проповедовать идеи других политических лагерей. Епископ парижский Антоний (Грановский) после 17 октября выпустил из формулы поминовения царя титул «самодержавнейший»⁸¹. Он доказывал, что «православие и самодержавие не только органически не связаны между собою, напротив, они взаимно отталкивают друг друга»⁸².

Если в рядах либерально-конституционного движения оказался даже отдельный представитель иерархии, то включившийся в движение пиззий клир обнаружил тяготение к демократическому лагерю. Диаконы и псаломщики являлись самой бесправной и обездоленной частью духовенства. При разделе церковных сумм

⁸⁰ Еще С. М. Соловьев противопоставлял католицизм как орудие «острое» православию, в котором он видел орудие «тупое». См.: Соловьев С. М. Мои записки для детей моих, а если можно и для других.— Вестник Европы, 1907, кн. 3, с. 82.

⁸¹ Ежегодник МИРА, т. 4, с. 142.

⁸² Слово, 1905, 18 дек.

священник считался за единицу, диакон — за половину, а псаломщик — за четверть. Соответственно этому при выборах депутатов на епархиальный съезд священник пользовался одним голосом, диакон — половиной, а псаломщик — четвертью. Иногда низший клир вовсе не допускался на епархиальные съезды. Диаконы и псаломщики, давно проявлявшие недовольство, в 1905 г. активно включились в борьбу за свои права, заявляя, что они не «полу-человеки» и не «четвертьчеловеки»⁸³. Образовавшийся «Союз низшего клира православного исповедания» высказался за скорейший созыв собора и за отделение церкви от государства⁸⁴. Этот демократический лозунг едва ли не впервые прозвучал в церковной среде.

Осенью 1905 г. усилившееся аграрное движение захватило и некоторых сельских священников. Случаи полицейских преследований представителей духовенства происходили довольно часто. Однако не всегда такие преследования имели смысл. В одном случае был задержан священник, занимавшийся распространением обывательских слухов, в другом случае присутствовавший на проповеди унтер-офицер превратно ее понял, в третьем — имел место донос личного врага, в четвертом — дело раздули полицейские власти, чтобы показать свое усердие, и т. д.⁸⁵ О том, насколько осторожно следует относиться к полицейским донесениям о революционной деятельности духовенства, свидетельствует случай со священником села Старых Лесков Одоевского уезда Тульской губернии Н. Н. Борисоглебским. Согласно донесению начальника Тульского губернского жандармского управления, священник Борисоглебский с осени 1905 г. «стал открыто собирать по вечерам в помещении церковноприходской школы грамотных и развитых крестьян, которым внушал идеи „Крестьянского союза“». Священник-агитатор, говорилось в донесении, призывал к захвату помещичьей земли и к изгнанию помещиков из усадеб⁸⁶.

О деятельности священника было сообщено тульскому епископу Лаврентию, и последний распорядился о производстве следствия. В его ходе изложенные в жандармском донесении факты были отвергнуты. Священник Борисоглебский, сообщал епископ Лаврентий, действительно вел собеседования с крестьянами, однако при этом имел целью «предупредить опасное брожение», доказывал, что захват помещичьей земли не может быть безнаказанным, советовал ожидать созыва Думы, в которой крестьянские нужды будут поставлены на первый план «как особо близкие государю императору». На этих беседах присутствовали некоторые местные землевладельцы, которые заверили духовного следователя, что священник Борисоглебский является «строгим

⁸³ Прибавления..., 1905, 24 дек., с. 2296.

⁸⁴ Там же, 1905, 17 дек., с. 2241.

⁸⁵ ЦГИА, ф. 797, оп. 75, III отд., 5-й стол, д. 28, л. 12—23, 32—33, 51—55, 72—80.

⁸⁶ ЦГАОР СССР, ф. 102 (ОО), 1905, оп. 233, II отд., д. 2270, л. 18.

монархистом, всецело преданным монарху и существующему государственному строю»⁸⁷.

Из двух приведенных взаимоисключающих документов большего доверия, по-видимому, заслуживает второй, основанный на более тщательном расследовании. Поводом к недоразумению с полицией послужил прежде всего характер собеседований (как правило, такие беседы были более эффективны, чем публичные проповеди). Кроме того, в частном разговоре с одной местной помещицей священник проронил фразу о том, что земля у помещиков, вероятно, «отнимется». (В конце 1905 г. такой исход многим казался неизбежным.) В результате возникло дело об «антиправительственной агитации» священника Борисоглебского.

Участие духовных лиц в аграрном движении носило единичный характер. Известно, что в ноябре 1905 г. священник А. И. Голиков участвовал в организации крестьянского союза в Бобровской волости Кашинского уезда Тверской губернии. Выступая на митингах перед крестьянами, Голиков призывал не признавать земских начальников, волостных старшин и урядников, не производить платежей, отстранить сотских и десятских и своими силами поддерживать порядок. Прокурор Кашинского окружного суда доносил, что священник пользуется огромным влиянием на окрестных крестьян. В беседе с прокурором Голиков заявил, что он «ничего противозаконного не делает, что он, напротив, стремится к законности и порядку, что свою агитацию среди крестьян он ведет, с одной стороны, для обеспечения крестьянских экономических интересов, а с другой стороны, чтобы предотвратить возможность возникновения пасиляя крестьян в отношении помещиков и мирным путем осуществить земельные задачи крестьянского населения». Очевидно, священник даже отчасти удерживал крестьян от активных выступлений, стремясь придать движению исключительно мирный характер.

Когда материалы следствия поступили к Оболенскому, он срочно телеграфировал тверскому архиепископу, предписывая принять «самые решительные меры к пресечению революционной пропаганды священника Голикова»⁸⁸. В декабре Голиков был запрещен в священослужении и помещен в Кашинский Клобуков монастырь⁸⁹.

В Ветлужском уезде Вятской губернии был привлечен к дознанию священник А. А. Дилигенский, который, согласно материалам следствия, близко познакомился с политическими ссыльными и под их влиянием стал вести антимонархическую и антивоенную пропаганду⁹⁰.

В конце 1905 г. началось следствие по делу священника села Троиц Краснинского уезда Смоленской губернии Г. Кутузова. Одновременно с этим по распоряжению местного архиерея он был

⁸⁷ ЦГИА, ф. 797, оп. 76, III отд., 5-й стол, д. 10, л. 783—784 об.

⁸⁸ Там же, оп. 75, III отд., 5-й стол, д. 28, л. 91—97.

⁸⁹ Церковный вестник, 1906, 4 мая, с. 592—594.

⁹⁰ ЦГИА, ф. 797, оп. 75, III отд., 5-й стол, д. 28, л. 82—84.

запрещен в священнослужении и помещен в Дорогобужский Болдин монастырь. Священник обвинялся в произнесении антиправительственных речей на крестьянских митингах, в призывах к неповиновению власти и захвату помещичьей земли. В июне 1907 г. по приговору Московской судебной палаты Г. Кутузов был присужден к годичному заключению в крепости⁹¹.

В Воронежской губернии агитацию в пользу Крестьянского союза вел бесприходный священник С. Серебрянский⁹², арестованный в начале 1906 г.⁹³

Кроме четырех указанных случаев, в конце 1905 — начале 1906 г. было привлечено к дознанию и арестовано еще 5 священников и три диакона. Почти все они принадлежали к Всероссийскому крестьянскому союзу⁹⁴.

Еще раз подчеркивая единичный и исключительный характер подобных фактов, следует отметить и то, что переход отдельных священников в демократический лагерь совершался ценой полного разрыва их с официальными установками церкви. Это было еще одним проявлением ее кризиса.

Тяготение к демократическому лагерю обнаруживалось и в движении семинаристов. Осенью-зимой 1905 г. по семинариям прокатилась новая волна забастовок. Только в октябре власти закрыли 18 семинарий⁹⁵. Таким образом, социально-политическая доктрина господствующей церкви уже не только не выполняла «объединительных» функций по отношению к верующим, но даже переставала объединять все духовенство, а также потеряла контроль над теми, кто должен был пополнить его ряды.

Оценивая ситуацию, сложившуюся в верующей части общества в 1905 г., В. И. Ленин писал: «Брожение среди духовенства, стремление его к новым формам жизни, выделение клирикалов, появление христиапских социалистов и христианских демократов, возмущение «иноверцев», сектантов и т. д.: все это играет как нельзя больше на руку революции, создавая благоприятнейшую почву для агитации за полное отделение церкви от государства»⁹⁶.

Выход из кризисной ситуации церковное руководство искало прежде всего в мерах административного воздействия. Оправившись от растерянности в связи с Октябрьской забастовкой, Синод развернул кампанию репрессий и «чисток». Прежде всего начались преследования возникшего в Москве «Союза учащих церковноприходских школ». Синодальным определением от

⁹¹ Там же, оп. 76, II отд., 3-й стол, д. 35, л. 1; III отд., 5 стол, д. 12, л. 44, 45.

⁹² Революция 1905—1907 гг. в России. Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г.: Документы и материалы, ч. 2, с. 393.

⁹³ Революция 1905—1907 гг. в России. Высший подъем революции...: Документы и материалы, ч. 2, с. 328.

⁹⁴ ЦГАОР, ф. 102 (ОО), 1905, оп. 233, II отд., д. 2270, л. 40—41.

⁹⁵ ЦГИА, ф. 797, оп. 75, II отд., 3-й стол, д. 439, л. 6 об.—7.

⁹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 218.

10—28 декабря образование союза было признано незаконным, членов его предписывалось увольнять со службы⁹⁷.

20 декабря 1905 г. Синод принял определение «О предосудительном поведении некоторых священников во время народных волнений». Отмечая, что подобные случаи носят единичный характер, Синод предписывал принимать против виновных самые решительные меры: запрещать в священнослужении и отдавать под следствие⁹⁸. Это определение явилось предвестником широкой волны репрессий, прокатившихся по духовному ведомству в начале 1906 г.

Однако еще до начала этой волны, в 1905 г., становилось очевидным, что кризисные явления не могут быть удалены при помощи репрессий, «чисток» и административных воздействий. Ибо они в конечном итоге определялись общим кризисом господствующей церкви в условиях капитализма, к которым не были приспособлены ни ее устаревшая внутренняя организация, ни реакционная самодержавно-патриархальная идеология. В капиталистической России начала XX в. существовали как новые классы (буржуазия и пролетариат), так и старые классы-сословия, унаследованные от феодальной эпохи (дворянство, духовенство, нерасслоившееся крестьянство). Первая русская революция резко подтолкнула вперед политическую консолидацию новых классов. В то же время она ускорила, хотя и в разной степени, дезинтеграцию старых классов-сословий. С особой силой процесс социальной и политической дезинтеграции затронул православное духовенство.

Дальнейший отход от церкви народных масс. Антиклерикальное движение в 1905 г.

В своей борьбе с революцией церковь ориентировалась на наиболее отсталые, темные и забитые слои народа с остатками патриархально-царистских иллюзий. Соответственно этому и строилась церковная проповедь, контрреволюционная по своей сущности, патриархально-монархическая по духу и чрезвычайно низкая по своему уровню. Однако революция вскоре показала, что ни по своей сущности, ни по духу, ни по уровню эта проповедь не соответствует настроениям, стремлениям и кругозору значительной части народа, несмотря на наблюдавшиеся кое-где частные успехи этой проповеди. Церковь не смогла удержать народ от участия в революции, в связи с чем и возникли различные проекты укрепления «духовной ограды». Однако эти проекты носили по преимуществу организационный характер, почти не касаясь существа церковной проповеди. Обновленческое движение было

⁹⁷ Церковные ведомости, 1906, 21 янв., с. 51—53.

⁹⁸ Там же, 1906, 7 янв., с. 6—7.

слабым и консервативным, оно не отвечало масштабам церковного кризиса. Последний в полной мере обнаружился уже в первый год революции, проявившись как в центробежных тенденциях периферийных групп (семинаристов, бывших униатов, грузинского духовенства и др.), так и в политической и социальной дезинтеграции основного ядра духовенства (борьба белого и черного духовенства, выделение черносотенного и обновленческого направлений). Церковный кризис представлял собой часть общего кризиса самодержавно-монархической системы. Под ударами революции самодержавие начинало трещать по швам.

Проявления церковного кризиса были многообразны, но главное заключалось в усилившемся отходе от церкви народных масс, в начавшемся антиклерикальном движении.

Контрреволюционная деятельность церкви, защита ею старых порядков — одна из важнейших причин резкого усиления отхода от церкви народных масс в революционном 1905 году. Другая важнейшая причина заключалась в небывалом расширении деятельности демократических партий, прежде всего социал-демократов, в успехе социалистической пропаганды. Этот успех вынуждены были признать и местные церковные деятели, и центральное церковное руководство. По образному выражению одного церковнослужителя Таврической епархии, «прокламации сделались карманью принадлежности наших прихожан»⁹⁹. А в отчете обер-прокурора говорилось, что в 1905—1907 гг. «учение социализма широкою волною разлилось по нашему отечеству»¹⁰⁰. Поскольку в России не было влиятельных группировок христианских социалистов, то успех социалистической пропаганды, как правило, был связан с сознательным или неосознанным отходом от религии.

Своеобразие условий России состояло также в том, что здесь господствующая церковь была как бы частью государственной машины абсолютизма, а по своему имущественному положению (прежде всего при посредстве монастырского землевладения) тесно соприкасалась с классом помещиков. Поэтому антиклерикальное движение в России самым непосредственным образом переплеталось с революционно-демократической борьбой народных масс.

В известном смысле в России не было особого антиклерикального движения. Борьба же рабочих и крестьян против самодержавия и помещиков имела и антиклерикальный оттенок. Поэтому выделение антиклерикального движения как движения самостоятельного производится в исследовательских целях и является в значительной мере условным.

Сказанное в первую очередь относится к антиклерикальному движению в городах. Революционные выступления рабочего класса имели и антиклерикальную направленность. Это прояви-

⁹⁹ ЦГИА, ф. 797, оп. 75, III отд., 5-й стол, д. 28, л. 39 об.

¹⁰⁰ Всеподданнейший отчет обер-прокурора св. Синода по ведомству православного исповедания за 1905—1907 гг., с. 121.

лось уже в событиях 9 января. Необходимо сказать, что «Собрание русских фабрично-заводских рабочих», несмотря на священнический сан руководителя, несмотря на молитвы, которыми начиналось и заканчивалось каждое заседание¹⁰¹, было организацией по преимуществу светской. Религиозные вопросы, по-видимому, обсуждались довольно редко. Некоторые лица, бывавшие на гапоновских собраниях, свидетельствуют, что им «не приходилось слышать, чтобы когда-нибудь там выдвигались и как-нибудь дебатировались религиозные темы»¹⁰². На собрании Василеостровского отделения утром 9 января один из рабочих коснулся вопроса о церкви. «Чиновники не только поработили народ,— заявил он,— они поработили и церковь. Теперь нельзя быть истинным христианином. Если я молюсь не по-казенному, то каждый, кто это увидит, может донести. У нас есть церковь, но нет свободы веры. Если я скажу, что не верю в бога, меня за это будут наказывать, насиливать мою совесть. Церковь наша порабощена правительством. Нужно, чтобы она была свободна, чтобы каждый молился по своей совести...»¹⁰³. Рабочий, возможно, был человек верующий, но по существу выступал не только за свободу совести, но и за отделение церкви от государства. Этот лозунг, как уже отмечалось, был включен в текст петиции. В этой связи следует напомнить и то, что не все колонны, двигавшиеся 9 января к Зимнему дворцу, несли иконы и хоругви. Рабочий А. И. Протченко, участвовавший в шествии с Петербургской стороны, утверждал, что они не несли ни икон, ни царских портретов¹⁰⁴. Ярко выраженное религиозно-монархическое обрамление имела лишь колонна, двигавшаяся с Нарской заставы. Инициатива в этом принадлежала Гапону, который вел колонну. Увидев военные приготовления, он послал в ближайшую церковь за хоругвями и образами¹⁰⁵. Таким образом, уже в самом шествии 9 января сказывался начавшийся отход рабочих от официальной церкви.

Горькие уроки Кровавого воскресенья показали рабочим, что у них только один путь — путь открытой классовой борьбы против власти самодержавия, помещиков и капиталистов. Именно в городах наибольшего накала достигла народно-революционная борьба, именно здесь наиболее глубокие корни пустило социалистическое учение. Именно рабочие, отмечалось в обер-прокурорском отчете, «составляют ныне главный контингент последователей социализма»¹⁰⁶. Успех социалистической пропаганды сопровождался неуспехом традиционной церковно-монархической

¹⁰¹ Гапон Г. А. Записки Георгия Гапона: (Очерк рабочего движения в России 1900-х годов). М., 1918, с. 44.

¹⁰² ЦГАОР СССР, ф. 533 (Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев), оп. 1, д. 160, л. 8.

¹⁰³ Симбирский Н. Правда о Гапоне и 9-м январе. СПб., 1906, с. 136.

¹⁰⁴ Шишkin B. F. Так складывалась революционная мораль. М., 1967, с. 244.

¹⁰⁵ Гапон Г. А. Указ. соч., с. 71.

¹⁰⁶ Всеподданнейший отчет обер-прокурора св. Синода... за 1905—1907 гг. с. 123.

проповеди. Черносотенная газета «Русское дело» с сожалением отмечала слабое посещение лекций, организованных московским духовенством специально для рабочих¹⁰⁷.

Рост влияния демократических партий и успех социализма беспокоил не только правых и черносотенцев, но и либералов. В начале 1905 г. «Слово» подняло вопрос о необходимости для духовенства «войти в более широкое общение с фабричным людом». В ответ газета получила письмо от одного столичного рабочего. В письме говорилось о несуществимости этого предложения при «почти поголовном недоверии» к духовенству со стороны рабочих. «И мы готовы поверить, что это правда, по крайней мере для столицы...», — писала праволиберальная газета¹⁰⁸.

В течение 1905 г., как отмечалось в официальных церковных источниках, произошло резкое падение авторитета церкви среди петербургских рабочих, особенно молодых. Подобные же явления наблюдались не только в столичных центрах, но и в других городах, например в Екатеринбурге¹⁰⁹. Священник Е. Ландышев (Каменский завод Пермской губернии) доносил, что «прихожане отпадают от своих церквей массами»¹¹⁰. Епископ забайкальский в отчете за 1905 г. писал, что «смута революционная отразилась на пастве и оставила огромный след главным образом в железнодорожных приходах, где дошли, по отзывам благочинных железнодорожных церквей, даже до того, что начали отвергать бога и царя, необходимость храмов, духовенства и проч.»¹¹¹. Уфимские епархиальные власти жаловались на нравственное состояние заводской молодежи, среди которой уважение к церкви и ее канонам «считается излишним, ненужным и даже роняющим достоинство современного мыслящего человека». В ходе революционных боев зародилась новая мораль рабочего класса¹¹². Рост религиозного индифферентизма, осознанный или неосознанный отход рабочих от церкви — одна из важнейших составных частей антиклерикального движения в 1905 г., ибо отход — это тоже движение, движение к новому социалистическому учению, к новой морали, к более осознанным, открытым и решительным формам классовой борьбы.

Совместно с рабочим классом в антиклерикальном движении участвовала и демократическая интеллигенция. Одно из таких выступлений произошло в апреле 1905 г. в Елизаветграде. Священник Бобровницкий собирался прочесть в местном реальном училище лекцию о необходимости самодержавия. Кроме реалистов, на лекцию явились студенты и рабочие. Лекция была

¹⁰⁷ Русское дело, 1905, 19 фев., с. 3.

¹⁰⁸ Слово, 1905, 3 апр.

¹⁰⁹ Персиц М. М. Атеизм русского рабочего (1870—1905). М., 1965, с. 208, 219.

¹¹⁰ ЦГИА, ф. 796, оп. 205, д. 794, л. 1—1 об.

¹¹¹ Бакаев Ю. Н. Атеизм рабочих Сибири в годы первой русской революции.— Изв. Сибирского отд-ния АН СССР. Сер. обществ. наук, Новосибирск, 1976, № 11, вып. 3, с. 80.

¹¹² Шишкун В. Ф. Указ. соч., с. 266, 287, 293.

сорвана: собравшиеся покинули аудиторию и с пением революционных песен пошли по городу¹¹³.

Церковная проповедь против революции встречала отпор со стороны самых широких слоев населения. Одним из требований, выдвинутых участниками многотысячного митинга, состоявшегося 19 октября в Уфе, было удаление священника Семеновской церкви Афонасьева, который вел активную контрреволюционную пропаганду и был тесно связан с местной администрацией¹¹⁴.

В периоды наибольшего подъема революционной борьбы, в условиях предельно накаленной политической атмосферы достигалось полное выключение различных участков церковно-пропагандистского аппарата. Выше уже отмечалось, что в октябре 1905 г. «отказалось» центральное звено этого аппарата. Когда же синодальная машина вновь заработала, оказались выключенными многие периферийные звенья. «Отчетный год был очень неблагоприятным для миссионерских бесед,— сообщал, например, коломенский окружной миссионер.— Со второй половины октября и по половину января не было никакой возможности производить бесед ни в городе, ни в уезде из опасения как бы религиозная беседа не обратилась в политический митинг с участием политических ораторов...»¹¹⁵

Если в городах антиклерикальное движение явилось как бы побочным продуктом революционной борьбы и протекало главным образом в мирных формах, то в деревне оно порой принимало даже более острые, немирные формы. Это объяснялось тем, что церковь была крупным земельным собственником (вспомним, что в пределах Европейской России под контролем духовенства находилось 3 млн. дес. земли), что в деревне был сильнее гнет официальной церкви, что в своей борьбе с революцией она делала основной упор на работу среди крестьянства. Сказанное, однако, не означает, что именно крестьянство возглавило антиклерикальное движение в первой русской революции. Основной лозунг этого движения — отделение церкви от государства — был выдвинут в принятой II съездом РСДРП программе рабочей партии¹¹⁶. III съезд РСДРП заявил о необходимости конфискации помещичьих, казенных, церковных и монастырских земель¹¹⁷.

Решения съезда находили все более широкий отклик среди крестьянства. Либеральная газета «Русские ведомости» сообщала о росте влияния социал-демократов среди крестьянского населения Тверского уезда. Социал-демократические ораторы пользовались успехом на митингах, проводимых в различных селениях,

¹¹³ Революция 1905—1907 гг. в России. Революционное движение в России весной и летом 1905 г.: Документы и материалы, ч. 1, с. 34.

¹¹⁴ Революция 1905—1907 гг. в России. Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г.: Документы и материалы, ч. 2, с. 29, 31.

¹¹⁵ РО ГБЛ, ф. 234, папка 7, д. 1, л. 58.

¹¹⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970, т. 1, с. 63.

¹¹⁷ Там же, с. 117.

священники же, пытавшиеся выступить на тех же митингах, не имели никакого влияния и нередко терпели провал¹¹⁸.

Крестьянские сходы все чаще стали выдвигать требование конфискации не только помещичьих и казенных, но и церковных земель.

В июле 1905 г. крестьянский сход в селе Дмитровском Воронежской губернии потребовал наделить крестьян необходимым количеством земли за счет казенных, церковных и частных владений¹¹⁹. В декабре крестьянский сход в хуторе Кувшине Острогожского уезда той же Воронежской губернии выдвинул требование конфискации церковной и монастырской земли наряду с помещичьей и казенной¹²⁰. Число подобных примеров можно было бы увеличить. Крестьянские приговоры о конфискации церковной и монастырской земли подробно проанализированы в монографии Л. И. Емелях¹²¹.

В ряде мест крестьяне от слов начипали переходить к делу. Уже в апреле крестьяне одного из сел Павлоградского уезда Екатеринославской губернии отобрали у местного причта и распахали церковную землю¹²². В августе-сентябре подобные же случаи произошли в Бугурусланском и Бузулукском уездах Самарской губернии¹²³. В это же время крестьяне села Терновки Пензенской губернии захватили рыбные ловли Пензенского Троицкого женского монастыря, заявив, что они не признают прав монастыря на эти угодья. Игуменья начала судебную тяжбу против крестьян¹²⁴.

Все указанные виды выступлений вплетались в общий контекст крестьянской борьбы за землю. Однако крестьянское антиклерикальное движение имело и свои собственные, только ему присущие формы. Наиболее массовая из них заключалась в сокращении платы за исполнение церковных треб (крещений, венчаний). «В некоторых уездах епархии,— жаловался владимирский епископ Никон в письме к митрополиту Флавиану,— прихожане составляют приговоры о том, чтобы уменьшить причтам плату за требы до самых ничтожных размеров, а сборы с прихожан натурой совсем отменить»¹²⁵. Сельские священники Московского и Подольского уездов сообщали, что крестьяне требуют прекратить взносы на общепархиальные нужды, собираются во-

¹¹⁸ Революция 1905—1907 гг. в России. Высший подъем революции 1905—1907 гг.: Документы и материалы, ч. 2, с. 196.

¹¹⁹ Революция 1905—1907 гг. в России. Революционное движение в России весной и летом 1905 г.: Документы и материалы, ч. 1, с. 676—677.

¹²⁰ Степынин В. А. Хроника революционных событий в деревне Воронежской губернии (1861—1919). Воронеж, 1977, с. 84.

¹²¹ Емелях Л. И. Антиклерикальное движение крестьян в первой русской революции. М.; Л., 1965, с. 19—22.

¹²² Церковный вестник, 1905, 5 мая, с. 569.

¹²³ Антицерковное движение крестьян в годы первой русской революции; Публ. Л. И. Емелях.— В кн.: Вопросы истории религии и атеизма: Сб. статей. М., 1955, вып. 3, с. 483.

¹²⁴ ГАПО, ф. 182, оп. 1, д. 2576, л. 710—710 об.

¹²⁵ ЦГИА, ф. 796, оп. 205, д. 731, л. 1 об.

все отказать в выдаче средств на содержание причта, просят священников благословить на рубку леса у помещиков, заявляют, что «теперь у них будет свое выборное духовенство»¹²⁶.

В ряде случаев монархическая проповедь духовенства встретила отпор со стороны местных крестьян. Священник села Козлова Гузского уезда Московской губернии Д. Померанцев говорил о богоустановленности самодержавной власти и необходимости подчинения начальству. Наоборот, среди прихожан находило поддержку требование конфискации помещичьей и церковной земли. Некоторые же крестьяне говорили, что настоящее правительство надо свергнуть, царя избрать на три года и «церковную власть взять в руки народа». В результате конфликта между священником и прихожанами «пастырь» должен был бежать из своего прихода¹²⁷.

В 1905 г. в местечке Илецкая Защита Оренбургской губернии крестьяне письменно предложили священнику, который вел монархическую пропаганду, немедленно покинуть село¹²⁸. В ноябре того же года волостной сход в слободе Ольховка Царицынского уезда Саратовской губернии потребовал вывести войска из села Каменный Брод, прекратить следствие против участников аграрного движения и удалить из того же села священника Победоносцева¹²⁹. Изгнание черносотенных и реакционных священников — еще один вид антиклерикального движения, получивший распространение в 1905 г.

Антиклерикальное движение 1905 г. затронуло не только великорусский центр, но и национальные окраины, прежде всего Грузию. Как докладывали местные епархиальные власти, население стало «не похоже на себя», его отношения с духовенством крайне обострились, последнее стало предметом «смеха и издевательства». В некоторых местностях священнослужители бежали из своих приходов и, лишившись доходов, стали напиматься па поденные работы (образовательный уровень здешнего духовенства в общем был довольно низок). В горных районах Грузии, где живы были патриархальные обычай, население заменяло казенных священников выбранными из народа старцами¹³⁰.

Значительного размаха антиклерикальное движение достигло также в прибалтийских губерниях. Епископ рижский Агафонгел сообщал, что население, преимущественно молодежь, «забывало о храме и устремлялось на разные антиправительственные шествия и собрания». В ряде мест революционные власти запрещали священникам во время богослужения поминать царствующий дом, в других местах перепуганное православное духовен-

¹²⁶ Московские церковные ведомости, 1905, 11 дек., с. 532.

¹²⁷ Вопросы истории религии и атеизма, вып. 3, с. 488—491.

¹²⁸ Емелях Л. И. Указ. соч., с. 77.

¹²⁹ Революция 1905—1907 гг. в России. Высший подъем революции 1905—1907 гг.: Документы и материалы, ч. 2, с. 762.

¹³⁰ Всеподданнейший отчет обер-прокурора св. Синода по ведомству православного исповедания за 1905—1907 гг., с. 161—164.

ство покидало свои приходы, дожидаясь, пока карательные отряды восстановят «порядок»¹³¹.

Крестьянские антиклерикальные выступления происходили и в Белоруссии. Приговоры о немедленной передаче церковных и монастырских земель безземельным и малоземельным крестьянам были приняты сельскими сходами ряда деревень Гомельского уезда Могилевской губернии и Речицкого уезда Минской губернии¹³².

Начавшееся в 1905 г. народное антиклерикальное движение явилось закономерной реакцией на тесное и открытые смыкание церкви с самодержавием и господствующими классами, ее приобщение к полукрепостническим доходам, защиту ею старых социальных и политических порядков, на поддерживаемый ею режим религиозного крепостничества. Вместе с тем это движение свидетельствовало о росте классовой сознательности народных масс, о распространении социалистического учения, вооружавшего народ на борьбу со старым строем.

Сознательный или неосознанный отход от церкви, рост религиозного индифферентизма в 1905 г. носили массовый характер, открытые же выступления против духовенства не имели еще такого характера, хотя они наблюдались и в городах, и на селе, и в центре, и на окраинах. Программные лозунги антиклерикального движения: отделение церкви от государства, объявление религии частным делом, конфискация церковных и монастырских земель наряду с помещичьими и казенными — были выдвинуты ленинской партией как неотъемлемая часть революционной борьбы рабочих и крестьян.

Вместе с тем сложный и длительный процесс отхода от церкви народных масс, значительно ускоренный революцией, не мог совершиться в течение одного года. Революция продолжалась, и впереди были целые периоды революционных боев, в которых на стороне сил старого порядка участвовала и православная церковь. Переживая серьезный кризис, она все же сохраняла определенное единство, пользовалась влиянием на отсталые слои народа и являлась важной политической силой в правительственный лагере.

¹³¹ ЦГИА, ф. 797, оп. 76, II отд., 3-й стол, д. 590, л. 1 об., 3.

¹³² Падчаркоўская Н. У. Акты царкоўных выступлений сялянства Беларусі ў 1905—1907 гг.— Весці Акадэміі навук БССР. Сер. грамад. навук, Мінск, 1978, № 3, с. 94.

Глава четвертая

Борьба церкви с революционным движением в 1906—1907 гг.

Усиление пропагандистской и организационной деятельности духовенства в период отступления революции

В 1906—1907 гг. борьба с революционным движением прочно и безраздельно занимала главное место в деятельности церковной организации. Однако формы и методы этой борьбы претерпели некоторые изменения. В 1905 г. довольно часто отмечались случаи прямого вмешательства церковников в революционные события. Подобные факты наблюдались и в последующий период. В июне 1906 г. в результате вмешательства священника А. Сергиевского была сорвана забастовка на Собинской мануфактуре во Владимирском уезде, и рабочие приступили к работе на прежних условиях¹. В августе этого же года священник села Мордвиновки Таврической губернии С. Максоров сумел удержать своих прихожан от участия в аграрном движении. Таврический епископ Алексий писал, что ему известны и другие подобные же факты². «Отличившиеся» пастыри получали награды, о них с похвалой отзывалась официальная церковная печать. Но стремление к наградам и почестям, по-видимому, часто отступало перед чувством самосохранения, ибо, как показывал опыт, прямое вмешательство в революционную борьбу бывало не только безуспешным, но иногда имело и печальный для служителя религии исход. В июле 1906 г. священник 83-го пехотного Самурского полка В. Пальмов пытался увещевать восставших солдат и был убит одним из солдат во время начавшейся перестрелки с врагом³.

Попытки непосредственного вмешательства духовенства в революционную борьбу на стороне правительства в 1906—1907 гг. наблюдались значительно реже, чем в 1905 г. Предпочитая воздерживаться от таких попыток, духовенство вступило на путь всемерного расширения своей контрреволюционной пропаганды. Эта пропаганда в количественном отношении выросла до неви-

¹ Прибавления..., 1906, 12 авг., с. 2420—2421.

² Там же, 1906, 14 окт., с. 2721—2722.

³ Революция 1905—1907 гг. в России. Второй период революции 1905—1907 гг.: Документы и материалы. М., 1962, ч. 2, кн. 2, с. 229—231.

данных прежде масштабов и стала более разнообразной по своим формам. Не решаясь в большинстве случаев вмешиваться в революционные события, духовенство стремилось прежде всего предупредить их. Объектом усиленного внимания со стороны церковников становились также участники подавленных революционных выступлений. При этом духовенство преследовало цель добиться окончательного «умиротворения» и предотвратить возможность повторных выступлений.

Главным организатором направленной против революции пропагандистской кампании по-прежнему выступал Синод. Особенно отчетливо это проявилось в середине 1906 г., после распуска I Думы и в связи с резким обострением обстановки в стране. 9 сентября было опубликовано циркулярное письмо митрополита Антония епархиальным архиереям. Петербургский митрополит от имени и по поручению Синода призывал православных епископов всеми силами воспрепятствовать распространению «пагубных учений», возбуждающих «к отвращению от церкви, отрицанию веры, забвению христианской любви, вражде сословий и к восстанию против законных властей и государственного порядка». «Для борьбы с врагами церкви и государства... — напоминал митрополит, — требуются не одни внешние меры государственного порядка, но более всего меры нравственного и христианского воздействия». Чтобы усилить это воздействие, митрополитсоветовал сделать все возможное для сплочения духовенства вокруг епископов, направляя его деятельность «к единой святой цели: к сохранению православной веры, утверждению нравственности на началах христианской любви и к поддержанию государственного порядка»⁴. При этом под утверждением «нравственности» и «христианской любви» Синод понимал отказ от классовой борьбы и сохранение прежних социальных порядков.

Контрреволюционными и монархическими тенденциями было проникнуто и определение Синода от 27 сентября 1906 г. о совершении богослужений в годовщину 17 октября. Синод принял решение совместить празднование годовщины манифеста «с воспоминанием чудесного спасения» Александра III и его «августейшего семейства от смертельной опасности» (имелось в виду крушение императорского поезда близ станции Борки 17 октября 1888 г.). И хотя Александр III, покончившийся под каменной плитой Петропавловского собора, при жизни ярый противник всяких свобод, не имел никакого отношения к манифесту, Синод предписывал совершить 17 октября во всех церквях империи литургию и благодарственное молебствие по поводу этих двух ничем не связанных между собой событий. Стремясь к тому, чтобы в народном сознании царское самодержавие представлялось как источник гражданских свобод и народного благосостояния, синодальные иерархи давали указание приходским священникам «разъяснить» своей пастве, что «свобода Христова не есть свобо-

⁴ Церковные ведомости, 1906, 9 сент., с. 397—398.

да на своеволие и буйство мятежное» (повторялись слова прошлогоднего послания) и что «только при полном порядке и спокойствии возможно прочное улучшение народного быта»⁵. Таким образом, Синод призывал народные массы к прекращению революционной борьбы и к пассивному ожиданию царских милостей.

Эта же мысль на разные лады повторялась и в посланиях епархиальных архиереев к своей пастве. «Воля возлюбленного государя нашего, возвещенная в манифесте 17 октября 1905 г., исполняется неуклонно,— писал Парфений подольский.— Разные правительственные органы неустанно работают, чтобы провести в жизнь начала дарованной свободы, дать народу и волю, и землю, и чем спокойнее будет народ, чем больше будет порядка, тем успешнее будут действия правительства и скорее исполнятся предначертания державного хозяина русской земли»⁶.

Проповедуемые церковниками «свободы», основанные на послушании и подчинении установленным властям, не имели ничего общего с подлинными гражданскими свободами, в поддержку которых выступали демократические партии. Орловский епископ Серафим (Чичагов) в своей речи в московском Успенском соборе 17 сентября 1906 г. заявил, что представители демократии требуют «той свободы, которую злой дух прельщал первых людей в раю»⁷.

Подобные взгляды церковные иерархи пытались распространить среди самых широких слоев народа, используя многочисленные кадры подчиненного им духовенства. Тамбовский епископ Иннокентий в послании к духовенству своей епархии призывал «как можно ближе, непосредственнее» встать к своим прихожанам. «В нынешнее смутное время,— поучал епископ,— каждому из вас следует воистину быть стражем паствы своей, владеть ее настроением, знать ее нравы...»⁸ Таврический епископ Алексий выражал благодарность духовенству своей епархии, активно участвовавшему в борьбе против революции. «Продолжайте же, мои добрые соработники,— ободрял он своих подчиненных,— твердо и мужественно стоять на своем святом посту...»⁹

И действительно, в 1906—1907 гг. усилиями прежде всего Синода и епархиальных архиереев при деятельном участии всех подразделений духовенства удалось запустить на полный ход пропагандистскую машину господствующей церкви. Этому способствовала и установка отступления революции. В предыдущий период, как мы видели, предельная накаленность политической атмосферы приводила к выключению отдельных звеньев и даже центров церковного аппарата.

Ранее ведущей формой церковной пропаганды являлась проповедь с амвона, теперь она в значительной степени дополнялась

⁵ Церковные ведомости, 1906, № 39. Приложение к официальной части.

⁶ Прибавления..., 1906, 28 окт., с. 2846—2847.

⁷ Там же, 1906, 30 сент., с. 2657—2658.

⁸ Там же, 1906, 14 окт., с. 2721.

⁹ Там же, с. 2722.

массовой литературой, рассчитанной на «простолюдина». «Церковные ведомости» регулярно печатали материалы, направленные на борьбу с революционным движением и рассчитанные на использование их в качестве церковных проповедей.

Подобные материалы печатались в местных «епархиальных ведомостях». Многие из этих изданий в расчете на более широкий круг читателей сменили свои названия и приобрели более «общественный» вид. Так, вместо «Подольских епархиальных ведомостей» с 1 января 1906 г. стала выходить ежедневная газета «Подоля». Одновременно «Нижегородские епархиальные ведомости» преобразились в «Нижегородский церковно-общественный вестник», «Таврические епархиальные ведомости» — в «Таврический церковно-общественный вестник». В начале 1907 г. калужское епархиальное начальство преобразовало свой печатный орган в «Калужский церковно-общественный вестник». Некоторые епархиальные издания выпускали, в виде приложений, специальные листки для «народного чтения». Подобное еженедельное приложение к «Херсонским епархиальным ведомостям» выходило под названием «Христианская жизнь»¹⁰.

Московская синодальная типография наметила к выпуску «Общедоступную религиозно-нравственную библиотеку», которая должна была состоять из 85 книг. К середине 1907 г. вышло 13 книг этой серии¹¹.

В крупные пропагандистские центры превращались некоторые монастыри. Книги для «народного чтения» издавала Троице-Сергиева лавра¹². С 1 сентября 1906 г. стала выходить ежедневная газета «Почаевские известия», издававшаяся Почаевской лаврой.

Поток религиозно-монархической литературы шел не только по официальным каналам, но и через частные издательства, тесно связанные с церковью. Московское издательство «Верность» за годы революции, в основном во второй ее период, выпустило целую серию контрреволюционных пропагандистских брошюр. Их низкая цена (от 1 до 35 коп.) говорила о стремлении издательства навязать свою продукцию массовому читателю. Ведущим автором издательства выступал известный реакционер протоиерей И. Восторгов. Его перу принадлежало семь брошюр этой серии («Доброе слово православно-русскому народу», «Можно ли христианину быть социалистом?», «Кто должен быть в Государственной думе?» и др.). Пять брошюр были написаны Л. Тихомировым. Подобную же литературу издавал книжный магазин Ефимова в Москве: к середине 1907 г. было выпущено 10 книг «Религиозно-общественной библиотеки». Книги и листки «религиозно-нравственного и церковно-общественного содержания» печатались при журнале «Христианин», который с начала 1907 г. издавался ректором Московской духовной академии епископом Евдокимом. Протоиерей Левашов по собственной инициативе и

¹⁰ Там же, 1906, 18 февр., с. 342; 1907, 31 марта, с. 599—600.

¹¹ Там же, 1907, 2 июня, с. 889.

¹² Там же.

при поддержке начальства издал около 60 листков «для войск и народа»¹³. «Брошюры и листки эти,— поучал приходских священников журнал «Руководство для сельских пастырей»,— надо читать на чтениях народных, их раздавать прихожанам при выходе их из храма в богослужебные дни и при всяком другом удобном случае»¹⁴.

В 1906 г. Пермский епархиальный съезд духовенства, обеспокоенный новым подъемом аграрного движения, единогласно постановил издать и разослать по всей епархии «воззвания успокоительного характера, а также и листки по аграрному вопросу, употребив на это дело до 100 рублей». Для составления и редактирования подобных сочинений были созданы две комиссии: одна — специально по аграрному вопросу, другая — «по поводу современного освободительного движения»¹⁵.

В целях более широкого распространения подобной литературы духовенство подняло вопрос о расширении существующих и создании новых библиотек при приходских храмах. «Заведя в селе такую библиотеку-читальню,— писал священник А. Береза,— можно было бы почти вытеснить всякие... подпольные издания, сеющие смуты и неверие»¹⁶. Вопрос об устройстве приходских библиотек стоял на Тверском епархиальном съезде¹⁷ и на других собраниях духовенства.

Дело не обходилось одними разговорами: количество церковных и благочиннических библиотек быстро возрастало. В 1906 г. было открыто 328 таких библиотек, в 1907 г.— 336. Всего при церквях и благочиниях (за исключением Грузинского экзархата) в 1907 г. состояло 30 323 библиотеки¹⁸. Таким образом, церковные библиотеки имелись в большинстве православных приходов.

Духовные власти следили за тем, чтобы на полках этих библиотек не появлялось ничего «лишнего», чтобы их комплектование строго отвечало целям религиозно-монархической пропаганды. Обнаружение в одной из монастырских библиотек нескольких беллетристических произведений дало повод епископу вологодскому (бывшему серпуховскому) Никону обратиться к консистории с предписанием «объявить духовенству епархии, чтобы в открываемые при церквях и монастырях народные библиотеки приобретались книги с особою осмотрительностью религиозно-нравственного, исторического и вообще назидательного содержания и не допускались книги, коих уже одно появление в церковной библиотеке может соблазнить простых людей». Сообщая об этом факте, синодальный официоз высказывал и свое суждение: «Действительно, странно и как-то даже неловко было бы видеть

¹³ Там же, с. 890—891.

¹⁴ Там же, 1907, 10 марта, с. 464.

¹⁵ Там же, 1906, 2 дек., с. 3057.

¹⁶ Там же, 1906, 14 окт., с. 2742.

¹⁷ Там же, с. 2741.

¹⁸ Всеподданнейший отчет обер-прокурора св. Синода по ведомству православного исповедания за 1905—1907 гг., с. 98—99.

на полке церковной библиотеки томик рассказов Горького или Чехова»¹⁹. Усиленно распространяя в народе религиозно-монархическую литературу, церковные власти вместе с тем пытались проводить политику изоляции народных масс от светской демократической культуры.

Целям насаждения монархической идеологии в значительной степени было подчинено и церковное строительство. Каждая новая церковь открывала для духовенства новый центр проповедничества, новую точку распространения литературы, новый опорный пункт в борьбе с революцией. И не случайно в годы революции строительство церквей велось в таких широких масштабах. В 1905 г. было построено 508 церквей, в 1906—575 и в 1907 г.—525. В 1907 г. в России (вместе с Грузинским экзархатом) действовало 51 413 православных церквей (соборных, монастырских, приходских и домовых). Значительным событием церковной жизни в рассматриваемый период синодальное руководство считало окончание строительства храма Воскресения Христова на Екатерининском канале в Петербурге, где был убит Александр II. Торжественное освящение храма состоялось 19 августа 1907 г. в присутствии императорской четы²⁰.

В данных обер-прокурорского отчета отсутствует подразделение новых церквей на городские и сельские. Но из приводимых погубернских данных можно заключить о наблюдавшемся стремлении усилить воздействие церкви на крестьянство в центральных районах, обеспечить «пастырский» надзор за переселенцами в Сибири и Зауралье, противостоять натиску католицизма на Западе. В связи с этим особый размах церковное строительство в 1905—1907 гг. приобрело в губерниях Рязанской, Томской, Оренбургской, Киевской и Подольской²¹. Это говорит о том, что именно крестьянство продолжало оставаться в центре внимания церковных властей как объект пропаганды, как «словесное стадо», которое еще надеялось удержать в «духовных оградах».

Вместе с тем с 1906 г. наблюдается и некоторое расширение церковного строительства в рабочих районах. В июле 1906 г. был открыт новый храм на подворье Пюхтицкого Успенского монастыря в районе Галерной Гавани в Петербурге²². В декабре этого же года окончилось сооружение нового собора на станции Лапы Петербургско-Варшавской железной дороги. Строительный фонд был образован за счет частных пожертвований и ежемесячных отчислений из заработной платы железнодорожных рабочих и служащих²³.

За счет отчислений из заработной платы осуществлялось и строительство церкви на Путиловском заводе, которой было при-

¹⁹ Прибавления..., 1906, 14 окт., с. 2742.

²⁰ Всеподданнейший отчет обер-прокурора св. Синода по ведомству православного исповедания за 1905—1907 гг., с. 95—98.

²¹ Там же. Приложения, с. 14—29.

²² Прибавления..., 1906, 5 авг., с. 2393—2394.

²³ Там же, 1907, 27 янв., с. 161.

своено имя Николая Чудотворца и святой царицы Александры — в память «священного коронования» Николая II и Александры Федоровны. С постройкой этой церкви Путиловский завод должен был выделиться в особый приход. Устав приходской церкви Путиловского завода был утвержден Петербургской консисторией 12 января 1907 г.²⁴

В 1906—1907 гг. духовенство, отчасти воспользовавшись накопленным опытом, попыталось расширить свою работу среди пролетарских слоев. Такое стремление наблюдалось не только в Петербурге, но и в Москве. Здесь пропагандистскую деятельность духовенства возглавил сам митрополит Владимир. Намеренно иска-
жая социалистическое учение, он пытался доказать, что социал-демократы враждебны всякому труду. «Действительный лозунг социал-демократов таков: как можно меньше труда и как можно больше удовольствий», — писал Владимир в одном из своих «поучений», утверждая, будто именно из этих соображений социал-демократы выступают за сокращение рабочего дня. Доказывая, что фабриканты и чиновники такие же «труженики», как и рабочие, митрополит старался затушевывать классовые различия между эксплуататорами и эксплуатируемыми²⁵. Нетрудно заметить, что и подобная проповедь была рассчитана на наиболее отсталых рабочих, недавних крестьян, незнакомых с сущностью социалистического учения и пролетарских требований.

К этим же слоям рабочего класса была обращена лекция митрополита Владимира «Социальная задача семьи», прочитанная 27 августа 1906 г. в Историческом музее. Современное рабочее движение, заявил Владимир, вызвано «стремлением к нравственному возвышению рабочего люда и к улучшению его материального быта». Признав такое стремление в принципе естественным и справедливым, митрополит тем не менее резко осудил рабочее движение за то, что «средством для достижения своей цели оно избирает демократизацию государственной жизни, т. е. противопоставление народовластия законной государственной власти, уничтожение монархии, ниспровержение всего государственного строя». «Волна общественной жизни, зараженной духом демократизации, пробивает у нас русло и в семейную жизнь», — с сожалением отмечал митрополит.

Межу тем семья, поучал московский «владыка», наравне с государством, церковью и школой, имеет свои социальные задачи. Первой такой задачей митрополит считал восстановление и укрепление «христианских начал», которые должны были, по его мнению, проявляться прежде всего в почитании старших и строгом послушании. «Следует воспитывать чувство любви и тяготения к дому,— проповедовал митрополит,— так чтобы семья — это родное гнездо — была исходным пунктом и местом отдохновения, на котором сосредоточивались бы все мысли, чувства и желания

²⁴ ЛГИА. ф. 19. оп. 97, д. 8, л. 2, 15, 21—22.

²⁵ Прибавления..., 1906, 11 февр., с. 253—258.

трудящегося семьянина». Особенно строго, подчеркивал «владыка», следует относиться к воспитанию детей: «Где заботливо воспитывают и развиваются в детях чувство авторитета и благочестия, там не находит для себя почвы такое настроение, при котором почитается всякий авторитет, покорность и благочестие».

По существу митрополит призывал к восстановлению и утверждению в рабочей среде замкнутой патриархальной старо-крестьянской семьи, которая в те времена распадалась даже в деревне. Признавая на словах законным и справедливым стремление рабочих к «нравственному возышению», иерарх на деле призывал к восстановлению патриархального семейного деспотизма как опоры деспотизма государственного.

Перед началом лекции было совершено торжественное молебствие, а по окончании присутствовавшим рабочим был раздан печатный текст прочитанной лекции. Беседа митрополита Владимира возобновила прерванные на летний период чтения для московских рабочих. С осени 1906 г. эти чтения, руководимые упоминавшейся уже комиссией, велись в пяти местах: в Историческом музее, Епархиальном доме, в Рогожской Сергиевской аудитории, в читальне Даниловского общества трезвости и в доме Глазова²⁶. 5 ноября председатель комиссии епископ серпуховский Анастасий торжественно открыл чтения в шестой аудитории — при храме св. Василия Неокесарийского, на Тверской. Первая лекция, по русской истории, прочитанная В. В. Назаревским, закончилась при появлении на экране портретов императора и наследника. Выходившим из аудитории слушателям раздавались издания комиссии по устройству чтений для рабочих²⁷.

С 12 ноября, еженедельно по воскресеньям, начались «духовные беседы» в церкви св. Никиты на Татарской улице. Проводивший эти беседы приходский священник Ф. Введенский затрагивал «разные религиозные и жизненные темы». После беседы раздавались брошюры и книжки²⁸.

По примеру Москвы чтения и собеседования для рабочих начались и в других городах. С санкции епископа Иоакима такие чтения открылись в Оренбурге. Одна из первых лекций, состоявшаяся 6 декабря, касалась вопросов собственности и взаимоотношений родителей и детей²⁹. 14 января 1907 г. с одобрения архиепископа херсонского Димитрия начались регулярные собеседования в одесской Петропавловской церкви. На их открытии присутствовал викарный епископ Анатолий³⁰. Орловское Петропавловское братство решило организовать ряд чтений в Орловской епархии в течение рождественского мясоеда³¹.

²⁶ Там же, 1906, 9 сент., с. 2551—2553.

²⁷ Там же, 1906, 18 нояб., с. 2985—2986.

²⁸ Там же, 1906, 9 дек., с. 3092.

²⁹ Там же, 1907, 20 янв., с. 110.

³⁰ Там же, 1907, 10 февр., с. 260—261.

³¹ Там же, 1907, 27 янв., с. 167.

Непременной составной частью всех этих чтений и собеседований являлась антисоциалистическая пропаганда, резко активизированная церковью в 1906—1907 гг. Синодальный официоз регулярно помещал статьи, направленные против социалистического учения. Подобные же материалы печатали епархиальные органы. Нельзя сказать, чтобы эта пропаганда заметно повысилась по своему уровню, чтобы церковникам удалось подыскать какие-то новые, «убийственные» аргументы. Упор явно делался на количественную сторону дела. В 1907 г. «Церковные ведомости» опубликовали подробный обзор противосоциалистической литературы. В нем упоминалось свыше 20 наиболее крупных работ, оригинальных и переводных, изданных в 1905—1906 гг. Автор обзора профессор А. Бронзов призывал «энергично и всеми силами бороться с социалистическою пагубою»³².

Впрочем, низкий уровень этой литературы смущал даже редакцию синодального органа. В одном из редакционных комментариев отмечалось, что литература против социализма часто сводится «к апофеозу существующего политico-экономического строя», что даже в объемистой и «солидной» книге А. Генца «Социализм» «встречаются такие тенденциозные утверждения, как, например, что Христос притчею о талантах узаконяет проценты»³³.

Более продуманную и систематическую борьбу с социализмом嘗試了 митрополит Владимир. 30 октября 1906 г., на специально созванном собрании московского духовенства, он произнес речь «Наша пастырская задача в борьбе с социал-демократическою пропагандою». Это выступление свидетельствовало о том, что под воздействием революции церковное руководство постепенно приближалось к подлинной оценке влияния идей социализма и пролетарской партии на народные массы. Отметив, что «социал-демократическая партия — это зерно ... революции», остановившись на решениях IV (Объединительного) съезда РСДРП, митрополит заявил, что «социал-демократы соединились в такую импонирующую силу, с которой серьезно приходится считаться», и что «прежде спокойная Русь наша дрогнула под мощным ударом кулака рабочих». Но если до сих пор социал-демократы действовали в основном в городах, на фабриках и заводах, продолжал Владимир, то теперь «социал-демократическому нападению» подвергаются и «наши сельские приходы». «Как видите, положение в высшей степени тревожное!» — воскликнул иерарх.

Призвав собравшихся «серьезно подготовиться к борьбе» и выступить с «духовным оружием», митрополит вынужден был отметить, что до сих пор это «оружие» слишком часто было не только неэффективным, но и обращалось против самого духовенства. Церковные проповедники огульно отрицали все доводы

³² Там же, 1907, 10 февр., с. 277—280.

³³ Там же, 1906, 26 авг., с. 2481.

социал-демократов и тем самым «еще более укрепляли богатых в неотзычивости на нужды бедных». «Что же удивительного,— сетовал митрополит,— если поколебалось доверие и уважение к церкви, если стали называть ее злую мачехою бедняков, а священников — союзниками буржуазии, адвокатами богатых и знатных?» Между тем, заявил митрополит, «вопиющую несоразмерность между богатыми и бедными видят каждый, кто хочет видеть», и эту «горькую истину», содержащуюся в социал-демократическом учении, следует признать и духовенству.

Однако, подчеркнул «владыка», несмотря на это признание, между социал-демократическим учением и христианством остается «целая пропасть». Социал-демократы видят причины всех неправедливостей в пороках общественного и государственного строя, в действительности же, доказывал митрополит, «глубочайшая причина» всех человеческих бедствий на земле есть грех. Избавление же от греха, продолжал Владимир, возможно только на путях христианства.

Таким образом, признав «горькую истину», т. е. необходимость постановки социально-экономических вопросов, православные клириканы выступили с претензией на идейное руководство обществом в деле «спасения» и «избавления» (ранее церковники претендовали на руководство только в деле индивидуального «спасения»). Митрополит Владимир попытался даже наметить конкретные способы вытеснения социалистического учения.

Первое такое средство Владимир видел в активизации церковной проповеди. При этом он подчеркивал, что имеет в виду не только проповедь с амвона, но и «школу, таинство исповеди, крещения», раздачу литературы, открытие церковных библиотек-читален. Проповедь должна иметь социальный характер, поучал Владимир, евангельское учение следует преподавать «не в абстрактной форме, но в приложении к каждому положению, как к богатым, так и к бедным». Предложения Владимира сводились к тому, чтобы церковь, соблюдая видимость надклассовости и «внепартийности», пыталась по возможности смягчать классовые противоречия и объединять верующих на основе существующих социальных отношений.

Чтобы успешнее действовать в этом направлении, митрополит призывал духовенство внимательнее изучить быт своих «пастомых», их хозяйство, занятия, промыслы, жилищные условия, их нужды и лишения. «Иначе,— говорил Владимир,— мы в нашей проповеди слишком высоко поднимаемся над действительностью жизни...» Необходимо также, продолжал Владимир, «ближе изучить врага», чтобы успешнее его «опровергать». Для этого митрополит советовал ознакомиться с социалистической литературой.

Пропагандистскую работу среди населения, по мысли Владимира, следовало дополнить некоторыми организационными мероприятиями. Митрополит предлагал усилить работу по созданию церковноприходских советов, которые должны были заняться

благотворительностью, а также «наблюдать в своем районе за поведением детей и подрастающего юношества».

Наконец, митрополит советовал не сторониться рабочего движения, но стремиться ввести его «в надлежащие рамки, направить на законный путь». «Устраниая и подавляя в этом движении... все вредное и преступное (например, насилие, забастовки, экспроприации, посягательство на чужую собственность), — говорил Владимир, — мы в то же время не должны осуждать справедливые желания и домогательства рабочих»³⁴.

Речь митрополита Владимира, содержавшая ряд трезвых оценок, свидетельствовала об усилении среди церковного руководства внимания к социально-экономической проблематике. В этом отношении церковники кое-чему научились у революции, у социал-демократов, которых открыто называли врагами. Однако предложенные Владимиром способы борьбы с революционным движением вовсе не отличались новизной. Благотворительность, о которой так много говорили и писали, неизбежно должна была коснуться прежде всего людей деклассированных. Она была явно неспособна развязать тугой узел социально-экономических проблем города и деревни. Что же касается рабочего движения «в рамках» и без забастовок, то эти мечты можно было оставить уже после провала зубатовских и гапоновских опытов.

Через все содержание лекции проходило не высказанное прямо стремление за счет постановки социально-экономических проблем вытеснить на задний план вопросы политические. По-видимому, Владимир надеялся, что частичное смягчение этих проблем способно сбить остроту общеполитического вопроса. В период революции это полностью отвечало интересам самодержавия. Высшая иерархия продолжала следовать в русле его политики. И отсутствие новизны в предлагаемых Владимиром мерах говорило не о недостатке у него изобретательности, а о том, что в условиях сохранения тесного союза с самодержавием церковь и не могла выдвинуть других, более современных способов борьбы с распространением социалистического учения.

Правда, в духовной литературе иногда проскальзывалоложение о создании в России, по примеру Запада, патронируемых церковью рабочих кооперативов, страховых обществ, мелких кредитных учреждений, но христианские профсоюзы в этом перечне не упоминались³⁵. В отличие от западных церквей, стремившихся овладеть рабочим движением и направить его в русло реформизма, российская православная церковь пыталась просто остановить рабочее движение. Ее политика по рабочему вопросу, обрисовавшаяся в 1906—1907 гг., по существу являлась церковным вариантом старой попечительной политики правительства. Выдвинувшая себя на роль «ходатая» за интересы рабочих, церковь пыталаась посеять в рядах пролетариата настроения выжидательной

³⁴ Там же, 1907, 7 апр., с. 617—636.

³⁵ Там же, 1907, 17 марта, с. 484.

пассивности. И не случайно в духовной прессе высказывались горячие пожелания, чтобы «наши современные пролетарии сделались кроткими и смиренными сердцем, не оставляя того, что справедливо в их требованиях к обществу»³⁶.

Стремлением отвлечь рабочие массы от революционной борьбы, привить им дух «кротости» и «смирения» отмечена и практическая деятельность церкви по насаждению среди рабочих контролируемых ею организаций. Правда, подобные опыты не имели широкого распространения. Пропагандистская деятельность церкви была поставлена гораздо шире, нежели организационная.

Во второй главе уже говорилось о разработке «типового» проекта церковных братств, проведенной комиссией из петербургских священников под руководством епископа гдовского Кирилла. 24 марта 1906 г. на основании этого проекта митрополит Антоний утвердил устав братства при Сампсониевской церкви на Выборгской стороне. Председателем совета братства был избран настоятель приходской церкви священник И. Острогорский³⁷. Согласно его отчету, в 1906 г. братство насчитывало в своих рядах 21 тыс. человек. Такое значительное число членов объяснялось тем, что основой для создания братства послужило Сампсониевское общество трезвости, существовавшее уже несколько лет. Братство проводило беседы «религиозно-нравственного содержания», распространяло соответствующую литературу, устраивало новогодние благотворительные елки. Заполучив от местных предпринимателей пожертвования в сумме 9 тыс. руб., братство намечало строительство собственного дома для «религиозно-просветительных целей»³⁸. Нет сомнения, что проводимые братством чтения и беседы находились в русле традиционной церковно-монархической пропаганды. Однако это обстоятельство до некоторой степени маскировалось «трезвенническою» деятельностью братства, унаследованной от вошедшего в его состав общества. Именно вследствие такой маскировки братству удавалось сохранять свой многочисленный состав, хотя, конечно, многие рабочие числились его членами лишь номинально.

В ноябре 1906 г. был утвержден аналогичный устав Гатчинского приходского братства³⁹. В обследованных источниках не прослеживается других сведений о создании в Петербурге и его окрестностях церковных братств в 1906—1907 гг.

В этот период действовало братство при Троицком соборе в г. Златоусте Уфимской губернии. Оно занималось благотворительностью и насаждением идеологии официальной церкви⁴⁰. Приведенные немногочисленные данные говорят о том, что пер-

³⁶ Там же, 1907, 9 июня, с. 927.

³⁷ ЛГИА, ф. 19, оп. 98, д. 20, л. 31.

³⁸ Там же, оп. 99, д. 3, л. 5—7.

³⁹ Там же, оп. 98, д. 20, л. 116.

⁴⁰ Прибавления..., 1906, 7 окт., с. 2691.

ковным властям не удалось создать разветвленную сеть действующих среди рабочего класса церковных организаций.

В Москве, где церковно-монархическая пропаганда осуществлялась в более открытых формах и тяготела к экстремизму, организационная деятельность духовенства также имела подобные тенденции. Если в Петербурге насаждались приходские «братства», то в Москве — общества хоругвеносцев, организации открыто реакционные. Общество хоругвеносцев при Московском Успенском соборе было учреждено еще в 1901 г. В ноябре 1906 г. получило утверждение устав такого же общества при Московском кафедральном во имя Христа Спасителя соборе⁴¹. (Фактически общество начало действовать гораздо раньше.) Об открытии общества хоругвеносцев при Князе-Владимирской церкви говорилось во второй главе. С конца 1903 г. действовало такое же общество при Троицкой церкви в селе Раменском Бронницкого уезда. Это общество, возглавлявшееся священником А. Хавским, к январю 1905 г. насчитывало 132 действительных члена⁴².

8 сентября 1906 г. в селе Раменском состоялось освящение церковноприходской школы, сооруженной обществом хоругвеносцев. Участвовавший в освящении епископ можайский Серафим заявил, что в этом обществе он видит «боевую дружины... готовую, не щадя сил, бороться против зла, распространяемого современным учением,— дружины, готовую умереть за свои христианские убеждения»⁴³.

По примеру Москвы такие же общества создавались в провинции. Епископ орловский Серафим предписал духовенству своей епархии «озаботиться привлечением в каждом городе благочестивых людей к образованию общества хоругвеносцев»⁴⁴.

Созданные московским духовенством общества оказывали действие Русской монархической партии. В других городах они постепенно сливались с Союзом русского народа⁴⁵.

Московские общества хоругвеносцев были «боевитее» и заметнее петербургских «братств», но гораздо малочисленнее. И конечно же, эти общества, рекрутировавшие своих членов из той же социальной среды, что и прочие черносотенные организации, менее всего состояли из рабочих и не пользовались в их среде влиянием.

В 1906—1907 гг. церковь резко усилила пропагандистскую деятельность среди рабочего класса. Однако попытки создания широкой сети организаций, в которых под эгидой церкви намечалось сотрудничество рабочих с представителями буржуазии, не привели к сколько-нибудь значительным результатам. Неудача этих попыток являлась одним из показателей малой эффективности церковной пропаганды.

⁴¹ ЦГИА СССР, оп. 76, II отд., 3-й стол, д. 536, л. 1—2.

⁴² Московские церковные ведомости, 1905, 6 марта, с. 118—119.

⁴³ Прибавления..., 1906, 30 сент., с. 2662.

⁴⁴ Там же, 1907, 27 янв., с. 166—167.

⁴⁵ Общественное движение в России в начале XX в., т. 3, кн. 5, с. 374.

В тесной связи с борьбой против социалистического учения стоит и другое направление идеологической деятельности церкви. Речь идет об усиленной пропаганде в защиту частной собственности. Начавшись под влиянием революционного движения в городе и деревне, эта пропаганда стала еще более интенсивной в связи с началом столыпинской аграрной реформы. Если антисоциалистическая пропаганда нацеливалась в основном на рабочих, то понятие о священном и неприкосновенной частной собственности церковь пыталась утвердить прежде всего среди крестьянства.

В сентябре 1906 г. под впечатлением от нового подъема аграрного движения «Церковные ведомости» отмечали, что «в народе оскудело сознание важности права собственности», «подорвано уважение к его святости и жизненной необходимости»⁴⁶. «Христос,— доказывал синодальный орган,— не отрицал не только собственности, но и ее избытка, т. е. богатства». Среди первых христиан было немало состоятельных людей. «Христианство не только не отрицает собственности,— торжественно заявляли „Церковные ведомости“,— но санкционирует ее... Все попытки заменить закон частной собственности законом собственности общей всегда были и будут неуспешны, как неуспешна была попытка построить башню высотою до небес»⁴⁷.

Откровенную защиту собственности и богатства церковники пытались смягчить признанием того факта, что богатство может быть неправедно нажитым и использоваться для угнетения бедных. Однако, проповедовала церковь, эти явления «имеют свой корень не в самом существе» сложившегося порядка, «а в злоупотреблении им, в извращении его, исходящем от дурной воли человека, от его злых страстей». Поэтому, доказывали церковники, «для искоренения всех зол в имущественных отношениях людей безусловно требуется не насильственное разрушение экономического строя современного общества, а внутреннее обузданье человеческого эгоизма»⁴⁸.

Подобный способ решения социального вопроса, предлагавшийся церковью, всецело отвечал интересам имущих классов. Неимущие и обездоленные призывались к терпеливому ожиданию, когда богатые обуздают свой эгоизм. Этот призыв к терпению и социальной пассивности особенно образно был выражен Антонием волынским. «Нас же, братие,— вещал этот „мужицкий архиерей“,— Христос бог научил вразумлять других неисканием прав, но отречением от них, не требованием равенства со знатью, но унижением себя, не борьбою, по уступкой, не преступлениями, не перенесением обид»⁴⁹.

⁴⁶ Прибавления.... 1906, 23 сент., с. 2619.

⁴⁷ Там же, 1907, 3 февр., с. 188—189.

⁴⁸ Там же, 1906, 23 сент., с. 2620.

⁴⁹ Там же, 1906, 23 дек., с. 3151.

Говоря о «преступлениях», волынский архиепископ прежде всего имел в виду крестьянские выступления против помещиков и помещичьей администрации. В 1906—1907 гг. церковное руководство и рядовые священники приложили немало усилий для предотвращения этих выступлений. В центральной церковной прессе говорилось о пользе для крестьянского населения крупных помещичьих латифундий как очагов «культурного» хозяйства и источника заработка⁵⁰. В местных «епархиальных ведомостях» рядовые сельские священники призывали своих собратьев «проповедовать благовременно и безвременно, с церковной кафедры и в домашней беседе», внушая своим прихожанам мысль «о незаконности и греховности поджогов и насилий»⁵¹.

Эти призывы находили отклик в практической деятельности духовенства. В отчете за 1906 г. воронежского архиепископа Анастасия говорилось, что во многих местностях епархии «благодаря именно влиянию пастырского слова» в отчетном году не было аграрных волнений. «Пастыри были на страже,— доносил воронежскому архиерею один из благочинных Бобровского уезда,— зорко следили за развитием революционной пропаганды и своевременно предупреждали возникавшие в приходе брожения...»⁵². Как видно, «пастырское слово» немало способствовало тому, что в некоторых местах крестьянство продолжало безропотно нести ярмо помещичьей кабалы.

Церкви, однако, не удалось предотвратить новую волну крестьянских выступлений весной-летом 1906 г. Аграрное движение в этот период охватило 32 губернии Европейской России⁵³. Как и прежде, правительство восстапавливало «порядок» при помощи войск. Участники разгромленных крестьянских восстаний вновь становились объектом церковной пропаганды, стремившейся теперь предотвратить возможность новых выступлений. Летом 1906 г. воронежский архиепископ посетил тюрьму, где находились арестованные крестьяне. В беседе с ними Анастасий советовал терпеливо ждать «царской милости — прибавки земли» и не слушать агитаторов, которые «подбивают» «неопытных и доверчивых крестьян» на «беспорядки, бунты, грабежи и поджоги» и тем самым «отрывают их и от собственных домашних работ, и от заработков у добрых людей». Удаляясь, архиепископ пожелал крестьянам быть «верными слугами царю и отечеству» и передал в тюремную библиотеку комплект журнала «Душеполезное чтение» за 1897 г.⁵⁴

Основной формой пропагандистской деятельности сельского духовенства оставались проповеди с церковной кафедры и вне-богослужебные беседы. Однако некоторые ретивые сельские батюшки вели монархическую проповедь даже тогда, когда своей

⁵⁰ Там же, 1906, 28 янв., с. 189.

⁵¹ Там же, с. 190.

⁵² ЦГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2139, л. 13 об.

⁵³ Революция 1905—1907 годов в России. М., 1975, с. 314.

⁵⁴ Прибавления..., 1906, 23 сент., с. 2622—2623.

назойливостью она затрагивала религиозные чувства неискушенных в политике верующих. Один крестьянин села Соловецкого Орловского уезда Вятской губернии жаловался, что их священник вместо исповеди учиняет форменный допрос: «Сочувствуешь ли нынешним беспорядкам? Не читаешь ли прокламаций? Не подстрекаешь ли соседей против правительства? Не сговариваешь ли мужиков составлять разные приговоры? Не ругаешь ли царя? Не имеешь ли сказать что против царя»⁵⁵ Как отмечалось выше, митрополит Владимир открыто призывал использовать в пропагандистских целях таинства крещения и исповеди.

Зашиту частной собственности, наряду с проповедью монархизма, духовенство вело и в народной школе. Так, протоиерей М. Богоявленский, одоевский уездный наблюдатель церковных школ в Тульской губернии, особо рекомендовал учителям своего уезда «внушать детям, что долг всякого порядочного человека хранить верность своему государю, подчиняться властям и не касаться чужой собственности»⁵⁶.

Во время второго этапа революции духовенство стало широко практиковать еще один вид агитационно-пропагандистской деятельности — подачу «всеподданнейших адресов». Обычно они составлялись от имени «причта и прихожан» какого-либо прихода и направлялись в Синод. Обер-прокурор докладывал их царю, который ставил резолюцию «Прочел с удовольствием». Затем эти адреса как «выражения народного мнения» печатались в «Церковных ведомостях».

Ознакомление с этими документами позволяет сделать ряд выводов. Прежде всего, некоторые из этих «адресов» были не только близки по своему содержанию, но и совпадали по ряду словесных оборотов. «До нас доходят нехорошие слухи,— обращались к царю авторы адреса, написанного от имени прихожан села Бастенович Могилевской губернии,— что есть люди, которые хотят уговорить тебя, чтобы ты, государь, отказался от власти самодержавной и даже присягнул бы в этом». Подобный же «слух» дошел и до крестьян села Авдотьина Бронницкого уезда Московской губернии. И они якобы выражали свое беспокойство по поводу того, что «есть люди, которые хотят уговорить тебя...», и далее почти слово в слово следовал уже приведенный текст. Наконец, и до крестьян Араамасского уезда Нижегородской губернии дошли те же самые «неприятные слухи» в сходных выражениях⁵⁷. По-видимому, эти обращения составлялись местным духовенством по одному образцу, присланному из центра, оглашались в церкви, и молчание большей части прихожан считалось одобрением.

Но и таким пассивным содействием прихожан, как представляется, духовенство могло заручиться далеко не везде. Общее количество поступивших в Синод верноподданныческих адресов

⁵⁵ Речь, 1906, 20 марта.

⁵⁶ ГАТО, ф. 31, оп. 1, д. 1045, л. 11 об.

⁵⁷ Церковные ведомости, 1906, 3 июня, с. 315—316.

невелико. В архиве канцелярии обер-прокурора имеется 158 таких адресов, поступивших в течение 1906 г. из 51 губернии и области Европейской и Азиатской России. 8 адресов написаны от имени городских приходов (преобладают небольшие города), остальные — от сельских. Наиболее частой подачей адресов (14 за 1906 г.) отличалась Волынская губерния, что, очевидно, объяснялось особой активностью местного архиерея. 10 адресов поступили из Новгородской губернии, 9 — из Пермской. В обеих губерниях аграрный вопрос стоял не столь остро, как в центре. Остальные адреса довольно равномерно (по одному-два) распределяются по другим губерниям и областям. Подобная равномерность является еще одним свидетельством того, что подача адресов имела «организованный» характер. Чтобы не быть в отстающих, епархиальные власти добивались «подачи» одного адреса примерно каждые полгода. Отсутствие адресов за 1906 г. по некоторым губерниям (Владимирской, Олонецкой, Пензенской, Тверской, Черниговской, Херсонской и др.) говорит либо о непростираемости епархиального начальства, либо о провале предпринимавшихся попыток⁵⁸.

Перед публикацией в «Церковных ведомостях» текст «всеподданинейших адресов» подвергался «редакционной» правке. После распуска I Думы было сделано распоряжение не печатать тех адресов и приговоров, в которых она упоминалась. Адреса все же печатали, но с соответствующими «исправлениями», вносившимися в канцелярии обер-прокурора⁵⁹.

И все же подобные документы мало кого могли ввести в заблуждение. Слишком уж неубедительно выглядели эти немногочисленные адреса перед лицом массового революционного движения рабочих и крестьян. Попытки фабрикации «общественного мнения» явно не удавались.

В 1906—1907 гг., как в городе, так и в деревне, духовенство предпринимало шаги для того, чтобы дополнить агитацию организацией. В сельской местности такие попытки были связаны в основном с практическим осуществлением синодального определения от 18 ноября 1905 г. об устройстве приходских собраний и церковноприходских советов. Продолжая возлагать явно преувеличенные надежды на эти органы, церковное руководство расширило их компетенцию, не дожидаясь даже их введения. Синодальное определение от 25 января — 6 февраля 1906 г. включило в круг деятельности приходских советов «ближайшее по возможности попечение» о церковноприходских школах⁶⁰.

Церковные публицисты усматривали в осуществлении синодального определения от 18 ноября первый шаг к воссозданию православного прихода. «Для массы русского православного народа,— писал А. Папков,— возрождение „прихода“ является несомненно мерой более важной, нежели реформа государственного

⁵⁸ ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 76, III отд., 4-й стол, д. 3.

⁵⁹ Там же, л. 334.

⁶⁰ Церковные ведомости, 1906, 18 февр., с. 82—83.

строя, ибо религиозно-общественные идеалы и интересы для этой массы ближе и понятнее идеалов и интересов чисто политических». На «приходской почве», доказывал автор, разовьются «дух братолюбия» и «христианская общительность» между духовенством и прихожанами и между самими прихожанами, государство же получит в лице восстановленного прихода «наилучше дисциплинированную в нравственном отношении единицу», на которую сможет опереться⁶¹.

Вопрос о воссоздании приходской организации остро встал в церковной и правой публицистике в связи со столыпинской аграрной реформой. Выделение из общины зажиточной и беднейшей ее частей означало раскалывание единого до той поры деревенского «мира», которому прежде иногда все же удавалось сдерживать центробежные тенденции внутри общины, и развитие второй социальной войны в деревне. «Когда под влиянием разложения общины,— писал В. А. Тернавцев,— деревенские элементы пойдут друг на друга с топорами и вилами,— какая сила тогда будет способна внести мир в деревню?» Такой сплой, по мнению публициста, являлась религия, и все свои надежды автор связывал с возрождением прихода⁶².

Сподальное определение 18 ноября 1905 г. как первый шаг по пути к восстановлению приходской организации встретило деятельную поддержку многих епархиальных архиереев. Епископ таврический Алексий обратился со специальным посланием к духовенству и мирянам своей епархии, призывая их принять активное участие в «возрождении и устроении» церковноприходской жизни⁶³. 11 февраля 1906 г. епископ орловский Серафим (Чичагов) созвал особое совещание для обсуждения вопроса о введении церковноприходских советов. На совещание прибыли представители от священников, низшего клира и церковных старост. Участники совещания признали необходимым разъяснить духовенству, что «главная цель настоящей реформы прихода не хозяйственная, а духовно-нравственная», исходя из чего следует всеми силами добиваться «единения членов прихода под сенью своего храма, вокруг своего пастыря». Было решено поручить лучшим в епархии проповедникам составить для напечатания в церковных изданиях обращенные к населению «поучения» с изложением целей реформы, а также организовать повсеместные собеседования и чтения, для участия в которых пригласить местных помещиков, земских начальников и «церковно-благоустроенных» сельских интеллигентов. Выборы в церковноприходские советы намечалось провести к пасхе 1906 г.⁶⁴ Таким образом, в церковноприходских советах намечалось «объединить» не только различные социальные группы крестьянства, но также и помещиков.

⁶¹ Прибавления..., 1906, 28 янв., с. 162—163.

⁶² Там же, 1906, 23 дек., с. 3152—3156.

⁶³ Там же, 1906, 14 янв., с. 48—49.

⁶⁴ Там же, 1907, 10 февр., с. 245—246.

Характерно, однако, что рядовое духовенство, ближе соприкасавшееся с народом, чем иерархи и церковные публицисты, отнеслось к синодальному определению более прохладно и даже довольно скептически. Некоторые из состоявшихся в Киевской епархии собраний духовенства пришли к заключению о преждевременности предложенных мер. При этом делались ссылки на «современные опасные брожения» и высказывалось опасение, что приходские советы начнут борьбу против всевозможных сбров с церквей на общеепархиальные нужды. Некоторые собрания предлагали еще больше ограничить права приходских советов, чтобы застраховаться от возможных покушений на церковные суммы. Возражения против создания приходских советов слышались также среди духовенства Петербургской и Новгородской епархий⁶⁵. В марте 1907 г. синодальный орган с сожалением отмечал, что «большинство священников относится к этому новому установлению с некоторым предубеждением, даже более того — страхом»⁶⁶. К этому времени уже накопился определенный опыт, который показал, что опасения скептиков в общем имели основания, хотя и «оптимисты» сумели добить некоторые факты, которыми стали усиленно жонглировать.

Одип из первых церковноприходских советов был создан в селе Зaborье Вяземского уезда Смоленской губернии. Официальному открытию предшествовало совещание местного священника и «выдающихся прихожан», разработавшее «программу» деятельности приходского совета. В этом документе, кроме всего прочего, говорилось об устройстве чтений и собеседований, об установлении надзора за школьным преподаванием «в церковном и политическом отношении» и, наконец, об организации «дружин порядка» из «наиболее благопадежных лиц». 6 марта 1906 г., в день открытия совета, на «высочайшее» имя была послана верноподданническая телеграмма. В числе подписавшихся прихожан стояло имя московского черносотенца С. Ф. Шарапова⁶⁷. Его стараниями и была создана черносотенная организация под видом церковноприходского совета.

В Казанской губернии одному из сельских священников с помощью церковноприходского совета удалось отговорить крестьян от посещения митингов⁶⁸. В одной из деревень на Орловщине члены церковноприходского совета добились прекращения крестьянских волнений. В конце 1906 г. такие советы существовали почти во всех приходах Орловской епархии⁶⁹. При помощи этих советов духовенство устраивало чтения, открывало церковные библиотеки, пыталось организовать благотворитель-

⁶⁵ Там же, 1906, 18 марта, с. 586; 1906, 7 окт., с. 2690.

⁶⁶ Там же, 1907, 10 марта, с. 461.

⁶⁷ Церковные ведомости, 1906, 18 марта, с. 147—148; Прибавления..., 1906, 11 февр., с. 281.

⁶⁸ Прибавления..., 1907, 17 марта, с. 499—500.

⁶⁹ Там же, 1906, 2 дек., с. 3056.

ность, чтобы привлечь на свою сторону крестьянскую бедноту⁷⁰. В целом церковноприходские советы играли реакционную роль, являясь центрами религиозно-монархической пропаганды и с помощью благотворительности стараясь отвлечь крестьянство от борьбы за коренное улучшение своего положения.

Однако широкое распространение церковноприходских советов наталкивалось на значительные трудности. В той же Орловской епархии не удалось добиться повсеместного устройства приходских советов, несмотря на то что епископ Серафим с этой целью объехал чуть ли не всю епархию. В некоторых местах крестьяне отказывались производить выборы⁷¹.

Но по числу открытых (в том числе, конечно, и на бумаге) церковноприходских советов Орловская епархия все же составляла исключение. В Пензенской епархии в 1907 г. действовало не более пяти приходских советов⁷². В большинстве же других епархий синодальное определение от 18 ноября 1905 г. практически осталось без применения. Некоторые архиереи и священники, говорится в обер-прокурорском отчете за 1905—1907 гг., опасались, что «в переживаемое смутное время» при широком введении приходских советов «могли получиться обратные результаты»⁷³. И действительно, продолжавшееся в деревне народное антиклерикальное движение в ряде случаев затронуло и церковноприходские советы (подробнее об этом см. ниже). Синодальное определение 18 ноября 1905 г. явно не оправдало возлагавшихся на него надежд.

Необходимо отметить важное различие между «братствами», насаждавшимися в рабочих районах, и церковноприходскими советами, распространявшимися в основном в сельской местности. Первые не претендовали на охват всего населения прихода, они ставили своей целью вырвать отдельных рабочих из рядов организованного пролетариата. Им удавалось привлечь к церкви наиболее отсталых рабочих, в значительной степени сохранивших религиозное мышление. Приходские же советы, пытавшиеся общими собраниями прихожан, должны были охватить своим влиянием в основном все православное население прихода. В конце 1905 г., когда было издано известное синодальное определение, церковь еще рассчитывала объединить крестьянство. Когда это оказалось невозможным, были сделаны попытки организовать «братства» и в сельской местности. Одно из немногих численных сельских «братств» было создано в селе Юркине Макарьевского уезда Нижегородской губернии. Из всего населения прихода в новую организацию удалось привлечь только 10 человек⁷⁴. Широкое насаждение «братств» так же не удалось, как и церковноприходских советов.

⁷⁰ Там же, 1907, 10 февр., с. 250.

⁷¹ Там же, с. 248.

⁷² Там же, 26 мая 1907, с. 855.

⁷³ Всеподданнейший отчет обер-прокурора св. Синода по ведомству православного исповедания за 1905—1907 гг., с. 112.

⁷⁴ Прибавления..., 1906, 26 авг., с. 2482.

Церковь искала «сближения» с народом, внутренне не перестроившись, не обновив своей социально-политической доктрины, открыто поддерживая старый строй. Это и явилось главной причиной такой очевидной неудачи попыток внедрения церковных «братств» и приходских советов, оживления церковноприходских попечительств. Не помогла и развернутая церковью пропагандистская кампания, достигшая в 1906—1907 гг. небывалого размаха.

*

Массовые и беспощадные репрессии, проводимые царскими властями в борьбе против революционного движения, вызывали чувство глубокого возмущения по всей стране. Постепенно освобождаясь от панических представлений о царе как «отце» и «заступнике», народ начинал видеть в нем кровавого тирана, а в его слугах — банду насильников и убийц.

Церковь вела неустанную монархическую пропаганду. В устной и печатной проповеди церковники на разные лады пытались доказать, что «благо российского государя неразрывно с благом народа и печаль народная — его печаль»⁷⁵, что «государь для народа начало и краеугольный камень его национально-политического бытия»⁷⁶. Идеи монархизма пронизывали церковную пропаганду во всех ее видах. Но несмотря на то, что славословия в адрес императорской власти почти не знали границ, существовал один вопрос, который представители официальной церкви пытались обходить, но на который в ходе политической борьбы им все же пришлось достаточно определенно ответить. Речь идет об отношении к карательной политике царизма, и в частности к смертным казням, которые по воле царских убийц превратились в страшное «бытовое явление».

Отношение официальной церкви к этому вопросу стало выясняться после того, как церковное руководство рядом решительных репрессивных мер пресекло протесты некоторых рядовых священников против смертных казней. В конце декабря 1905 г. пятеро либерально настроенных харьковских священников предложили собранию харьковского духовенства проект воззвания с протестом против смертной казни. Воззвание было отвергнуто духовенством⁷⁷. Вслед за этим по распоряжению архиепископа Арсения составители воззвания были запрещены в священнослужении и отданы под суд⁷⁸. Таврический епископ Алексий подверг административным карам пятерых ялтинских священников за участие в составлении умеренно либеральной резолюции, принятой на собрании городского духовенства. В резолюции говорилось, что «кровь человека священна, что не должна проливаться ни одна капля человеческой крови ни с ка-

⁷⁵ Там же, 1906, 18 февр., с. 303.

⁷⁶ Там же, с. 331.

⁷⁷ ЦГИА, ф. 797, оп. 76, III отд., 5-й стол. д. 10, л. 92.

⁷⁸ Церковный вестник, 1906, 26 янв., с. 104.

кой стороны». Один из авторов резолюции, священник С. Щукин, уволенный консисторией за штат, был выслан затем из Ялтинского уезда в административном порядке⁷⁹. Летом 1906 г. по требованию Синода были запрещены в священничестве несколько грузинских священников, выступивших с требованием отмены смертной казни⁸⁰.

Пока церковное руководство зажимало рот отдельным протестующим священникам, вопрос приобрел еще большую остроту. 19 июня 1906 г. Государственная дума одобрила законопроект об отмене смертной казни и в установленном порядке направила его в Государственный совет. В верхней палате российского «парламента», согласно закону, шесть мест отводилось представителям православной церкви. Митрополит Антоний и архиепископы Антоний волынский и Дмитрий херсонский представляли чёрное духовенство, протоиереи Д. Н. Беликов, Т. И. Буткевич и М. И. Горчаков — белое.

Обсуждение поступившего из Думы законопроекта было начлено на 27 июня. 24 июня митрополит Антоний отказался от звания члена Государственного совета, сославшись на загруженность синодальными и епархиальными делами⁸¹.

В ходе начавшегося через три дня обсуждения выявились две группы мнений. Большинство «палаты лордов» было настроено резко отрицательно по отношению к думскому проекту. Меньшинство его поддерживало. Продолжительные прения близились к концу, когда слово было предоставлено протоиерею Буткевичу. Судьба законопроекта, конечно, не зависела всецело от мнения представителей церкви. Однако их позиция могла как облегчить, так и осложнить положение большинства, настроенного против проекта.

Свою речь протоиерей Буткевич начал с заявления о том, что он «по принципу непримиримый противник смертной казни» и что «дух христова учения» не отвечают ни смертная казнь, ни рабство. Однако, подчеркнул протоиерей, Евангелие не содержит социальных теорий, в нем указаны лишь «нормы царствия божия», а «между идеалом и действительностью всегда большая разница». Таким образом, представитель православного духовенства дал понять, что он является «непримиримым противником смертной казни» лишь в идеале, но не в действительности. В заключение протоиерей напомнил поступок трех православных иерархов, которые заседали в составе учрежденного по делу декабристов чрезвычайного суда. Они заявили, что «преступники достойны жесточайшей казни», но не подписали приговор, сославшись на свой сан. «Я прошу дать мне возможность,— заявил протоиерей,— поступить так, как поступили святители. Я могу сидеть среди вас, выслушивать доводы, а когда дело дойдет до

⁷⁹ ЦГИА, ф. 797, оп. 76, III отд., 5-й стол, д. 11, л. 48—49, 36, 70 об.

⁸⁰ Там же, д. 10, л. 510.

⁸¹ Государственный Совет. Сессия 1, заседание 8: Стенографические отчеты. СПб., 1906, с. 1.

окончательного решения, позвольте мне воздержаться от этого суда или, что то же, уйти из этой залы»⁸².

Протоиерей Буткевич, конечно, мог обойтись и без приведенной риторики. Чтобы выйти из зала, не требовалось длинных речей. Однако такой шаг означал лишь отказ от поддержки законопроекта об отмене смертной казни. Протоиерою же явно хотелось, чтобы чаша весов перетянула в пользу противников законопроекта. Для этого он и напомнил, что относительно настоящего времени церковь не настаивает на отмене смертной казни.

27 июня Государственный совет закончил свое заседание решением об образовании комиссии для рассмотрения законопроекта⁸³. Ввиду его несложности комиссия могла проделать свою работу в самое короткое время, и тогда на пленарном заседании должно было состояться решительное голосование.

28 июня архиепископ Димитрий срочно ушел в отпуск⁸⁴. Однако комиссия действовала не столь поспешно, как покинувшие Государственный совет иерархи. Она сумела дождаться распуска Думы. Вслед за этим должен был прервать свои занятия и Государственный совет.

Законодательные палаты собрались вновь лишь в начале 1907 г. Перед Государственным советом снова встал вопрос о судьбе нерассмотренного проекта. 14 марта Государственный совет под тем предлогом, что верхняя палата якобы не может рассматривать законопроекты, не принятые действующей Думой, распустил избранную на первой сессии комиссию⁸⁵. Таким образом, «лендлорды» и бюрократы, не решившись открыто выступить в поддержку смертной казни, по существу воспользовались той же тактикой, которую применили представители духовенства.

Протоиерей Буткевич был единственным из них, кто выступал по этому законопроекту. Его речь, а также поспешный выход из верхней палаты двух иерархов дают представление о позиции группы духовенства Государственного совета по данному вопросу. Эту позицию можно определить как уклончивую поддержку противников думского проекта.

Выступление Буткевича вызвало разноречивые отклики в духовной прессе. «Очевидно все же совесть где-то в глубинах столкнулась с Евангелием — и смущилась,— писал по этому поводу архимандрит Михаил (Семенов).— Но неужели же от этого смущения совести исход и теперь для деятелей церкви тот же старый: лицемерие и ложь?»⁸⁶

⁸² Там же, заседание 9, с. 35—37.

⁸³ Там же, с. 38.

⁸⁴ Там же, заседание 10, с. 1.

⁸⁵ Государственный Совет. Сессия 2: Степографические отчеты. СПб., 1907, с. 173—174.

⁸⁶ Церковный вестник. 1906, 13 июля, с. 910.

Уклончивое отношение представителей духовенства к вопросу о смертной казни, по-видимому, объяснялось все же не столкновением «где-то в глубинах», а нежеланием выступать перед верующими в роли ее защитников. Если такие «столкновения» и бывали, то они успешно преодолевались. Об этом, в частности, говорит одна из статей, опубликованных в «Церковном вестнике». Ее автор, подписавшийся «Пр. Е. А—въ», утверждал, что библейская заповедь «не убий» имеет в виду только «индивидуальную мораль», но не общественные отношения. Иными словами, осуждаются только «частные», но не «государственные» убийства. В доказательство автор приводил перечень преступлений, которые, согласно Ветхому завету, должны были караться смертью. Прямого запрещения смертной казни автор не находил и в Евангелии⁸⁷. В этой статье мысль о совместности смертной казни с религиозной моралью проводилась еще более последовательно и открыто, чем в речи Буткевича. Быть может, поэтому автор статьи не решился поставить под ней свою полную подпись, хотя «псевдоним» легко расшифровывался (протоиерей Е. Аквиленов, известный церковный публицист).

Статья вызвала несколько довольно резких ответов на страницах того же журнала. Один из авторов предложил протоиерею «взять в руку веревку» и «пойти к подлежащим властям с предложением известных услуг»⁸⁸.

Характерно, однако, что церковно-обновленческой критике подвергся главным образом центральный пункт статьи Аквиленова — по вопросу о смертной казни. Между тем в той же статье были затронуты и другие вопросы. «Смеем думать,— писал автор,— что при всех своих несовершенствах... представители государственной власти — не „насильники“, что они не „издеваются“ над страной, что военные — не „убийцы“, законы не „без законны“ и что ими обязаны руководиться наши суды»⁸⁹.

Отношение церковных «либералов» к карательной политике правительства было уклончивым. Другие церковники открыто и последовательно ее поддерживали. Массовые экзекуции, казни и ссылки они называли «вынужденными действиями» «законных властей». «К сожалению,— лицемерно заявлял протоиерей И. Восторгов,— при этом являются неизбежными суровые кары, вплоть до употребления оружия»⁹⁰.

В августе 1906 г. были учреждены военно-полевые суды. Столыпинская «скорострельная юстиция» заработала в полную силу. Если прежде церковники пытались провалить думский законопроект, не прикасаясь к нему, то теперь их позиция была не столь уклончивой. «Перед государственою властью явился тяжелый долг показать, что государство „не напрасно носит меч“...», —

⁸⁷ Там же, 1906, 22 июня, с. 824—826.

⁸⁸ Там же, 1906, 6 июня, с. 881.

⁸⁹ Там же, 1906, 22 июня, с. 826.

⁹⁰ Прибавления..., 1906, 29 июля, с. 2352.

писалось в передовой статье синодального органа⁹¹. Защита церковью карательной политики царизма становилась все более открытой и недвусмысленной.

Жертвы царских карателей в синодальном органе назывались «преступниками» и «полусумасшедшими»⁹². В то же время каратели, убитые при подавлении революционных выступлений, изображались «героями и мучениками долга». Епископ вологодский Никон призвал свою паству «помолиться ныне за всех, во дни смуты и междуусобные браны за веру, царя и отечество убиенных православных христиан»⁹³.

В декабре 1906 г. эсерами-террористами был убит известный каратель, петербургский градоначальник В. Ф. фон дер Лауниц, бывший тамбовский губернатор, подавлявший крестьянские выступления. На его похоронах прочувствованное слово было сказано тамбовским епископом Иннокентием. Почивший губернатор, говорил архиерей, «глубоко жалел русского мужика, ценил и крепко любил его за простоту, за искренность, за набожность, за всю прямую мужицкую серую душу». Епископ особо выделял такие качества бывшего губернатора, как «твердость и решительность, строгость и определенность», которые не допускали «колебаний и послаблений». За спиной царского карателя, признавался Иннокентий, светские и духовные власти, «как за степью каменною, могли жить спокойно»⁹⁴.

Таким образом, официальная церковь, в лице ее иерархии и представителей белого духовенства, выступавших устно и письменно, последовательно одобряла карательную политику правительства. Протесты отдельных священников против смертных казней не получили широкого отклика в духовной среде и были подавлены при помощи репрессий. Однако выступления церковников в поддержку смертной казни (спачала уклончивые, затем более открытые), прославления царских карателей, одобрение политики массовых репрессий наносили чувствительный удар по авторитету церкви и содействовали дальнейшему отходу от нее широких слоев народа.

*

В своей борьбе с революционным движением церковь близко со-прикасалась с правыми и черносотенными организациями. Выше уже говорилось о некоторых совместных акциях духовных и светских черносотенцев в 1905 г. В 1906–1907 гг. эти связи стали еще более тесными. Некоторые органы духовной печати открыто оправдывали действия черносотенных погромщиков осенью 1905 г. «Екатеринбургские епархиальные ведомости» пытались

⁹¹ Там же, 1906, 14 окт., с. 2716.

⁹² Там же, 1906, 29 июля, с. 2352.

⁹³ Там же, 1906, 23 сент., с. 2605–2606.

⁹⁴ Там же, 1907, 20 янв., с. 93–95.

возложить вину за происходившие тогда погромы на «людей нового духа», т. е. на самих пострадавших. «...Простой царелюбивый народ,— демагогически заявляла газета,— увидел, что царь его для новых людей не есть „священная особа“, что новые люди — даже и глумятся над ним и говорят такие речи о нем, которых так открыто, явно, публично он никогда не слыхал. И не смог вместить сих слов разум русского человека... и — разлад налицо, а потом и побоище тех, кто посмел хулить и ругать помазанника божия»⁹⁵.

Духовные черносотенцы вместе со светскими вожаками право-го движения приложили немало усилий, чтобы организовать неструю толпу погромщиков в черносотенные партии и «союзы». В начале 1906 г. с благословения епископа Гермогена в Саратове была основана «Монархическая партия». С его же благословения она была преобразована в местный «Союз русского народа». В рождественские праздники 1906 г. благодарные черносотенцы преподнесли своему духовному руководителю приветственный адрес. «Как заботливый архиепископ, — говорилось в адресе, — влияли Вы советом Вашим на наши начинания и всегда в тяжкие минуты общественной жизни поддерживали нас»⁹⁶.

Центром черносотенного движения на Волыни стала Почаевская лавра, где действовало местное отделение «Союза русского народа». Газета «Почаевские известия», редактировавшаяся архимандритом Виталием и иеромонахом Илиодором, вела антисемитскую пропаганду, именовала демократов, изображая их уличными грабителями, и призывала записываться в «Союз русского народа»⁹⁷. Активисты «Союза» бесплатно раздавали свою газетку на базаре⁹⁸. Во время религиозных праздников стекавшихся в лавру богомольцев приглашали записываться в «Союз русского народа». «Отрадно то, — писала черносотенная газетка, — что крестьяне ведут за собою, как это и следует, приходские батюшки»⁹⁹.

В январе 1907 г. с благословения Антония волынского и с разрешения администрации в Почаеве состоялся съезд уполномоченных местных отделов «Союза». Наряду с обычными черносотенными лозунгами съезд в демагогических целях потребовал проявить заботу о малоземельных и безземельных крестьянах. Некоторые решения съезда шли вразрез с официальной политикой правительства. В частности, съезд протестовал против расселения крестьян на хутора и требовал сохранения крестьянского сословного управления¹⁰⁰.

Волынские черносотенцы, руководимые местным духовенством, пытались опереться на политически неразвитые слои местного крестьянства, сохранившие остатки патриархального сознания и быта.

⁹⁵ Там же. 1906. 4 февр., с. 233—234.

⁹⁶ Братский листок. Саратов. 1907. 6 янв.

⁹⁷ Почаевские известия. 1906. 11 сент.

⁹⁸ ЦГАОР СССР. ф. 102, ОО. оп. 236, 1906 г., д. 13, ч. 21, л. 27.

⁹⁹ Почаевские известия. 1906. 11 сент.

¹⁰⁰ ЦГАОР СССР. ф. 102, ОО. оп. 236. 1906 г., д. 13, ч. 21, л. 148 об.—149.

Тесные связи между черносотенцами и духовенством существовали и в других местах. Симбирский епископ Гурий распорядился напечатать в местных «епархиальных ведомостях» программу «Союза русского народа», предпослав ей собственное предисловие. «Мне желательно,— писал Гурий,— чтобы наше духовенство, особенно священники, ознакомили с Союзом русского народа своих прихожан в видах привлечения их к этому союзу...»¹⁰¹ Алексий таврический рекомендовал священникам своей епархии посещать собрания «Союза русского народа». Олонецкое епархиальное начальство распространяло союзнические листки. Этим же занимались монахи в Воронежской епархии¹⁰². Тесные контакты с местными «союзниками» поддерживала игуменья тульского Успенского женского монастыря¹⁰³.

6 апреля 1906 г. в Москве открылся I монархический съезд, созданный центральным руководством «Союза русского народа». Перед началом съезда митрополит Владимир в сослужении трех викарных епископов, в том числе серпуховского Никона, совершил молебствие. В речи, произнесенной на съезде, протоиерей И. Восторгов призывал отстаивать самодержавие, даже если бы от него отказался сам царь¹⁰⁴.

III всероссийский съезд «русских людей», проходивший в Киеве в октябре 1906 г., также открылся молебном, в котором участвовали митрополит Флавиан, епископы Платон и Агапит¹⁰⁵.

Представители крайне правого крыла в духовенстве в 1906—1907 гг. значительно упрочили свое положение в церкви. В начале 1906 г. был переведен с Кавказа в Москву И. Восторгов¹⁰⁶. В апреле 1906 г., сразу после отставки Оболенского, был возведен в сан архиепископа Антоний волынский, а Никон, один из авторов московского погромного «поучения», получил самостоятельную кафедру в Вологде¹⁰⁷. В 1907 г. митрополит Владимир был награжден орденом Александра Невского за «непрестанное проповедование слова божия» и «ревность об охранении древних церковных уставов»¹⁰⁸. С 9 июня по 22 декабря 1906 г. Антоний волынский входил в состав Синода¹⁰⁹.

И все же большинство в церковном руководстве принадлежало людям не столь крайних воззрений. Их отношения с черносотенцами не всегда ладились, особенно во времена Оболенского. Черносотенцы, с возмущением встретившие манифест 17 октябрь

¹⁰¹ Смирнов А. Как прошли выборы во 2-ю Государственную Думу. СПб., 1907, с. 135.

¹⁰² Общественное движение в России в начале XX в., т. 3, кн. 5, с. 442.

¹⁰³ ГАТО, ф. 3, оп. 1/11, д. 6501.

¹⁰⁴ Слово, 1906, 7 апр.

¹⁰⁵ Общественное движение в России в начале XX в., т. 3, кн. 5, с. 418.

¹⁰⁶ Церковные ведомости, 1906, 4 февр., с. 68—69.

¹⁰⁷ Там же, 1906, 6 мая, с. 207; 1906, 20 мая, с. 295.

¹⁰⁸ Там же, 1907, 6 мая, с. 122—123.

¹⁰⁹ Всеподданнейший отчет обер-прокурора св. Синода по ведомству православного исповедания за 1905—1907 гг., с. 68.

ря, не жалели бранных слов по адресу Синода, который дал религиозную санкцию манифесту. Особенно непопулярен в черносотенных кругах был митрополит Антоний, считавшийся близким к Витте человеком. В одной из черносотенных листовок критиковался даже Владимир, «сегодня избравший верный путь, назавтра убоявшийся сделанного»¹¹⁰.

Личные нападки на Антония петербургского не прекратились и после отставки Витте. В начале 1907 г. за резкие статьи против Антония и Столыпина власти приостановили издание московской черносотенной газеты «Вече», а ее редактора В. Оловенникова выслали из Москвы. Одним из активных сотрудников этой газеты был иеромонах Илиодор, направивший телеграмму на «высочайшее» имя с просьбой об отмене распоряжения московских властей. И действительно, Оловенников вскоре вернулся в Москву, а его газета возобновилась¹¹¹.

В декабре 1906 г. с открытым письмом к петербургскому митрополиту обратился доктор А. И. Дубровин. «Или станьте на высоту политики, или уйдите», — ультимативно потребовал один из черносотенных лидеров¹¹².

Черносотенные нападки вызывали ответную реакцию со стороны церковных иерархов. В декабре 1906 г. архиепископ херсонский Димитрий в речи при вручении жезла епископу елисаветградскому Анатолию с неодобрением отозвался о тех, которые «захотели опереться на веру православную русскую, но в то же время направляют свои удары на русскую церковь, хранительницу и выразительницу православия в лице высшей ее власти, в лице ее предстоятелей». «Не в первый раз церкви... выносить тяжесть глубоко оскорбительных недоразумений со стороны своих», — с горечью отметил архиепископ¹¹³.

Как видно, несмотря на острые столкновения, церковное руководство все же считало черносотенцев людьми «своими», а разногласия с ними — «прискорбным недоразумением». И действительно, эти разногласия были не глубоки и не принципиальны. Прежде всего большинство иерархов не одобряло черносотенных нападок на официальное правительство, хотя, как увидим дальше, и иерархи имели к правительству свои счеты.

Далее, высших православных иерархов не вполне устраивали программные требования черносотенных организаций по церковному вопросу. «Русское собрание», старейшее и наиболее аристократическое из черносотенных объединений, настаивало на сохранении господствующего положения православной церкви и на допуске ее представителей во все высшие государственные учреждения. «Русское собрание» требовало также восстановления внутреннего единства церкви при «ревностном охранении исконного

¹¹⁰ ЦГИА, ф. 796, оп. 205, д. 250, л. 1.

¹¹¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, ОО, оп. 236, 1906 г., д. 13, ч. 21, л. 27 об.; Общественное движение в России в начале XX в., т. 3, кн. 5, с. 404.

¹¹² Общественное движение в России в начале XX в., т. 3, кн. 5, с. 404.

¹¹³ Прибавления..., 1906, 16 дек., с. 3117.

достоинства епископского сана». Требование церковного «единения» «Русское собрание» распространяло и на отношение к старообрядцам, признавая их «истинно русскими людьми, ревностно хранящими предания родной старины».

«Союз русского народа», наиболее многочисленный и шумный из всех черносотенных «союзов», также выставлял требование сохранения за православной церковью «первенствующего и господствующего в государстве положения». Но в отличие от «Русского собрания» «Союз» не подчеркивал необходимости охранения иерархического начала в церкви, а настаивал на восстановлении соборности. «Союз» не делал «никакого различия между последователями старого и нового обряда» и даже выдвигал требование воссоединения старообрядцев с официальной церковью «на одинаковых правах». И вот эти-то последние пункты в обеих программах, отражавшие черносотенные заигрывания со старообрядцами, вызывали наибольшее неудовольствие в верхах официальной церкви. «Можно ли не делать различие между старообрядцами и православными?» — вопрошили «Церковные ведомости»¹¹⁴.

Кроме того, с течением времени все более обнаруживалось, что «Союз», ратовавший за восстановление «соборности», рассматривал ее как средство усиления своего влияния в церкви, фактического подчинения ее своему руководству и использования как инструмента своей политики. В упоминавшейся речи архиепископа Димитрия с сожалением отмечалось, что деятели правого движения «в осуществлении своих патриотических стремлений не в церкви ищут руководства и совета, подкрепления и поддержки, а сами захотели распоряжаться церковью, сделать церковь орудием своего стихийного напора»¹¹⁵. Церковные верхи, следовательно, не желая подчиняться «Союзу», сами выдвигали претензии на руководство всем правым движением. Этот момент и являлся наиболее существенной составной частью всех «недоразумений» между церковными верхами и черносотенцами.

И все же примерно с середины 1906 г. наблюдалось медленное, не всегда последовательное сближение официальных церковников с черносотенными организациями. Важную роль в этом сыграли отставка Оболенского и назначение в августе 1906 г. на пост товарища синодального обер-прокурора А. П. Роговича. Бывший ярославский губернатор, он был известен тем, что подал в отставку сразу же после манифеста 17 октября 1905 г. в знак несогласия с ним. Пост товарища обер-прокурора он принял лишь тогда, когда узнал, что назначается по желанию царя¹¹⁶. Новый товарищ обер-прокурора сразу взял на себя роль защитника черносотенных интересов в Синоде. В этом отношении примечателен следующий факт, сообщения о котором просочились в печать. Осенью 1906 г. в Синод поступила жалоба николаевского

¹¹⁴ Там же, 1907, 3 февр., с. 210—211.

¹¹⁵ Там же, 1906, 16 дек., с. 3117.

¹¹⁶ Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л., 1978, с. 143.

(Херсонской губернии) отдела «Союза русского народа» на администрацию местного духовного училища, отказавшую «Союзу» в помещении для собраний, и на викарного епископа, одобравшего этот отказ. На заседании Синода архиепископ Димитрий защищал своего викария, заявляя, что если дать помещение одной партии, то придется давать и другим. Рогович возражал, что «Союз русского народа» — «не партия, а весь православный русский народ». Из остальных членов Синода лишь престарелый И. Л. Янышев поддержал Димитрия, и синодальное решение оказалось не в пользу херсонских епархиальных властей¹¹⁷.

Постоянной рубрикой официального органа Синода являлись ответы читателям. В марте 1907 г. в одном из ответов разъяснялось, что «Союз русского народа» не является «противоправительственной» или «противоцерковной» партией, а потому учителя духовных училищ (следовательно, и все лица, находящиеся на службе по «ведомству православного исповедания») могут входить в состав «Союза»¹¹⁸.

Таким образом, с середины 1906 г. началось постепенное сближение между крайне правым, экстремистским направлением в духовенстве и официальным церковным руководством. Это происходило за счет общего сдвига вправо как синодальных иерархов и всей православной иерархии, так и основной массы рядового духовенства, послушно следовавшей курсом своих «архиастырей».

Было бы неправильно объяснять этот сдвиг только переменами в правительственном курсе, хотя церковь и в описываемый период в основном следовала своей традиции не покидать фарватера правительственной политики. В 1906—1907 гг. церковь значительно расширила масштабы своей пропагандистской деятельности. Кроме традиционной проповеди с церковной кафедры, стали интенсивно использоваться и другие каналы идеологического воздействия на народ: издание дешевой «народной» литературы, листков и брошюрок, расширение церковной прессы, многие органы которой маскировались под «общественные», устройство публичных чтений, библиотек, внебогослужебных собеседований, иногда очень неофициальных, на «завалинке». Даже таинства крещения и исповеди предполагалось использовать в пропагандистских целях. В церковной проповеди появилась дифференциация: проповедь, обращенная к рабочим, отличалась от проповеди, рассчитанной на крестьянство. Расширение пропагандистской деятельности среди рабочего класса — еще одна характерная особенность контрреволюционной деятельности церкви в 1906—1907 гг. Как вся церковная проповедь в целом, так и проповедь, рассчитанная на рабочих в особенности, пронизываются в этот период антисоциалистическим содержанием.

Тогда же церковь предпринимает довольно энергичные попытки дополнить агитацию организацией. Однако здесь духовенство

¹¹⁷ Церковно-общественная жизнь, Казань, 1906, 13 окт., с. 1439.

¹¹⁸ Прибавления..., 1907, 24 марта, с. 567.

постигла серьезная неудача. Дело в том, что церковная проповедь, сделавшись более разнообразной по формам, по существу изменилась мало. По-прежнему ее основное содержание составляла защита монархии, старых социальных порядков, патриархального образа жизни; о проповеди «на обе стороны», об «обличении» власть и деньги имущих говорилось лишь теоретически. Более того, церковь встала на путь одобрения карательной политики царизма. Скромные попытки насаждения благотворительности, конечно, не могли исправить сложившееся в широких слоях народа представление о церкви как о враждебной их интересам силе. Благотворительность, даже в очень развитых формах, может иметь только ограниченное значение в плане смягчения социальных противоречий. Церковь воздерживалась от широкого использования на благотворительные цели собственных средств, а представители имущих классов крайне неохотно откликались на приглашения к пожертвованиям. Неудивительно, что церковные советы и братства не получили широкого распространения. При этом деятельность некоторых советов приобрела неожиданное и нежелательное для духовенства направление.

Под знаменем монархизма и защиты старых социальных порядков оказалось невозможным объединить широкие народные массы. Традиционная церковная проповедь еще раз доказала свою малую эффективность. Это обстоятельство, а также неудача с предпринятыми в «либеральный» период Оболенского начинаниями усилили в духовенстве тягу к использованию в пропаганде более решительных средств. Инициаторами таких средств являлись черносотенцы. И не случайно в ряде мест епархиальное начальство распространяло черносотенные листки, а архиереи советовали священникам посещать собрания «Союза русского народа». Да и сама официальная церковная пропаганда после того, как из нее исчезли призывы «подождать» Думу, уже мало отличалась от черносотенной. В ней отсутствовали лишьственные черносотенцам злобные антисемитские выпады. Таким образом, неудачи в борьбе с революцией в обстановке общего поправления в правящих кругах вызвали сдвиг вправо официального церковного руководства. При этом происходило его сближение с правым, экстремистским крылом духовенства. В известной степени укреплялось церковное единство. Но эта времененная и непрочная консолидация происходила на реакционной почве и не означала выхода из церковного кризиса.

Контрреволюционная деятельность духовенства в период избирательных кампаний.

Церковь и Дума

Закон о выборах в Государственную думу, исправленный в соответствии с указом 11 декабря 1905 г., предоставил духовенству широкие избирательные права. В выборах могло принять участие

практически все городское духовенство. Сельские священники, имевшие в частной собственности установленный земельный ценз, могли участвовать в уездных съездах землевладельцев. Церковная земля, находившаяся в распоряжении сельских причтов, давала право тем настоятелям церквей, которые не обладали земельным цензом, принимать участие в предварительных съездах мелких землевладельцев, избиравших уполномоченных на уездный съезд¹¹⁹. Предоставляя духовенству широкие избирательные права, правительство, по-видимому, надеялось на его поддержку как во время выборов, так и в самой Думе.

Среди православного духовенства, не имевшего павыков избирательной борьбы, предоставленные права вызвали сначала чувство растерянности. Избирательная борьба требовала перехода от привычной для духовенства сословности к непривычной партийности. И действительно, уже в конце 1905 — начале 1906 г. многие священнослужители поспешили примкнуть к той или другой политической партии. Об участии духовных лиц в «Союзе русского народа» и родственных ему черносотенных организациях говорилось выше. Большую популярность среди духовенства, в основном городского, приобрела также партия октябристов. Ректор Витебской духовной семинарии архимандрит Давид обратился к духовенству с призывом записываться в ряды этой партии¹²⁰. С подобным же призывом на страницах «Новгородских епархиальных ведомостей» выступил священник К. Георгиевский¹²¹. Новгородское духовенство избрало даже своего представителя в состав местного комитета «Союза 17 октября»¹²². К этому же союзу примкнула часть духовенства г. Казани¹²³. (Позднее местный архиепископ Дмитрий запретил духовенству состоять в этой партии¹²⁴. По-видимому, она показалась ему слишком «левой».) В Нижнем Новгороде епископ балахнинский Исидор возглавил местный «Союз белого знамени», близкий к октябристам¹²⁵. «Церковный вестник» с сочувствием писал о Торгово-промышленной партии как об «одной из умеренно прогрессивных партий, единственно жизнеспособных в России»¹²⁶.

Однако начавшийся в духовной среде партийный ажиотаж вызвал у некоторых священников отрицательную реакцию. Расползание духовенства по партиям и группировкам должно было усилить его дезинтеграцию. Партийная дисциплина грозила привести в столкновение с церковной дисциплиной и сословной солидарностью. Кроме того, партийная принадлежность «пастыря»

¹¹⁹ ПСЗ-III, т. 25, № 27029.

¹²⁰ Павлюченко Н. В. К вопросу о реакционной роли православной церкви в Белоруссии в период 1905—1907 гг.— В кн.: Вопросы истории: Межвузовский сборник. Минск, 1975, с. 190.

¹²¹ Церковный вестник, 1906, 5 янв., с. 23.

¹²² Там же, 1906, 19 янв., с. 85.

¹²³ Там же, 1906, 2 марта, с. 268.

¹²⁴ Речь, 1906, 24 февр.

¹²⁵ Там же, 1906, 8 и 11 марта.

¹²⁶ Церковный вестник, 1906, 16 февр., с. 214.

могла поссорить его с прихожанами, сторонниками других партий. Таким путем еще более ослаблялись «объединительные» способности духовенства. Исходя из подобных соображений, автор одной из дискуссионных статей, помещенных в «Церковном вестнике», П. Кудрявцев советовал духовенству вовсе отказаться от участия в выборах и предвыборной борьбе, сосредоточив свою деятельность в рамках прихода. На этом поприще, доказывал автор, священник найдет немало важных и неотложных дел: «печалование за обиженных», «обличение властей неправедных», «усмирение разбушевавшейся толпы»¹²⁷. (Как видим, борьба с массовым революционным движением рассматривалась как «обязанность» духовенства даже в статье автора-обновленца.)

Однако духовенство не желало самоустраниться от выборов, и статья Кудрявцева вызвала энергичные возражения со стороны других авторов. Один из них, А. Дьяков, писал, что в русском обществе немало «сил и элементов», отрицательно относящихся к господствующей православной церкви. Если она будет ограничивать свою деятельность «благотворительностью, нравственным влиянием и т. п., то не может ли случиться слишком скоро того, что теперь происходит во Франции?» — спрашивал автор. (Во Франции в это время происходило отделение церкви от государства.) «Не опасно ли поэтому для церкви полагаться на одно нравственное влияние, и не возможно ли, что законы в ущерб церкви и православию слишком скоро появятся на свет божий?» —ставил новые вопросы автор¹²⁸. Страх перед возможной потерей православной церковью ее господствующего положения и связанных с этим привилегий толкал духовенство к активному участию в выборах. Этот же страх заставлял господствующую церковь деятельно сотрудничать с правительством в ходе избирательной кампании.

Указанные моменты нашли отражение в специальном обращении Синода к духовенству перед выборами в Государственную думу. «Издревле в Российской державе церковь православная крепко хранит союз свой с государством...» — эти слова, выпесенные в начало синодального послания, определяли главное его содержание. И ныне, поучали синодальные архиереи, когда «на Руси заколебался строй жизни... должны мы... отчество наше, великое и цельное, трудами и кровию отцов наших и великих государей российских собранное воедино, сохранить и защитить, царскую власть помазанника божия не дать на поругание врагам...»

После этой преамбулы, определившей общеполитические позиции церкви, послание переходило к конкретным вопросам предвыборной борьбы, и в частности касалось споров об отношении духовенства к политическим партиям. Духовенство, заявляли авторы послания, не должно агитировать за какую-то определенную

¹²⁷ Там же, 1906, 19 янв., с. 68—69.

¹²⁸ Там же, 1906, 2 марта, с. 262—263.

партию, не должно связывать себя ни с каким обществом или союзом. «Все, что идет путем мира, любви и порядка, все, что за веру истинную, все, что за царя православного, за целость отечества нашего,— все это да будет благословенно,— растолковывали позицию церкви синодальные иерархи.— Все же, что против сего, что идет не путем мира и любви, а взыывает к насилию и восстанию, да будет вами отринуто во имя божие». «Путь мира и любви» для Синода означал прекращение классовой и политической борьбы, сохранение социального и политического статус-кво. Проповедь Синодом беспартийности на деле являлась проповедью монархизма.

Синод особо подчеркивал, что пастыри церкви должны предостерегать своих прихожан от излишнего увлечения вопросами о «благе вещественном». Тем самым Синод пытался подорвать позиции демократических партий, в чьих программах социальный вопрос был представлен в наиболее разработанном виде. Однако попытка «задвинуть» его на задний план, предпринятая в годину народной нужды и волнений, была действием не в меру бес tactным и свидетельствовала не только о реакционности, но и о политической неискренности Синода.

Авторы послания призывали также не прельщаться «надеждами на свободу многую в делах мирских». Пока в мире существуют зло и неправда, поучали иерархи, «мирская жизнь должна неизбежно подчиняться закону и действию власти». При этом имелось в виду, что вместе с злом является «мирская жизнь», а «власть», т. е. царское правительство, «удерживает» его в допустимых границах.

Интересам правительства отвечали и призывы бороться против бойкота Думы, проводившегося большинством демократических партий и организаций. Уклоняющиеся от выборов, предостерегал Синод, являются «противниками воли царя». Поэтому духовенство, говорилось в послании, должно не только склонять православных к участию в выборах, но и само принять в них активное участие. При этом в послании подчеркивалось, что «не может человек разделиться сам в себе», не может духовное лицо голосовать «как простой мирянин». Таким образом, Синод ясно давал понять, что он предписывает духовенству не только агитировать, но и голосовать в установленных им рамках¹²⁹.

Синодальное послание ставило своей целью мобилизацию церковных сил перед предстоящими выборами. Выступая в поддержку кандидатов-монархистов, Синод стремился острие церковной пропаганды направить против демократического лагеря.

Эти положения были развиты в других воззваниях и обращениях, вышедших из-под пера официальных церковников. В некоторых из этих обращений предпринималась попытка расколоть крестьянство, отделив от него беднейшие, наиболее демократические слои. Протоиерей Ф. Титов призывал выбирать в Думу

¹²⁹ Церковные ведомости, 1906. № 7. Приложение.

только тех, которые «любят нашу святую православную веру», «почитают царскую власть» и «хорошо живут, умеют вести свое хозяйство и править своим домом». «Они и в Государственной Думе своим уменьем будут помогать царю и его правительству хорошо управлять государством», — поучал протоиерей¹³⁰. Линия на раскол крестьянства, как мы видели, проявлялась в церковной пропаганде еще в 1905 г. В известном смысле она идеологически предшествовала столыпинской аграрной реформе.

В предвыборную кампанию, отбросив всякие сомнения, включились и петербургские обновленцы. В марте 1906 г. была опубликована записка «Союза ревнителей церковного обновления», специально приуроченная к выборам и ставившая некоторые общие вопросы «христианской политики». Авторы записки сожалением отмечали, что «современное движение в русском народе к гражданской свободе и общественному благоустройству и возникло, и развивалось, и продолжает себя преследовать помимо церкви, даже в прямом антагонизме с церковью». Между тем, говорилось в записке, «царство божие», к обретению которого стремятся верующие, должно открываться не только «во внутреннем мире отдельной христианской личности», но и во «внешних формах действительности». Поэтому, заявляли обновленцы, «мы обязаны приветствовать искание правды на земле... мы обязаны поддерживать в народе веру в лучшее и более светлое будущее, требуя от него, оставив всякое насилие, идти путем мира, доброго соглашения, взаимной уступчивости и уважения друг к другу...» Это принципиальное положение записки обновленцев в определенной степени перекликалось с аналогичным тезисом синодального послания. Как и синодальные иерархи, обновленцы призывали к прекращению массовой революционной борьбы. Однако если иерархи имели в виду сохранение статус-кво, то обновленцы предлагали путь «доброго соглашения». В записке делалась даже попытка наметить общие черты такого соглашения.

Манифест 17 октября авторы записки оценивали как «великий шаг в победном шествии царства божия», как «залог свободы», который «вносит в государствоправление начало конституционного строя». Упрочение и проведение в жизнь взвешенных в манифесте свобод авторы записки считали важнейшей задачей текущего момента. (В записке, конечно, умалчивалось о том, что со стороны правительства манифест носил явно недобровольный характер и что авторы манифеста стали нарушать его дух и букву, как только позволила обстановка.) В более широкой перспективе авторы записки требовали «постепенного упразднения насилия, деспотизма, бюрократической опеки», развития «самоуправления и общественного самоопределения, при котором правительство, власть и общество постепенно сливаются друг с другом». Боясь слишком радикальной ломки старой бюрократической машины подавления и угнетения, обновленцы высту-

¹³⁰ Прибавления..., 1906, 25 Февр., с. 369.

пали не за немедленное, а за постепенное упразднение насилия и деспотизма. Темп такой эволюции, очевидно, допускался неопределенно долгим.

Не ограничившись паметками политической программы, авторы записки решили коснуться и социальных проблем, что явилось новым моментом в практике обновленцев. В записке говорилось о бедственном положении рабочего класса, указывалось на то, что он «страдает и от безработицы, и от непосильного труда, и от скучного вознаграждения за свой труд, и от гнета со стороны хозяев в нравственном отношении». Авторы подчеркивали, что защита «неймущих и угнетенных представителей труда» входит в задачи церкви.

Вопрос о положении рабочего класса затрагивался не только обновленческим духовенством, но и традиционным. Последнее пыталось его разрешить при помощи строительства церквей в фабричных районах и насаждения патриархальных отношений между рабочими и предпринимателями. Обновленцы же намеревались стать на почву буржуазного реформизма. «Всякий трудящийся и от своего труда живущий имеет право на достойное человека существование», — говорилось в записке. Это положение в некоторой степени повторяло известный тезис из энциклики «Рерум новарум». В записке также говорилось о праве рабочего на отдых и «на некоторый досуг». В связи с этим указывалось, что «продолжительность рабочего времени должна быть урегулирована безобидно, без принижающих стеснений для представителей труда». Конкретное решение этого вопроса записка оставляла «социальным наукам, законодательству и практике».

Что касается участия духовенства в разрешении социального вопроса, то записка считала недостаточными такие проповедуемые церковью средства, как раздача милостыни или устройство богаделен. «В настоящее время обострения классовой борьбы», писали авторы, церковь может выполнить свою задачу только при помощи «сложной социальной техники — рабочих организаций, кооперативного движения и проч.»

В записке затрагивался и аграрный вопрос. Правда, здесь авторы не предлагали ничего конкретного, ограничившись очень туманным пожеланием о «неотложном восстановлении» «общественной правды в отношении к общим кормильцам и поильцам» и о доставлении им «земельных и культурно-просветительных средств для достойного человеческого существования». Аграрная часть программы петербургских обновленцев была представлена в скомканном и наименее разработанном виде. Авторы записки, городские священники, очевидно, имели довольно смутные представления по аграрному вопросу, более от них далекому и запутанному, чем рабочий вопрос. Кроме того, более подробная разработка аграрных сюжетов необходимо поставила бы вопрос о церковных и монастырских землях.

В своей программной записке «Союз ревнителей церковного обновления» постановил «не связывать себя с определенной по-

литической партией и ее программой настолько, чтобы вступать в ряды ее борцов, подчиненных партийной дисциплине»¹³¹. И все же, несмотря на неразработанность, а порой и нарочитую расплывчатость изложенной в записке программы, можно отметить ее некоторую близость к кадетской программе¹³². Правильнее, может быть, сравнивать ее не с кадетской, а с общей программой либерального лагеря. К весне 1906 г. обновленцы переползли, наконец, ту грань, которая отделяла правый лагерь от либерального. Этому способствовал ряд обстоятельств: отступление революции, сделавшее обновленцев на какое-то время более смелыми, терпимое отношение к ним обер-прокурора Оболенского, предвыборный ажиотаж и вызванное им увлечение либеральной фразеологией, охватившее в те дни даже некоторые консервативные круги.

В целом приведенная записка стала заметным явлением в истории православного обновленчества. Если раньше обновленцы высказывались в своих записках лишь по внутренним вопросам, а из общеполитических касались только вопроса об отношениях церкви и государства, то теперь в главных чертах была представлена общая программа «христианской политики». Либеральная по своему духу, эта программа ставила своей целью отвлечение народа от революционной борьбы, пропаганду буржуазного парламентаризма и постепенных политических и социальных реформ, не выходящих за рамки существующего социально-экономического строя. Таким образом, сохранялось, хотя и в более скрытой форме, враждебное отношение обновленчества к народно-революционному движению.

Записка обновленцев вызвала сдержанную критику со стороны «Церковных ведомостей». Синодальный орган высказал сожаление, что записка, по его мнению, недостаточно четко подчеркнула обязанность пастыря пояснять «трудящимся и обремененным», что «для них может быть только одно орудие борьбы — нравственное воздействие» и что «Евангелие и апостольские послания поощряют только добровольное общение имуществом». «...Нельзя закрывать глаза, — продолжал синодальный орган, — и на действительную агитацию в пользу вооруженного восстания, и необходима самая энергичная борьба с ней»¹³³.

Зато кадетская «Речь», полностью напечатавшая записку, дала ей восторженную оценку. «От всей души желаем самого широкого успеха симпатичному и важному начинанию и надеемся, что в основных вопросах служения родине наши дороги не разойдутся с „Союзом церковного обновления“», — высокопарно заявляла газета¹³⁴.

¹³¹ Церковный вестник, 1906, 16 марта, с. 321—331.

¹³² Подробнее об этой программе см.: Шелохлев В. В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1983, с. 89—139.

¹³³ Прибавления..., 1906, 18 марта, с. 584.

¹³⁴ Речь, 1906, 11 марта.

И в дальнейшем «Речь» продолжала держать обновленческий союз в поле своего зрения, печатая простирающие отчеты об его заседаниях, используя в своих статьях многие документы (постановления, обращения, письма), предоставленные в распоряжение редакции Советом союза¹³⁵. По-видимому, кадетские политики надеялись сплотить вокруг своей партии обновленческое духовенство и с его помощью усилить свое влияние на народ, тем более что недостаточность этого влияния была очевидной¹³⁶. И не случайно профессор Н. И. Кареев, член кадетской партии, советовал обновленцам вести пропаганду своих идей «в самых широких кругах общества, в народных массах в особенности, ибо ими великие моральные истины могут восприниматься лишь в форме истин религиозных»¹³⁷.

Несмотря на определенное сближение с кадетами, петербургские обновленцы воздержались от заключения с ними формального союза в предвыборной кампании. Церковные либералы примкнули к «внепартийному выборному движению», в состав которого, как писал «Церковный вестник», вошло «немало почтенных и, главное, более или менее популярных лиц». Программа движения, без тени сомнения заявлял академический журнал, выражает «настоятельнейшие нужды России». В эту программу вошел и пункт о «поднятии значения церкви», что, по мнению составителей, обеспечивалось освобождением ее «от всякой правительственной опеки» и выдачей православному духовенству «достаточного содержания из средств государства»¹³⁸. Таким образом, обновленческое духовенство намеревалось, освободившись от государственной опеки, еще глубже запустить руку в государственную казну. В целом же «внепартийное движение», по-видимому, являлось небольшой группировкой беспартийных либералов прежде кадет.

В статье Н. Ф. Платонова проводится мысль, что священники «не проявили особенного интереса к виттеvской Думе», «бездействовали во время выборной кампании» и большинство их даже не явились на выборы¹³⁹. Подобное впечатление сложилось у некоторых церковных публицистов после того, как провал духовенства в выборной кампании стал очевиден. В действительности православное духовенство участвовало в первых выборах хотя и не так энергично, как в последующих, но все же достаточно активно, и первые итоги этих выборов были для него вовсе не обескураживающими.

Неявка духовенства на выборы, очевидно, имела место, но не больше, а меньше по сравнению с другими категориями избирателей. Помимо рабочих, которые в своем большинстве сознатель-

¹³⁵ Там же, 1906, 24, 27 марта.

¹³⁶ Шелохаев В. В. Провал деятельности кадетов в массах (1906—1907 гг.) — Исторические записки, М., 1975, т. 95, с. 164—165.

¹³⁷ Речь, 1906, 14 марта.

¹³⁸ Церковный вестник, 1906, 23 марта, с. 377.

¹³⁹ Ежегодник МИРА, т. 4, с. 157, 158.

но бойкотировали Думу, особенно большая неявка была у мелких землевладельцев, имевших право участвовать в предварительных съездах. Это приводило к тому, что на съезды нередко являлись одни священники и избирали уполномоченных из своей среды. Так произошло, например, в Подольском уезде Московской губернии, где из 350 мелких землевладельцев на съезд явилось всего 14, из них 11 священников; в уполномоченные были избраны два священника. В Звенигородском уезде той же губернии из 238 мелких землевладельцев, занесенных в списки, в выборах участвовали 82, в том числе 56 священников. После молебна один из них обратился к собравшимся с краткой речью, прося выбирать «только истинных слуг нашего самодержавного государя». Избраны были исключительно священники, а остальные кандидаты забаллотированы. В их числе оказался видный деятель кадетской партии В. А. Маклаков. На одном из предварительных съездов в Московском уезде было предложено объединиться всем, «кто против забастовок и за поддержание начинаний правительства». На этой почве объединилось 80 избирателей, которые избрали пятерых священников, четырех врачей, одного псаломщика и нескольких крестьян и мелких владельцев. Духовенство Московской епархии, следуя предписанию своего митрополита, проявило на выборах особую активность. По-видимому, большинство избранных в уполномоченные священников принадлежало к традиционному, правому духовенству.

Вести об избирательной активности духовенства приходили и из других мест. В Новой Ладоге (Петербургский уезд) съездом мелких землевладельцев были избраны 8 священников, один камергер, один почётный гражданин и 3 крестьянина. В первом участке Тамбовского уезда большинство избранных уполномоченных также составили священники. Всего же к середине марта на съездах мелких землевладельцев было избрано более 200 уполномоченных-священников¹⁴⁰.

Эти успехи духовенства казались столь убедительными, что будущая Дума многим представлялась составленной чуть ли не из одних священников. По воспоминаниям товарища министра внутренних дел В. И. Гурко, когда стали известны первые итоги выборов (от сельских обществ и предварительных съездов землевладельцев), Витте, вздохнув с облегчением, сказал, что «Дума будет преимущественно крестьянской». «И клерикальной», — добавил присутствовавший при разговоре Оболенский¹⁴¹. «Церковные ведомости» в те дни писали о «крупном успехе духовенства на выборах» и «проявленном к нему доверию со стороны населения»¹⁴². «В повременной печати много гадали о том, какая у нас

¹⁴⁰ Речь, 1906, 5, 6 марта; Церковный вестник, 1906, 9 марта, с. 310—311; 23 марта, с. 362.

¹⁴¹ Kochan L. Russia in Revolution. London, 1966, p. 109.

¹⁴² Прибавления..., 1906, 18 марта, с. 586.

будет Дума: мужицкая или интеллигентская? Но и правительство, и все политические партии забыли о духовенстве», — с торжеством заявлял «Церковный вестник»¹⁴³.

Однако надежды на клерикальную Думу можно было оставить при более внимательном анализе даже первых итогов выборов. Духовенство на предварительных съездах добивалось успеха явно не авторитетом, а числом. Среди довольно пестрой публики этих съездов конкуренцию духовенству мог оказать только крестьянский элемент. И там, где крестьяне действовали более активно и сплоченно, духовенство терпело поражение. В Свияжском уезде Казанской губернии в уполномоченные были избраны врач, 4 торговца, 17 крестьян, а все священники оказались забаллотированными¹⁴⁴. То же произошло в Бобровском уезде Воронежской губернии и Суджанском уезде Курской губернии¹⁴⁵.

Городское духовенство действовало не менее активно, чем сельское, но оно имело лишь частные успехи. Так, духовенство много содействовало победе октяристов на выборах в Твери. Местное епархиальное начальство даже отпечатало и разославало по приходам список октяристских кандидатов¹⁴⁶.

Сокрушительное поражение потерпело духовенство на выборах в обеих столицах. «Внепартийное выборное движение», к которому примкнули обновленцы, оказалось на петербургских выборах слишком незаметной величиной. Правые партии, к которым присоединилась значительная часть столичного духовенства, также потерпели поражение. Протоиерей М. И. Горчаков, баллотировавшийся от блока монархических партий в Адмиралтейской части, собрал 123 голоса и не был избран в выборщики. (Позднее, как нам известно, он прошел в Государственный совет.) В Казанской части епископ Антонин получил один голос, столько же было подано за Иоанна Кронштадтского в Нарвской части. Их «обошел» К. П. Победоносцев, получивший в Литейной части 2 голоса¹⁴⁷. Среди 160 выборщиков, избранных в Москве, оказался всего один священник, примыкавший, по-видимому, к кадетской партии¹⁴⁸.

Вскоре постигло разочарование и сельских священников: их уполномоченные, избранные на предварительных съездах, растворились в уездных съездах и в большинстве случаев не смогли пробиться в губернские выборщики. Духовенство не пользовалось авторитетом не только среди крестьян и городских избирателей, но и среди цензовых элементов, составлявших уездные съезды.

В I Думу было избрано 6 священников. П. Ф. Воздвиженский (Тамбовская губерния) был известен как «консерватор». А. В. Концевич (Волынская губерния) на выборах шел как октярист. В. И. Гума (Бессарабская губерния), по-видимому, при-

¹⁴³ Церковный вестник, 1906, 23 марта, с. 309.

¹⁴⁴ Там же, 1906, 9 марта, с. 309.

¹⁴⁵ Речь, 1906, 17 марта.

¹⁴⁶ Там же, 1906, 12 марта.

¹⁴⁷ Там же, 1906, 22 марта.

¹⁴⁸ Выборы по г. Москве в Государственную Думу первого призыва. М., 1908, с. 63.

мыкал к правым партиям. К. И. Афанасьев (Область Войска Донского), Н. Огнев (Вятская губерния) и А. В. Поярков (Воронежская губерния) примыкали к кадетам¹⁴⁹. Незадолго до распуска Думы численность думского духовенства сократилась. Рассматривая выборное производство по Тамбовской губернии, Дума обнаружила явные и значительные нарушения, допущенные губернским предводителем дворянства и генерал-губернатором. Результаты выборов были отменены, и тамбовские депутаты, в том числе Воздвиженский, покинули Думу¹⁵⁰.

Состав и направление деятельности I Думы вызвали разочарование в среде светской и духовной бюрократии. Однако поскольку Дума входила в состав высших государственных органов, «Церковные ведомости» воздерживались от критики в ее адрес. Для антидумских выпадов реакционное духовенство использовало любезно предоставленные ему страницы других периодических изданий, в частности «Церковного вестника». Протоиерей Е. Аквилопов, знакомый уже нам сторонник смертной казни, приходил в негодование от «крайне повышенного, иногда прямо дерзкого тона речей» некоторых депутатов. Возмущало его и обилие «малопонятной» и «непонятной» «иностраницы» в думских стенограммах. Под видом борьбы за чистоту языка протоиерей предлагал искоренить такие слова, как «социал-революция», «социал-демократ», «агарный проект», «пролетариат», «национализация», «секуляризация», «федеративный», «буржуазно-капиталистический», «бюрократ», «provokatorство» и др. Не нравились автору и такие неологизмы, как «большевики» и «меньшевики», «сознательные рабочие» и «самоопределяющиеся народности». Протоиерей предлагал депутатам взять за образец для своих речей царское приветствие I Думе, в котором не было ни одного из приведенных слов и выражений¹⁵¹.

Нападки на Думу, в еще более откровенной и грубой форме, делались и с церковной кафедры. Газеты сообщали, что один из священников Таврической епархии заявил, что думские депутаты «стали посмешищем от моря до моря». «Да и как не стать посмешищем,— витийствовал черносотенный перей.— Они говорят: царя не надо, т. е. самодержавного царя, собственности не надо, землю надо отобрать у помещиков и у трудолюбивых крестьян и разделить между всеми. Говорят, что так будет легче жить. Нет, не будет»¹⁵².

Несколько иную позицию по отношению к I Думе занимало обновленческое духовенство, продолжавшее сближаться с кадетами. Не рассчитывая добиться церковных реформ своими силами,

¹⁴⁹ Первая Государственная Дума: Алфавитный список и подробные характеристики членов Государственной Думы. М., 1906, с. 56, 59, 113, 114, 142, 150.

¹⁵⁰ Государственная Дума. Созыв 1: Стенографические отчеты. СПб., 1906, т. 2, с. 1522.

¹⁵¹ Церковный вестник, 1906, 18 мая, с. 642—643.

¹⁵² Там же, 1906, 13 июля, с. 912.

разочаровавшись в обер-прокурорском «обновлении», церковные либералы попытались сделать ставку на кадетскую партию. Это представлялось тем более заманчивым, что кадеты, образовавшие самую многочисленную фракцию I Думы, казалось, вступили в заключительный этап борьбы за власть и имеют много шансов на успех. Желая оказать поддержку кадетам, «Церковный вестник» высказался сначала за «ответственное министерство»¹⁵³, а затем за «парламентский кабинет». При этом академический орган считал возможным создание министерства, состоящего только из одних кадетов. Левее их, по его мнению, не имелось достойных кандидатов на министерские посты. Думский президиум, напоминал «Церковный вестник», составлен из одних кадет, «между прочим, и по уполномочию от трудовой группы». «То же естественно случится и при составлении кабинета из большинства Думы», — предсказывал журнал¹⁵⁴.

«Церковный вестник» настойчиво защищал кадет от критики справа и слева¹⁵⁵. Особое недовольство обновленцев вызвало предложение думской социал-демократической фракции о том, чтобы оставить бесполезные в данной ситуации попытки издавать законы и встать на путь «деклараций», т. е. обращений к народу с изложением своих требований. Возражая социал-демократам, «Церковный вестник» писал, что «власть, как бы отрицательно к ней ни относились, во всяком случае обязана будет счищаться с выработанными в Думе законами, как с чем-то реальным»¹⁵⁶. Выше мы видели, насколько посчитались власти с выработанным Думой законом об отмене смертной казни. В данном же случае важно отметить, что сомкнувшиеся с кадетами церковные либералы не остались в стороне от их попыток насаждения среди народа парламентских иллюзий и отвлечения его от революционной борьбы. Тем более, что обновленцы не изменили своего враждебного отношения к массовому революционному движению, в частности к крестьянским выступлениям, называя их «погромами» и «земельными преступлениями» и призывая сельское духовенство более энергично вступать с ними в борьбу¹⁵⁷.

Единственное существовавшее в то время расхождение между кадетами и обновленцами касалось судей церковного и монастырского землевладения. Петербургские обновленцы выступали против передачи крестьянам церковных земель даже за выкуп, считая что «вознаграждение за отчуждение земли по принятой норме далеко не возместит убытков». Не желая ограничиться доводами чисто финансового свойства, «Церковный вестник» рассуждал также о том, что занятие земледелием «роднит» сельское духовенство с крестьянством, «заставляет жить общими с ними радостями и горем», что православные священники, в отличие от протестант-

¹⁵³ Там же, 1906, 15 июня, с. 783.

¹⁵⁴ Там же, 1906, 6 июля, с. 875.

¹⁵⁵ Там же, 1906, 22 июня, с. 814—815.

¹⁵⁶ Там же, 1906, 29 июня, с. 849.

¹⁵⁷ Там же, 1906, 13 июля, с. 927.

ских пасторов, редко сдают землю в аренду, предпочитая вести собственное хозяйство, «нередко употребляя и свой личный труд». Академический орган при этом умалчивал, что гораздо чаще сельские священники пользовались трудом батраков из числа своих прихожан. Что касается монастырского землевладения, то «Церковный вестник» соглашался на отчуждение с выкупом лишь той его части, которая сдавалась в аренду, резонно рассуждая, «не все ли равно для монастыря, как получать ему выгоды из этого рода имущества, в виде ли арендной платы, земельной ренты или ренты из процентных бумаг»¹⁵⁸. Таким образом, церковные либералы, выдвинувшие программу «обновления» церкви, вместе с тем хотели сохранить все богатства, накопленные старой церковью.

В конце июня — начале июля 1906 г. конфликт между Думой и правительством достиг критической стадии, и события начали развиваться ускоренными темпами. 20 июня было опубликовано правительственные сообщение по аграрному вопросу, резко отвергавшее идею принудительного отчуждения земли в какой бы то ни было форме. В ответ на это трудовики предложили выступить от имени Думы с обращением к народу¹⁵⁹. «Церковный вестник» советовал «очень и очень подумать», прежде чем выпускать такое обращение¹⁶⁰. Подумав, кадеты решили «сохранить лицо». 6 июля Дума приняла обращение, в котором, отнюдь не становясь на правительственную точку зрения, вместе с тем призвала народ «спокойно и мирно ожидать окончания работ» по подготовке думского земельного закона¹⁶¹.

Еще 6 июля «Церковный вестник» гадал о том, из кого составится думское министерство, а 9 июля Дума была распущена. В синодальном определении от 12 июля 1906 г. содержалось постановление размножить манифест о роспуске Думы в виде особого приложения к «Церковным ведомостям» в 50 экземплярах к каждому номеру «для раздачи народу». (Тираж «Церковных ведомостей» колебался в пределах 42—46 тыс. экземпляров, следовательно, манифест был размножен в количестве свыше 2 млн. экземпляров). Кроме того, Синод предписывал прочесть манифест во всех церквях империи в ближайший воскресный или праздничный день, по окончании литургии. В некоторых местах, согласно телеграфному предписанию обер-прокурора, манифест был прочитан еще до принятия определения, по-видимому, в день роспуска¹⁶². Своим определением от 12 июля Синод одобрил разгон неугодной правительству Думы.

Для петербургских обновленцев, по их собственному признанию, роспуск Думы явился «совершенно неожиданным»¹⁶³. В передовой статье «Церковный вестник» давал высокую оценку

¹⁵⁸ Там же, 1906, 1 июня, с. 701—703.

¹⁵⁹ Революция 1905—1907 годов в России, с. 326—327.

¹⁶⁰ Церковный вестник, 1906, 6 июля, с. 894.

¹⁶¹ Революция 1905—1907 годов в России, с. 327.

¹⁶² Церковные ведомости, 1906, 15 июля, с. 361.

¹⁶³ Церковный вестник, 1906, 13 июля, с. 903.

распущенной Думе, которая, по его словам, «хотела мирного возрождения родины и шла к этой цели установленным путем чистого парламентаризма». В том же номере печаталась пространная выдержка из статьи, помещенной в газете «Речь». Оценки, данные распущенной Думе «Церковным вестником» и кадетским органом, во многом совпадали¹⁶⁴.

Однако неофициальный орган обновленцев вновь не сумел предугадать дальнейший ход событий, поторопившись подвести под ними черту. Между тем довольно значительная группа думских депутатов, собравшаяся в Выборге, выпустила воззвание, в котором призывала население не платить налогов и не давать новобранцев вплоть до нового созыва Думы. В числе подписавших Выборгское воззвание оказались священники Афанасьев и Огнев¹⁶⁵.

Несмотря на это обстоятельство, а также на то, что воззвание, кадетское по духу, было подписано большинством кадетской фракции, «Церковный вестник» отнесся к нему резко отрицательно. Назвав принятие этого документа «неконституционным актом», церковные «либералы» призвали духовенство принять меры, чтобы он не был представлен народу в «неправильном» освещении. Одобрение обновленцев вызвало «контрвоздвание», выпущенное небольшой группой депутатов-«мирнообновленцев», в котором говорилось, что «было бы преступно среди переживаемых Россиею опасностей и смут колебать государеву власть»¹⁶⁶. С этого момента начался постепенный отход обновленцев от кадетской партии. Основная причина, как представляется, заключалась в том, что в ходе всех этих событий обнаружилось, насколько бессильна Дума и насколько невелики шансы кадетов на то, чтобы прорваться к власти. А именно этим кадеты больше всего и интересовали обновленцев. Последние еще раз показали, что они не «беспочвенные мечтатели», а «реальные» политики и что «новое» православие, как и старое, ищет опору прежде всего не в самом себе, а вне себя.

По-своему откликнулся на Выборгское воззвание и Синод. Согласно его указу от 16 августа 1906 г., священник Афанасьев, подписавший воззвание, был запрещен в священнослужении, лишен прихода и предан духовному суду. Решением донского епархиального начальства он был лишен сана. В начале 1907 г. Синод утвердил это решение, несмотря на ходатайство прихожан возвратить им их бывшего священника¹⁶⁷. Такая же судьба постигла и Огнева.

По свежим следам событий и в преддверии новых выборов синодальный орган попытался дать «теоретическое» разрешение

¹⁶⁴ Там же, 1906, 20 июля, с. 934, 943.

¹⁶⁵ Революция 1905—1907 гг. в России. Второй период революции, 1906—1907 гг.: Документы и материалы. М., 1961, ч. 2, кн. 1. с. 33—34.

¹⁶⁶ Церковный вестник, 1906, 20 июля, с. 958—959.

¹⁶⁷ ЦГАОР СССР, ф. 102, ОО, 1906, оп. 236, д. 798, л. 6—6 об.; ЦГИА, ф. 797, оп. 76, III отд., 5-й стол., д. 23, л. 28—28 об.

вопроса об отношениях между правительством и Думой. В августе на эту тему была опубликована статья профессора А. Катанского, уже знакомого нам синодального «теоретика». Новая статья Катанского имела самую непосредственную связь с разобранной выше. В той статье, как мы помним, речь шла о высшей божественной власти, которая, позволяя действовать отдельной человеческой воле, вместе с тем направляет жизнь человечества к достижению одной ей известных «высших целей». Такое же предназначение автор отводил и самодержавной власти, которую рассматривал как отражение божественной власти на земле. И в поевой статье Катанского «верховная власть» (или «верховная монаршая воля») выступала «в роли высшей силы, направляющей народную волю к конечному благу». С этой точки зрения разгон непокорной Думы рассматривался «как прием здравой педагогики или как известное действие божественной благодати на человека». Не отдавая себе отчета в том, что последнее сравнение верующему человеку может показаться даже кощунственным, автор доказывал, что «народная воля» во взаимодействии с «высшей» занимает принципиально иное положение. Она является «фактором, принимающим на себя воздействие высшей власти, но в свою очередь влияющим в значительной степени и на само высшее правительство чрез почтительные возражения, чрез заявления о народных нуждах, не предусмотренных правительством, но близко известных народным представителям»¹⁶⁸.

Таким образом, официальные церковники в полном согласии с правительством стремились к тому, чтобы свести роль Думы к «почтительным» возражениям и представлениям. Достичь этого считалось возможным путем изменения состава Думы. Поэтому Синод, не ограничиваясь «теоретической» постановкой вопроса в своем органе, вскоре включился в новую избирательную кампанию.

В сентябре 1906 г. было издано циркулярное письмо митрополита Антония епархиальным епископам. Выдержки из этого письма о борьбе церкви с массовым революционным движением приводились выше. В полном соответствии с задачами этой борьбы в письме говорилось о необходимости для духовенства принять активное участие в избирательной кампании, чтобы отстоять «вечевые устои жизни русского народа»¹⁶⁹.

Епархиальные архиереи, включившиеся в избирательную кампанию в конце осени — начале зимы 1906 г., действовали на этот раз более энергично, чем на выборах в I Думу. «Уже приближается грозный час вторых выборов! — писал в обращении к духовенству орловской епархии епископ Серафим.— Призываю вас, братья-пастыри, к предстоящей вам деятельности в сознании вашего святого долга и дарованного свыше вам права и необходимости подвига, которого ждут от вас помазаннык божий, царь

¹⁶⁸ Прибавления..., 1906, 5 авг., с. 2373—2381.

¹⁶⁹ Церковные ведомости, 1906, 9 сент., с. 398.

православный, и возлюбленная вами родина с ее святой церковью». И далее в обращении разъяснялось, что пастырский «подвиг» состоит в том, чтобы «во всеуслышание обличить врагов церкви, русского царя и отечества». (В этом обращении, как и в других писаниях казённых церковников, отчество демагогически отождествлялось с царской монархией и официальной религией.)

Не ограничиваясь общими призывами, епископ Серафим намечал и план избирательной кампании. Прежде всего он хотел добиться полного единства духовенства на выборах, чтобы действия его были «однообразны, единодушны и единомысленны». С этой целью епископ советовал приходским священникам несколько раз собраться по благочиниям для обсуждения линии своего поведения на предстоящих выборах. При этом архиерей особо предостерегал от увлечений «извращающими учениями либеральных авторов».

Сплотившись «в одно духовное воинство», «пастыри» должны были развернуть энергичную работу среди избирателей. «Внушайте пасомым преданность святой вере,— поучал епископ,— верность помазаннику божию — царю, самоотверженную любовь к отечеству и здравые, истинно христианские понятия о собственности, о свободе, о труде и власти». Епископ советовал использовать для бесед с народом и церковь, и школу, и посещения прихожан на дому. Кроме того, духовенство должно было использовать в тех же целях приходские советы и действовать через их членов. За день до поездки на выборы, говорилось в обращении, следует отслужить торжественную литургию и произнести проповедь, призвав «пастырю к единодушной молитве за царя и спасение родины».

Наконец, в обращении определялся и образ действий духовенства непосредственно на выборах. Духовенство, предупреждал «владыка», не должно присоединяться ни к какой партии, ибо это означает «смиренно стать сзади» вожаков этой партии и агитировать в их пользу. Место же «пастырю,— поучал епископ,— не среди и не сзади, а впереди и во главе народа». Прибывшие на место священники, говорилось в обращении, должны стать впереди собравшихся и «призывать к себе, как к знаменщикам христианского воинства... всех верующих в бога, преданных святой церкви, чтущих царя и любящих родину»¹⁷⁰. Таким образом, орловский архиерейставил перед духовенством задачу объединить и возглавить на выборах всех верующих и с их помощью добиться избрания клерикально-монархических депутатов. Выше мы отмечали, насколько нереальны были попытки добиться объединения верующих на основе старой социально-экономической и политической доктрины церкви.

Не обновив своего учения, официальная церковь пыталась достичь своих целей путем более интенсивной идеологической обработки народа. Вслед за Серафимом орловским с предвыборным

¹⁷⁰ Прибавления..., 1906, 2 дек., с. 3043—3047.

возвзванием выступил архиепископ Николай, потерявший собственную епархию, но как член Синода обращавшийся ко всему православному российскому духовенству с призывом «совершить это дело (т. е. выборы) к утешению нашего возлюбленного монарха»¹⁷¹.

Антоний волынский строго паказал духовенству своей епархии «во всех тех селах, где будут предварительные или окончательные выборы или же предвыборные собрания, совершать в те дни служение молебнов (лучше даже с литургией), на которые заблаговременно приглашать всех, и на молебне говорить поучение о великом долге пред родиной и верой, который лежит на избирателях и избираемых». Пытаясь скрыть свое черносотенство под маской религиозности и патриотизма, волынский архиепископ советовал духовенству преподнести каждому губернскому выборщику образок или крестик (приобретенный на средства, собранные с прихожан). «Эти крестики,— инструктировал Антоний,— надеть надо на них священнику в церкви и напутствовать благословением молитвы и кроплением святой воды, как воинов, идущих отстаивать родину и народ христианский». Отправляющимся в город «воинам» следовало также внушить, чтобы в случае какого-либо сомнения они искали «у местных батюшек науления и вразумления». В городе духовенство также было обязано на весь период выборов совершать ежедневные службы, затворяя церкви лишь на ночь. Лучшие проповедники города и епархии должны были приложить силы, чтобы поднять «дух» прибывших в город выборщиков¹⁷². Предполагалось, что духовенство с самого начала и до конца возьмет выборы под свой неослабный контроль, жестко ограничивая волю избирателей, не допуская с их стороны ни одного самопроизвольного действия.

Никон вологодский в обращении к своей «пастве» доказывал, что «даже не право, а, скорее, обязанность, долг наш пред царем и пред родною землей — послать царю самых лучших, каких только он и желает себе, избраников от народа». В этом обращении также ясно обнаруживалось стремление при помощи проповедей и кропления «святой водой» максимально ограничить свободу избирателей. Переписав целые абзацы из послания Антония волынского, черносотенский эпигон столь же тщетно пытался замаскировать свою защиту отживших порядков демагогическими рассуждениями о «родных заветных старых преданиях»¹⁷³.

21 ноября 1906 г. обер-прокурор внес в Синод свое «предложение» по поводу предстоящих выборов. В свою очередь члены Синода архиепископы Николай и Антоний высказали «соображения», которые и легли в основу циркулярного указа Синода от 12 декабря 1906 г., ставившего своей целью скоординировать действия местных епархиальных властей по подготовке к выбо-

¹⁷¹ Там же, 1906, 9 дек., с. 3080.

¹⁷² Там же, с. 3080—3081.

¹⁷³ Там же, 1907, 6 янв., с. 17—18.

рам. Прежде всего, Синод требовал, чтобы все священники, обладающие избирательным правом по церковно-имущественному цепицу, «непременно явились» на выборы. Далее Синод предписывал приложить все усилия к тому, «чтобы в выборщики, а затем и в члены Думы вошло возможно большее число духовных лиц, пользующихся доверием своих собратий, а не доверием врагов религии». Как следует из этой формулировки, Синод стремился провести в Думу как можно больше лиц духовного звания, по в то же время не желал видеть в ней левых и либеральных священников. (Все оппозиционные элементы, левые и даже либеральные, в писаниях официальных церковников имевались «врагами религии».)

Кроме активного участия в выборах, духовенство, согласно указу, должно было развернуть энергичную избирательную кампанию. Все выборные собрания следовало предварять молебствиями, на которых духовенство должно было выступать с призывами избирать людей «благоразумных и верных» и не избирать «врагов святой веры и престола». Указ предписывал перед выборами в члены Думы совершить молебен в кафедральном соборе, где с проповедью должен был выступить либо сам архиерей, либо лучший проповедник в епархии. Особо рекомендовалось благословлять выборщиков, а затем и членов Думы нательными крестиками или евангелиями и завещать им крепко стоять «за веру и за царя»¹⁷⁴. Оставаясь па почве беспартийного монархизма, Синод стремился к тому, чтобы наполнить Думу правыми депутатами и послушным ему духовенством.

Указ 12 декабря был составлен па основании синодального определения от 29 ноября — 9 декабря. Заключительный пункт этого определения не был включен в указ и остался неопубликованным. Согласно этому пункту, обер-прокурор должен был «войти в спошление с кем следует» и достигнуть соглашения о том, чтобы выборы не назначались па праздничные, предпраздничные и послепраздничные дни. Иначе духовенство, занятое в эти дни в церкви, не смогло бы явиться на выборы¹⁷⁵. Исполняя синодальное поручение, обер-прокурор П. П. Извольский вошел с соответствующим представлением «к кому следует» (к председателю Совета министров П. А. Столыпину)¹⁷⁶.

В ходе избирательной кампании светские и духовные власти поддерживали тесное «деловое» сотрудничество. Так, казанский архипископ, ссылаясь на указ Синода, обратился к местному губернатору с ходатайством, чтобы «все выборные собрания предварялись молебствиями, на коих духовенством делались бы соответственные целям выборов разъяснения». В особом циркуляре губернатор, основываясь на ходатайстве архиерея, предписал городским головам как председателям съездов городских

¹⁷⁴ Церковные ведомости, 1906, 16 дек., с. 530—531.

¹⁷⁵ ЦГИА, ф. 797, оп. 75, I отд., 1-й стол, д. 115, л. 116—117.

¹⁷⁶ Там же, л. 121.

избирателей приглашать на эти съезды духовенство для совершения молебствия¹⁷⁷.

Епископ Евлогий представил в правительство очередную записку, в которой настаивал на выделении одного места в Думе православному населению Холмской епархии. Аналогичную записку в отношении Варшавской епархии представил архиепископ Никанор. Оба ходатайства были удовлетворены¹⁷⁸.

Два последних случая показывают, что духовенство, стремясь добиться успеха на выборах, передко пыталось разобщить избирателей по национально-религиозному признаку. Особенно часто этот прием употреблялся в местностях со смешанным в национальном отношении населением. Деление по национально-религиозному принципу должно было по замыслу церковников затушевывать деление по социальному и политическому признакам, превратить основную массу избирателей в послушное орудие духовных властей. «Минские епархиальные ведомости» призывают «всеми силами разъяснять народу всю несостоятельность того мнения, что нежелательными для крестьянства кандидатами являются паны да попы». Иначе, предупреждал епархиальный орган, произойдет разобщение «русской партии»¹⁷⁹. «Киевские епархиальные ведомости» также настаивали на необходимости «тесно сплотиться... всем элементам русского народа... под общим для всех знаменем русской государственности»¹⁸⁰.

Выступая на выборах под самодержавно-монархическими знаменами, духовенство в ряде мест оказывало открытую поддержку «Союзу русского народа» и другим черносотенным организациям. Гермоген саратовский сообщал обер-прокурору, что он запретил использование для предвыборных собраний всех помещений, принадлежащих церкви. Исключение сделано лишь для «Союза русского народа». Священники и все члены клира должны были присутствовать на его предвыборных собраниях, открывать их молебствиями и вместе с членами «Союза» совершать крестные ходы с «чтимыми святынями»¹⁸¹.

«Почаевские известия», опасавшиеся, что вторые выборы станут повторением первых, еще осенью 1906 г. заговорили о необходимости изменить избирательный закон¹⁸². Тем самым черносотенные церковники, вместе со светскими черносотенцами подстрекали правительство на государственный переворот, который оно совершило позднее, 3 июня 1907 г.

Если черносотенное духовенство и официальные церковники действовали в период второй избирательной кампании более активно, то обновленцы стушевались. Между тем либеральные

¹⁷⁷ Прибавления..., 1907, 27 янв., с. 171.

¹⁷⁸ Евлогий, митрополит. Указ. соч., с. 168—169; ЦГИЛ, ф. 797, оп. 76, II отд., 3-й стол, д. 561, л. 1—2.

¹⁷⁹ Прибавления..., 1906, 16 дек., с. 3123.

¹⁸⁰ Там же, 1907, 6 янв., с. 19.

¹⁸¹ ЦГИА, ф. 797, оп. 76, III отд., 5-й стол, д. 23, с. 112—113.

¹⁸² Почаевские известия, 1906, 1 сент.

партии, по-видимому, весьма рассчитывали на их поддержку. В конце декабря 1906 г. закончила свою работу особая комиссия кадетской партии во главе с князем П. Д. Долгоруковым. Кроме него в комиссию входили профессора В. О. Ключевский, С. Н. Булгаков, С. А. Котляревский, П. И. Новгородцев, а также несколько священников. Выработанная комиссией программа по церковному вопросу была близка к пожеланиям обновленческого крыла Предсоборного присутствия (см. следующий раздел) и включала признание за церковью «права свободного самоустройства», реформу прихода, устранение кастовой замкнутости духовенства, освобождение церкви от всякого рода полицейских обязанностей с сохранением в государственном бюджете ассигнований на нужды церкви «вплоть до более точного определения общих отношений между церковью и государством». Отодвинув в неопределенное будущее пугавший всех церковников вопрос об отделении церкви от государства, комиссия признала также необходимым пересмотреть решение партии об отчуждении церковных земель «ввиду того, что размеры этих земель в большинстве случаев не превышают той нормы, в пределах которой земельные участки признаются неподлежащими отчуждению». Выработанные предложения должны были поступить на обсуждение Центрального комитета кадетской партии, а затем — партийного съезда.

«При всей удобоприемлемости церковной программы, предлагаемой партией народной свободы,— писал „Церковный вестник“,— принять ее является затруднительным для духовенства потому, что эта партия, прежде главенствовавшая в Думе, теперь, как известно, не считается в числе легальных». Поэтому «Церковный вестник» настоятельно рекомендовал другим либеральным партиям, более «умеренным» и легальным, воспользоваться плодами работы кадетской комиссии¹⁸³. Кадетские предложения, таким образом, оказались неприемлемы для обновленцев не по своему существу, а именно потому, что они исходили от кадетов. Последним так и не удалось заручиться поддержкой обновленческого духовенства, за исключением отдельных священников, примикиавших к кадетской партии.

На выборах во II Думу основная масса духовенства, в полном соответствии с полученными инструкциями, активно агитировала в пользу правых партий, стараясь вместе с тем провести как можно больше своих кандидатов. В Киевской губернии священники грозили избирателям небесными карами, если будут избраны «крамольники». В Витебской губернии духовное начальство, желая помочь приходскому духовенству, разослало по деревням и mestечкам специального пропагандиста, епархиального наблюдателя церковноприходских школ священника Н. Серебренникова. Как бы случайно оказываясь на выборах, он устраивал молебны

¹⁸³ Церковный вестник, 1907, 18 янв., с. 65—66, 69, 76—78.

и выступал с речами, убеждая выбирать людей, верных царю и православию¹⁸⁴.

На съездах мелких землевладельцев, как и на предыдущих выборах или даже в большей степени, наблюдался наплыв духовенства. Одно из благочиннических собраний Проскуровского уезда Подольской губернии постановило даже штрафовать по 25 руб. каждого священника, не явившегося на выборы¹⁸⁵. В ряде мест съезды мелких собственников превращались в собрания духовенства. В г. Кадниково Вологодской губернии из 47 участников съезда 44 принадлежали к духовенству, в Ливенском уезде Орловской губернии — 18 из 20. Численный перевес оказался на стороне духовенства и на съезде в Яренске Вологодской губернии (14 из 26 участников съезда). В четырех уездах Подольской губернии из 134 уполномоченных, избранных на предварительных съездах, 124 были священниками. В Волынской губернии из 600 уполномоченных 210 принадлежало к православному духовенству. Всего же, согласно газетным подсчетам, из 2637 уполномоченных предварительных съездов 1490 (56%) оказались православными священниками и католическими ксендзами¹⁸⁶.

Кадетский публицист А. Смирнов, составивший подробный обзор избирательной кампании во II Думу, пришел к довольно неожиданному выводу относительно позиции православного духовенства на выборах. По его мнению, эта позиция была двойственной: следуя указаниям своего начальства, священники произносили угодные ему проповеди и служили молебны, когда же дело доходило до выборов, то чаще всего избирали «прогрессивных» кандидатов¹⁸⁷. И действительно, случаи избрания либеральных и даже левых священников были не столь уж редки. По неполным газетным подсчетам, из 1370 уполномоченных, избранных на 21 января 1907 г., 199 были кадетами, 354 «прогрессистами» и 55 левыми. Правых было 428 человек (31%), октябристов 124 человека (9%), «умеренных» — 110 человек, остальные считались беспартийными¹⁸⁸. Как мы помним, около половины уполномоченных были священниками. Совершенно очевидно, что не все они были правыми, которых было меньше половины. Правильно подметив этот факт, Смирнов пичем не смог доказать свой вывод о том, что левые и либеральные священники проходили при помощи голосов своего собственного сословия.

Более того, кадетский публицист привел факты, опровергающие его собственные выводы. Там, где на предварительных съездах оказывался значительным крестьянский элемент, избиратели решительно отвергали выдвинутых духовенством кандидатов. Когда же они останавливали свой выбор на священнике, это был

¹⁸⁴ Смирнов А. Указ. соч., с. 136.

¹⁸⁵ Прибавления..., 1907, 3 февр., с. 219.

¹⁸⁶ Смирнов А. Указ. соч., с. 137, 186.

¹⁸⁷ Там же, с. 138—139.

¹⁸⁸ Там же, с. 187.

обычно человек левых или либеральных убеждений, пользующийся уважением среди населения. Так, в г. Керенске Пензенской губернии были забаллотированы два правых священника и избран другой священник, прошедшим летом отсидевший в монастыре. В г. Михайлове Рязанской губернии были забаллотированы все священники, намеченные их совещанием, и избраны три других священника, пользовавшихся всеобщим уважением. Известен случай, когда священник был избран на первичных выборах по крестьянской курии. В Александровской волости Новоузенского уезда Самарской губернии крестьяне, избирая этого священника, заявили: «Больно за мужиков хорошо стоит, а попы его не выберут!»¹⁸⁹ Как видим, крестьяне хорошо знали настроения большинства местного духовенства. Нельзя забывать и тот факт, что съезды мелких землевладельцев, на которых значительную роль играло духовенство, дали весьма высокий процент правых кандидатов. Об этом говорят приведенные выше цифры.

На заключительной стадии выборов в их ход непосредственно вмешивалось епархиальное начальство. В Воронеже архиепископ Анастасий сказал перед губернскими выборщиками напутственную речь на тему об «интеллигентах-крамольниках». В Пензе архиерей также обратился к выборщикам с призывом выбирать «людей умеренных, верных царю и отечеству». В Минске крестьян-выборщиков прямо с вокзала доставляли в архиерейский дом, где содержали в полной изоляции. Взяв с них клятвенное обещание голосовать за указанных кандидатов, выборщиков под надзором доставляли в помещение губернского избирательного собрания¹⁹⁰.

И все-таки, несмотря на принятые меры, светским и духовным властям не удалось добиться избрания желательного для них состава Думы. II Дума оказалась даже левее первой. Правда, реакции удалось добиться увеличения числа правых депутатов, среди которых появились и представители иерархии. Но зато усилилось и левое крыло, где к преудовольствию Синода оказалось и несколько священников. Всего во II Думу было избрано 13 представителей православного духовенства (в I Думу — 6). На правых скамьях расположились епископы Евлогий холмский, избранный от своей епархии, и Платон чигиринский, ректор Киевской духовной академии, прошедший в Думу от г. Киева. К правым принадлежали также священники Н. В. Пирский (Полтавская губерния) и Д. И. Герштапский (Волынская губерния). Пятеро священников оказалось на левых скамьях. А. В. Архипов (Оренбургская губерния), А. И. Гриневич (Подольская), К. А. Колокольников (Пермская) и Ф. В. Тихвинский (Вятская) вошли во фракцию трудовиков. А. Бриллиантов (Енисейская губерния) был эсером. Четверо священников (Ф. И. Владимирский, М. П. Гашкевич, Г. С. Петров и

¹⁸⁹ Там же, с. 175—176, 188, 193—194.

¹⁹⁰ Там же, с. 240—241, 244.

В. А. Якубович) оказались среди либералов. Последний из названных, избранный от Минской губернии, был октябрьством¹⁹¹. К кадетам прымкало трос священников — столько же, сколько и в I Думе. Г. С. Петров, избранный в Думу от Петербурга голосами кадетских выборщиков, отбывал в это время спитимью в Череменецком Иоанно-Богословском монастыре, куда был заслан происками своих черносотенных недоброжелателей. Он смог занять место в Думе лишь спустя несколько недель после ее созыва¹⁹².

*

Итоги выборов сделали неизбежным новый конфликт между правительством и Думой. Если в период I Думы церковное руководство некоторое время сохраняло видимость нейтралитета, то теперь православная иерархия заявила о своей поддержке правительства еще до начала открытого конфликта. 6 марта 1907 г. председатель Совета министров П. А. Столыпин выступил в Думе с правительственной декларацией. Она получила безусловную поддержку лишь правых депутатов. В их числе выступил епископ Платон, заявивший, что «совместная работа с правительством возможна», что декларация исходит из «начала закона, права, правды и свободы»¹⁹³. Митрополит Аптоний, когда-то утверждавший, что он, как монах, газет не читает, на этот раз не стал скрывать своей осведомленности в мирских делах. 7 марта он послал Столыпину приветственную телеграмму. «Первое выступление министерства в Государственной думе в лице Вашем,—гласил текст телеграммы,— было полно достоинства, авторитета и власти. Сердечно Вас приветствую и призываю божие благословение на дальнейшие труды Ваши. Да направит господь членов Думы к мирной работе па благо Родины». В ответной телеграмме Столыпин постарался подчеркнуть свою религиозность, выражив надежду, что «молитвы русских людей спасут нашу православную Русь»¹⁹⁴.

Встретившись с объединенным фронтом правительства и церкви, Дума не отступила назад. Под давлением крестьянских депутатов она вновь поставила аграрный вопрос. Избранные в Думу крестьяне выступили с единодушным требованием ликвидации помещичьего, уделного, церковного и монастырского землевладения. «Меня народ просил,— заявил беспартийный крестьянин из Подольской губернии А. Н. Семенов,— чтобы церковные, мо-

¹⁹¹ Члены II Государственной Думы. СПб., 1907.

¹⁹² Ру[ман]ов А. В. Священник Г. С. Петров, член Государственной Думы. М., 1907, с. 17—33. Н. Ф. Платонов и Е. Ф. Грекулов ошибочно указывают, что Г. С. Петров был избран в I Думу (См.: Ежегодник МИРА, т. 4, с. 158; Грекулов Е. Ф. Церковь, самодержавие, народ. М., 1969, с. 94).

¹⁹³ Государственная Дума. Созыв II: Стенографические отчеты. СПб., 1907, т. 1, с. 143.

¹⁹⁴ Прибавления..., 1907, 24 марта, с. 552.

настырские, казенные, удельные и принудительно отчужденные помещичьи земли передать в руки трудового народа... Народ меня послал, чтобы требовать земли и воли и полной гражданской свободы»¹⁹⁵. В таком же духе высказывались и другие крестьянские депутаты.

Синодальный орган, перепечатав выдержки из этих речей, противопоставил им высказывания духовенства по этому же вопросу. Судя по приведенным высказываниям, духовенство решительно не желало расстаться с землей. Из среды представителей церкви раздавались возгласы, что Дума «вторгается в такую сокровенную область, как религия», что она «разоряет духовенство», которое «в огромном большинстве случаев само работает над землею» (в пример приводились диаконы и псаломщики, будто только они и владели церковной землей). Снова слышались высокопарные рассуждения о том, что священник, занимающийся сельским хозяйством, «испытывает все нравственно-благораживающее влияние святого земледельческого труда», «роднится с крестьянином-пасомым общностью интересов», что церковное землевладение несет в крестьянскую среду «примеры интеллигентной земледельческой работы». Один из священников, отставая церковное землевладение, ссыпался на необходимость дать «приличное образование» своим многочисленным детям. «Обыкновенно,— писал он,— чтобы отправить детей в учебные заведения, с ваката или после святок продашь 300—500 пудов хлеба...» Другой священник опасался, что с отнятием у духовенства земли сельские «партии» могут получить излишний досуг: «Правда, священнику зимою некогда заниматься посторонним делом: школы, чаще — требы и служба... Но летом без посева — бывает скучно: умственная работа как-то становится тяжестью...»¹⁹⁶. Вряд ли подобные рассуждения могли убедить крестьянских депутатов в необходимости сохранения церковного землевладения. Синодальный орган, по-видимому, и неставил такой цели. Печатая эти высказывания (не всегда удачно подобранные), он хотел прежде всего оказать давление на правительство, заставить его «заступиться» за церковное землевладение, не допустить осуществления требований крестьянских депутатов. Таким образом, враждебное отношение официальной церкви к Думе определялось не только союзом с правительством, но и стремлением отстоять свои имущественные интересы.

Правительство вынашивало планы разгона новой Думы едва ли не с первого дня ее работы. Главным побудительным мотивом, толкавшим правительство на разгон Думы, являлось все более укоренявшееся сомнение в возможности провести через нее столыпинскую аграрную реформу. Последняя была начата в межддумский период согласно указам, принятым по статье 87 Основных законов и нуждавшимся в одобрении Думой. Весной 1907 г.

¹⁹⁵ Государственная Дума. Созыв II: Стенографические отчеты, т. 1, с. 1931—1934.

¹⁹⁶ Прибавления..., 1907, 21 апр., с. 730—735.

правительство предприняло серию провокационных действий, стремясь создать предлог для роспуска строптивой палаты.

В мае 1907 г. было опубликовано правительственные сообщение об аресте «образовавшегося в составе партии с [оциал]-революционеров сообщества, поставившего целью своей деятельности посягательство на священную особу государя императора и совершение террористических актов, направленных против в[ел]. кн. Николая Николаевича и председателя Совета министров»¹⁹⁷. После публикации сообщения о «страшном» сообществе, готовившем сразу несколько покушений, но не сумевшем даже проникнуть во дворец, правые члены Думы, действуя, надо полагать, по заранее составленному сценарию, обратились с «запросом» к правительству. 7 мая Столыпин давал в Думе «объяснения». Замысел правительства состоял в том, чтобы добиться от Думы осуждения революционеров, в случае же отказа — получить предлог для ее роспуска.

Левые фракции, не желая участвовать в обсуждении провокационного «запроса», в заседании 7 мая отсутствовали. Кадеты же, решившие во что бы то ни стало «спасти» Думу, не остановились перед блоком с черносотенцами. В итоге Дума единогласно приняла формулу перехода к очередным делам, в которой выразила чувство «величайшей радости» по поводу «счастливо избегнутой опасности», якобы угрожавшей императору, и заявила, что она относится с «глубоким негодованием к обнаруженному преступному замыслу»¹⁹⁸. Правительство не получило повода для роспуска Думы, но кадеты сильно подмочили свою репутацию, вступив в сговор с черносотенцами.

Правительственной провокацией воспользовалось церковное руководство. 9 мая в Троицком соборе Александро-Невской лавры 14 высшими перархами, собравшимися в столице, было совершено молебствие «по случаю спасения драгоценной жизни государя императора от угрожавшего крамольного посягательства». Перед началом молебства митрополит Антоний произнес речь, в которой выразил свою «беспредельную радость» по поводу своевременного раскрытия «адского замысла». «Ужас объемлет при одной мысли о том, что было бы с дорогим отечеством нашим и со всеми нами, если бы замысел приведен был в исполнение,— изливал свои монархические чувства петербургский митрополит.—Заколебались бы тогда устои царства Российского, великими многовековыми трудами царей православных и народа русского созданного, возвеличенного и утвержденного». Царские каратели, павшие в результате террористических актов, в речи именовались «лучшими русскими людьми, верными слугами царя и отечества». Революционеров же, многие из которых были казнены или ожидали казни, митрополит называл

¹⁹⁷ Церковные ведомости, 1907, 12 мая, с. 198.

¹⁹⁸ Прибавления..., 1907, 12 мая, с. 792—793.

«злодеями-крамольниками» и грозил им «печатью Каинова отвержения»¹⁹⁹.

Совершив молебствие, иерархи решили, что настало время начать «дело» против тех думских священников, которые не разделили их «беспредельной радости» и пребывание которых в Думе не устраивало Синод. 12 мая было принято синодальное определение «О священниках, состоящих членами Государственной думы и принадлежащих к крайним революционным партиям». Этим священникам ставилось в вину, что они «дозволили себе показно отсутствовать» в заседании 7 мая «и этим действием явно уклонились от порицания замыслов цареубийства». Синод особо подчеркивал, что «со священным саном неразрывно связано уважение к существующей государственной власти и государственному строю, а тем более уважение и неприменимая преданность государю императору как помазаннику божию, па верность которому священнослужители не только присягают сами, но и обязаны приводить других к присяге». Поэтому, доказывали синодальные иерархи, духовное лицо не может принадлежать к партиям, «забывшим долг присяги и стремящимся к ниспровержению государственного и общественного строя и даже царской власти». Обосновав таким образом свое намерение применить репрессии, Синод поручал петербургскому митрополиту вызвать всех думских священников, отсутствовавших в заседании 7 мая, и потребовать от них публичного заявления о выходе из тех партий, «к которым они себя причисляют». В случае отказа, предупреждал Синод, они должны либо снять сан, либо держать ответ перед епархиальным начальством²⁰⁰.

Во время словесного объяснения с митрополитом Антонием, как сообщили вызванные священники, им было сказано, что они не должны принадлежать также и к беспартийным левым, но только к монархистам, октябристам и беспартийным правым. Ввиду того что Синод совершил явное насилие над депутатами, Дума в заседании 14 мая приняла запрос председателю Совета министров и обер-прокурору Синода. Действия иерархов в запросе расценивались как «грубое нарушение свободы мнений членов Государственной Думы». Согласно закону, говорилось в запросе, «воспрепятствование угрозами и злоупотреблением власти члену Думы исполнять его обязанности» карается нескользкими месяцами арестантских отделений²⁰¹.

Между Думой и Синодом возник открытый конфликт. Продолжая преследовать «крамольных» священников, Синод официально никак не откликнулся на думский запрос. Неофициальный ответ был помещен в «Церковных ведомостях». Синодальный орган утверждал, что действия церковного руководства не вступили в противоречие с законом, поскольку последний ограждает депутатов лишь от давления со стороны правительства и избира-

¹⁹⁹ Там же, с. 777—778.

²⁰⁰ Церковные ведомости, 1907, 19 мая, с. 200—201.

²⁰¹ Прибавления..., 1907, 26 мая, с. 835.

телей, но не со стороны «различного рода союзов, кроме, конечно, союза государственного». «Союз церковный», говорилось в статье, не является государственным, а потому он совершенно свободен «в оценке деятельности своих членов». Кроме того, писали «Церковные ведомости», думский запрос не отвечает и формальным требованиям, поскольку закон разрешает Думе запрашивать лишь те учреждения, которые подведомственны надзору Сената. Синод не подчинен Сенату. «Эти учреждения сравнены в нашем государственном устройстве еще со временем их основателя — царя Петра...» — подчеркивал синодальный орган²⁰², не замечая, возможно, что последняя фраза подрывает всю возводимую им стену юридической казуистики.

В действительности думский запрос был вполне закономерен по существу и отвечал всем формальным требованиям. В России церковь не была отделена от государства и не могла рассматриваться от него в отрыве. Кроме того, речь шла о действиях Синода, а не всего «церковного союза». О Синоде же в Основных законах прямо говорилось, что он учрежден самодержавной властью и что последняя действует через его посредство. Формально Синод не был подчинен Сенату, но запрос адресовался не Синоду, а председателю Совета министров и обер-прокурору. Последний как раз и должен был наблюдать за законностью синодальных решений. Таким образом, действия Синода носили незаконный характер, и думский запрос не без основания упоминал о нескольких месяцах арестантских отделений.

Однако буржуазно-дворянская пресса, боровшаяся с революционным движением под видом защиты «порядка и законности», обрушилась не на совершивших беззаконие членов Синода, а на самих жертв произвола. «Раз священик преступил каноны,— писал октябрьский «Голос Москвы»,— он не может быть терпим. Если допустить, что священнику-депутату нельзя сделать наиздания, епархиальному начальству придется ждать, когда кончится парламентская сессия и в течение пяти лет терпеть разворачивающее влияние священнослужительствующего революционера». «Новое время», опубликовавшее письмо священника Тихвинского, заявило, что Синод поступил правильно, напомнив депутатам об их обязанностях. Особым нападкам газета подвергла священника А. Бриллианта. «Церковный вестник», в уписи со всей правой печатью, писал, что депутаты-священники «обнаружили непонимание своего положения и своих задач в Государственной Думе». Член Думы кадет С. Н. Булгаков писал в «Речи», что он совершил «ошибку», голосовав за принятие запроса, который нарушил идею «самостоятельности церкви». Кадетский публицист оказал услугу тем, кто вел травлю священников-демократов. Пространные выдержки из его статьи, а также из других, цитированных выше статей поместили на своих страницах синодальный орган²⁰³.

²⁰² Там же, с. 836—838.

²⁰³ Там же, с. 850—854.

Убедившись, что послушная правительству Фемида не грозит им карой, а в среде буржуазно-дворянской «общественности» их действия встречают даже одобрение, нарушители закона продолжили свою деятельность. 19 мая Синод принял определение о членах Думы священиках Гриневиче, Бриллиантове, Архипове, Колокольникове и Тихвинском по поводу их объявлений, затребованных митрополитом Литоцким. Первый из них, заявивший, что он вышел из Трудовой группы еще в апреле и на заседании 7 мая присутствовал, от ответственности был освобожден. Эсер Бриллиантов на вызов не явился, объяснений не представил и потому, согласно определению, подлежал суду епархиального начальства. Троє других представили объяснения, однако отказались выйти из Трудовой группы и снять сан. «Совместимость сана с революционною деятельностью,—говорилось в определении,— обвиняемые священники стараются оправдать ссылкою на их любовь к народу, на их сочувствие и сострадание к горю и нужде народным и ко всем сирым и обездоленным. Но эта их любовь к народу не христианская любовь, так как святые чувства любви к народу, свойственные истинному пастырю христианскому, отнюдь не вызывают на разрушительную деятельность, а, напротив, совершение исключают всякую возможность таковой деятельности». Поскольку любовь к народу священников-трудовиков Синод признал «нехристианской», они подлежали суду епархиальных начальств. Кроме того, определение предписывало немедленно запретить священникам Архипову, Бриллиантову и Тихвинскому совершать священнослужения²⁰⁴. (Колокольников был запрещен в священнослужении пермским епархиальным начальством сразу же после своего избрания в Думу²⁰⁵.)

Дальнейшую судьбу четырех священников петрудило было предугадать: все они были лишены сана²⁰⁶. Такая же судьба вскоре постигла и Г. С. Петрова²⁰⁷, хотя он не принадлежал к левым фракциям и в Думе старался ничем не выделяться. В 1906—1907 гг. церковное руководство постаралось отсечь от церкви левое и даже отчасти либеральное духовенство, надеясь таким путем восстановить единство церковной организации, расшатанное под воздействием революции.

3 июня 1907 г. правительство распустило Думу, одновременно объявив об изменении избирательного закона. (Светские и духовные черносотенцы, как мы помним, добивались пересмотра положения о выборах еще в 1906 г.) Поскольку Основные законы предусматривали, что такое изменение возможно только с санкции Думы, акт 3 июня принято считать государственным переворотом.

²⁰⁴ Церковные ведомости. 1907, 2 июня, с. 220—221.

²⁰⁵ Члены II Государственной Думы, с. 65.

²⁰⁶ Титлинов Б. В. Православие на службе самодержавия в Русском государстве. Л., 1924, с. 187.

²⁰⁷ Руманов А. В. Указ. соч., с. 53.

Синод, занимавшийся накануне незаконным преследованием членов Думы, не счел для себя затруднительным санкционировать и противозаконную акцию царского правительства. Синодальным определением от 3 июня 1907 г. было предписано прочесть манифест во всех церквях империи в праздник Троицы 10 июня²⁰⁸.

Роспуск II Думы одобрили и петербургские обновленцы, окопчательно к тому времени отошедшие от кадет и растерявшие былую оппозиционность. «II Дума,— писал „Церковный вестник“,— не оправдала самой главной надежды, возлагавшейся на нее,— надежды на успокоение измученной революционным кошмаром страны... И получилось, что II Дума... не столько распущена, сколько сама себя распустила»²⁰⁹.

В правительственные инстанции существовало, однако, сомнение, насколько спокойно указ о роспуске будет встречен в народе, особенно среди крестьянства, которое так и не дождалось ни земли, ни воли. Петербургский губернатор в секретном отношении от 4 июня в Петербургскую консисторию высказал пожелание, чтобы епархиальное начальство конфиденциально предложило всем священникам закончить чтение манифеста указанием на то, что «за всеми дополнительными к нему разъяснениями, которые население пожелало бы иметь, ему надлежит обращаться к ближайшему местному начальству, т. е. к земским начальникам». Такое предложение имело целью избежать не только разнообразия в ответах священников, но и возникновения дискуссий в храмах, при большом стечении народа. Митрополит Антоний, очевидно вполне разделая опасения губернатора, наложил на отношение резолюцию: «Сделать соответственные сему конфиденциальные распоряжения по сельским приходам епархии и по городским, кроме столицы»²¹⁰. В городах «ближайшим местным начальством» являлась полиция. Очевидно, в самом Петербурге митрополит не решился столь явственно показывать связь между церковью и полицейским участком.

В целом приведенные выше факты (домогательства духовных черносотенцев, преследование Синодом священников-трудовиков членов Думы, санкционирование им манифеста 3 июня, последующее согласование действий с администрацией) позволяют сделать вывод об определенном участии церкви в подготовке и проведении третьештольнского государственного переворота. Это участие определялось общей стратегической линией церкви, направленной на борьбу с революционным движением и сохранение союза с царской монархией. В то же время две избирательные кампании показали дальнейшее падение авторитета официальной церкви, постепенно лишавшейся влияния на самые широкие слои народа.

²⁰⁸ Церковные ведомости, 1907, 9 июня, с. 264.

²⁰⁹ Церковный вестник, 1907, 7 июня, с. 732.

²¹⁰ ЛГИА, ф. 19, оп. 99, д. 5, л. 8.

Правительство и церковь в 1906—1907 гг. Новый этап внутрицерковного кризиса

Вопрос об укреплении «духовной ограды» в 1906—1907 гг. стоял столь же остро, как и в 1905 г. 27 декабря 1905 г. был издан рескрипт на имя митрополита Антония с предложением определить время созыва поместного собора российской православной церкви. Таким образом, судьба предстоящего собора была передана в руки самих иерархов и ничто не мешало им созвать его в самое ближайшее время. Однако высшее духовенство на этот раз не проявило той оперативности, с которой оно действовало в марте 1905 г. 14 января 1906 г. Синод вынес определение о создании особого присутствия под председательством митрополита Антония для подготовки собора. Учитывая темп работы всех действовавших при самодержавии ведомственных комиссий и «особых совещаний», надо полагать, что синодальное определение с самого начала означало отсрочку созыва собора по крайней мере на несколько месяцев. По-видимому, Синод считал, что торопиться не следует. Иерархов, очевидно, пугала сложность политического положения в стране, вызывали опасения и острые разногласия в самом духовенстве: обновленческое движение грозило вековым привилегиям епископата, а отдельные священники оказались вовлечеными в революционное движение.

В состав учрежденного Присутствия вошли обер-прокурор и его товарищ, ряд иерархов (в том числе Антоний волынский), несколько священников-профессоров (в том числе бывший редактор «Церковного вестника» А. П. Рождественский), светских богословов и церковных историков²¹¹. Получил приглашение, но не воспользовался им В. О. Ключевский. Созданный при Синоде орган получил название Предсоборного присутствия.

Позднее правительство ввело в Присутствие Н. П. Аксакова, Е. Н. Трубецкого, Д. А. Хомякова, Ф. Д. Самарина, генераллейтенанта А. А. Киреева и еще ряд светских лиц²¹². Н. П. Аксаков был активным деятелем «Союза ревнителей церковного обновления». Ф. Д. Самарин представлял реакционное московское дворянство, а престарелый генерал был связан с правыми славянофильскими группировками. Таким образом, в Предсоборном присутствии оказались представителями все существовавшие внутри церкви течения, за исключением левых священников, порвавших с установками официальной церкви.

Накануне открытия Предсоборного присутствия «Союз ревнителей церковного обновления» опубликовал свою программу реформ, в которой нашли развитие основные начала программы Завитневича, опубликованной весной 1905 г. В «обновленной церкви», заявлял «Союз», должно быть устраниено «все, что не согласуется с принципом соборности»: синодальная форма прав-

²¹¹ Церковные ведомости, 1906, 21 янв., с. 38—39.

²¹² Там же, 1906, 4 марта, с. 117.

ления, зависимость церкви от государства, «чрезмерное развитие епископской власти», обязательная связь между монашеством и епископским саном. Члены «Союза» считали необходимым ввести выборность всех церковных должностей снизу вверх при непременном контроле за выборами сверху вниз. Опасаясь возможной централизации власти и «вредной для церкви... внешней помпы», обновленцы заявляли о желательности того, чтобы «ни один епископ не назывался патриархом». Вместо патриарха, говорилось в программе, собор может избрать одного из епископов для подготовки дел к очередному собору и сношений с другими епископами.

Разработанная обновленцами программа буржуазной реформации церкви была не чужда клерикализма и социальной демагогии. Первое проскальзывало в заявлении о том, что «пастыри церкви во главе с епископами считают своим священным долгом иметь руководственную роль в духовном развитии общества». Второе выделялось в особом пункте. «Оказывая одипаковую любовь богатым и бедным,— говорилось в нем,— епископы и пастыри особенно заботятся о бедных и печалуются пред хозяевами и властями за угнетенных»²¹³.

Платформа епископской «партии» была обобщена и развернута в ходе работ Предсоборного присутствия. О программах черносотенцев говорилось выше. В Присутствии и столкнулись три основные программы церковных реформ. Однако, несмотря на различие позиций, всех членов Присутствия объединяло стремление использовать «духовный меч» православной церкви для борьбы с продолжавшейся революцией. Епископ могилевский Степан перед началом молебства по случаю открытия Присутствия 8 марта 1906 г. заявил, выражая общее мнение собравшихся: «Призовем благословение божие на наступающее наше мужество... на предстоящую святой церкви нашей борьбу с развязанными теперь силами ада»²¹⁴.

Однако к этому времени внутрицерковный кризис достиг такой остроты, что возникали сомнения относительно достижения согласия даже в рамках специально подобранных собрания. Со всей откровенностью это прозвучало во вступительной речи Оболенского. Хотя обер-прокурор продолжал утешать себя мыслью о том, что «русский народ в своей коренной основе остается верным церкви христовой», он должен был признать, что «религиозная мысль в нашем отечестве не остается без влияния того общего общественного движения и смуты, которые охватили Россию». «И среди здесь присутствующих,— продолжал обер-прокурор,— несомненно скажется... некоторое отражение того разномыслия, о котором я сейчас говорил. И вот первая наша задача состоит

²¹³ Церковный вестник, 1906, 19 янв., с. 81—83.

²¹⁴ Журналы и протоколы высочайше учрежденного Предсоборного присутствия. СПб., 1906, т. 1, с. V.

в том, чтобы сгладить при совместном обсуждении эти разномыслия, взгляды и настроения»²¹⁵.

Созывая Предсоборное присутствие, правительство делало попытку добиться единения сил церкви на общих конкретных задачах борьбы с революцией, укрепления самодержавия и усиления его идеологического влияния на народ. Это нашло отражение и в предложенной Присутствию программе, которая включала вопросы о составе Поместного собора и о порядке решения дел на нем, о преобразовании церковного управления — местного и центрального, о реорганизации прихода, реформе духовно-учебных заведений, «о мерах к ограждению православной веры и христианского благочестия от неправых учений и толкований» и ряд других вопросов²¹⁶. Путем создания Присутствия иерархия не только отсрочила созыв собора, но и сделала попытку предрешить его постановления.

С самого начала работы Присутствия бразды правления в нём оказались в руках епископов. Все семь отделов, на которые было разбито Присутствие, вели свои заседания под председательством одного из иерархов. Первый отдел, который рассматривал вопрос о Поместном соборе, возглавил херсонский архиепископ Димитрий.

14 марта, открывая первое заседание отдела, архиепископ предупредил, что суждения о составе собора «должны опираться на пыне существующем синодально-епископском строе». «Где нет епископов, там нет церкви,— заявил Димитрий.— А русская церковь строго хранит епископский строй, имея во главе своей епископов, ведущих свое начало от апостолов»²¹⁷. Таким образом, самим председателем было положено начало той борьбе, которая с этого момента не утихала в отделе, а затем была перенесена в общее собрание Присутствия.

Вопрос о допущении на собор представителей клира и мирян не вызывал споров. В пользу этого, как мы отмечали, Витте высказывался еще в марте 1905 г. Такого же взгляда придерживался и Оболенский. Церковные ретрограды не решились оспаривать мнение светских властей. Однако Димитрий заявил, что на соборе следует различать голоса «решающий» и «совещательный». Лишь «апостольских преемников» он собирался наделить решающим голосом²¹⁸. Это мнение было поддержано несколькими ретроградными богословами, «дикими профессорами духовных академий», как называл их Ключевский²¹⁹.

Другие члены отдела выступили против разделения голосов на совещательные и решающие. «Собраться собору, произвести совещания, постановить решения не значит еще быть,— говорил

²¹⁵ Там же, с. IX.

²¹⁶ Там же, с. XI.

²¹⁷ Там же, с. 2.

²¹⁸ Там же, с. 9.

²¹⁹ Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1969, с. 302.

Аксаков.— Быть собору — значит быть принятым церковью, стать в ней живою силою... Потому необходимо обеспечить собору его принятие церковью, иначе вместо церковного объединения возникнет только вящий церковный разлад»²²⁰. Однако «дикие профессора», к которым присоединились «дикий» помощник Самарин и «дикий» генерал Киреев, оказались в большинстве, и отдел остановился на предложении председателя²²¹.

Ободрённый успехом, архиепископ повёл речь о «праве» епископов «приводить» на собор представителей клира и мирян²²². Иными словами, епархиальный архиерей должен был произвести по своему усмотрению отбор представителей клира и мирян из числа кандидатов, избранных в его епархии. Ф. Д. Самарин высказался даже против утверждаемых выборов. «Выборы вносят повсюду известные страсти... — заявил представитель московских «зубров». — Это тем более опасно, что выборы будут производиться в такое время, когда началась уже политическая борьба... К сожалению, там будут те же люди, которые участвовали в государственных выборах»²²³.

В ответ на это Рождественский возразил, что «агитации *до собора* опасаться не следует... Опасна агитация *после* собора, — а её следует опасаться, если обычные человеческие страсти не найдут своего разрешения в прениях перед собором и на соборе»²²⁴. Так возник вопрос о том, будет ли собор достаточно авторитетен в глазах верующих, будет ли он ими «принят», не потерпит ли провал. Ввиду этих соображений даже генерал Киреев высказался за неутверждаемые выборы: «Собор может принести ожидаемую от него пользу лишь в том случае, если он будет внушать доверие всей русской церкви...»²²⁵. В голосовании 22 марта 10 членов отдела высказались за утверждение выборов епархиальным архиереем и 10 — против²²⁶.

Итоги голосования не устроили архиепископа, и после пасхального перерыва, 12 апреля, он, бесцеремонно нарушив принятую процедуру, вновь поставил вопрос на обсуждение. «Не секрет для всех, — угрожающе заметил Дмитрий, — что в нашей церкви началось новое опасное течение: борьба пресвитерианства с епископством, точнее сказать — восстание пресвитерианства против епископства...»²²⁷. В порядке подавления этого «восстания» архиепископ ввел в отдел новых членов и при помощи большинства всего в один голос добился решения вопроса в свою пользу²²⁸.

Отдел обсуждал вопрос об органах центрального церковного управления, когда произошел первый после манифеста 17 октября

²²⁰ Журналы и протоколы..., т. 1, с. 29—30.

²²¹ Там же, с. 35—36.

²²² Там же, с. 46.

²²³ Там же, с. 50.

²²⁴ Там же, с. 54.

²²⁵ Там же, с. 56.

²²⁶ Там же, с. 63.

²²⁷ Там же, с. 69.

²²⁸ Там же, с. 77.

«правительственный кризис». Итоги думских выборов раздосадовали царя и придворную камарилью. Витте, обещавший созвать послушную Думу из «серых мужичков», был изгнан как провалившийся фокусник. Пост председателя Совета министров занял его давний оппонент, старый бюрократ И. Л. Горемыкин. Вместе с Витте должен был уйти и Оболенский. 24 апреля он подал в отставку²²⁹. В печати назывались имена его возможных преемников — Ф. Д. Самарина и В. К. Саблера. Обе кандидатуры вызывали «самые тревожные опасения» даже у правых либералов²³⁰. Произведенное 26 апреля назначение не могло рассеять этих опасений. Новым обер-прокурором стал князь А. А. Ширинский-Шихматов²³¹, занимавший пост товарища обер-прокурора при Победоносцеве и вместе с ним уволенный. Князь поддерживал близкие отношения с камарильей, в частности был вхож в салоны гр. С. С. Игнатьевой и гр. С. Д. Шерemetева. Первый из них, посещавшийся Гермогеном саратовским, Антонием волынским и Иоанном Кронштадтским, «специализировался» на церковных вопросах. Во втором бывали видные представители камарильи и перешедшие в ее ряды отставные бюрократы. Оба салона считались «поставщиками министров»²³².

Происшедшие перемены укрепили епископскую партию в Предсоборном присутствии. Одновременно усиливалось правое крыло Присутствия. Еще в конце марта в него был введен Н. Д. Кузнецов²³³, публицист, писавший по церковным вопросам, близкий к различным московским черносотенным кружкам. В Присутствии Кузнецова и Киреев нередко голосовали вместе с «либералами», пытаясь воспрепятствовать намерениям архиерейской партии. Парадокс объяснялся внешней схожестью отдельных пунктов программ церковных обновленцев и черносотенцев. И те и другие выступали за «соборность», за активное участие клира и мирян в церковном управлении. Но если первые таким путем хотели добиться приспособления церкви к условиям капиталистического общества, то вторые пытались прорваться к рулю церковного управления и окончательно превратить в свою вотчину «ведомство православного исповедания».

Однако архиерейская партия все более успешно отражала насаждки этой странной коалиции. При обсуждении вопроса об устройстве центральных церковных учреждений архиепископ напомнил правило Никейского собора, предписывающее хранить «древние обычай», т. е. обычай, которым уже более 100—150 лет. Синод существует уже 200 лет, следовательно, заявил архиепископ, подпадает под правило Никейского собора, и речь может

²²⁹ Всеподданнейший отчет обер-прокурора св. Синода по ведомству православного исповедания за 1905—1907 гг., с. 70.

²³⁰ Слово, 1906, 27 апр.

²³¹ Всеподданнейший отчет обер-прокурора св. Синода по ведомству православного исповедания за 1905—1907 гг., с. 70.

²³² Дякин В. С. Указ. соч., с. 98.

²³³ Церковные ведомости, 1906, 15 апр., с. 172.

идти лишь о некотором реформировании «древнего» учреждения. Главной задачей подобной реформы, подчеркнул Димитрий, является установление «симфонии» между церковью и государством²³⁴.

Выступивший после этого Кузнецов настаивал на привлечении в состав Синода представителей белого духовенства и мирян. Такой шаг, доказывал он, привлечет внимание общества к религиозным делам и напомнит ему, что «не хлебом единым жив будет человек»²³⁵. Отвлечение народа от социальных вопросов, от проблемы «куска хлеба» составляло одну из главных задач черносотенцев, и для ее решения они пытались использовать всевозможные средства.

Профессор А. И. Бриллиантов вновь поднял вопрос о «рецепции», т. е. о принятии церковной реформы верующими²³⁶. На это другой профессор, Н. С. Суворов (из числа «диких»), хладнокровно возразил, что, по свидетельству истории, «признание могло состояться лишь через долгое время после того, как собор состоялся»²³⁷. По существу это был совет издавать постановления в принудительном порядке, не очень заботясь о «рецепции».

Профессор С. Т. Голубев с явным намеком на своих оппонентов заявил, что «в некоторой части нашего общества (прогрессивной) замечается движение протестантствующее»²³⁸. В ответ профессор Н. А. Заозерский указал на стремление «устроить управление по типу римской курии»²³⁹. Дело, таким образом, дошло до взаимного при克莱ивания ярлыков.

В итоге многодневных прений победа снова оказалась на стороне архиерейской партии. Большинство высказалось за участие в Синоде одних епископов, причем даже не по выбору собора, а по старшинству²⁴⁰.

Следующую свою победу архиерейская партия одержала по вопросу о патриархе, который, по замыслу иерархии, должен был увенчать «симфонию» между церковью и государством²⁴¹. И в этом вопросе Димитрий патолкнулся на сопротивление правого и «левого» крыла. «...Если в патриаршей власти ищут оплота против враждебных церкви сил,— заявил Суворов,— то... эта мысль ошибочна — оплотом для православной церкви в России может быть только императорская власть, с падением которой никакой святейший патриарх не спасет русской православной церкви от распадения»²⁴². На патриарха, подчеркнул Кузнецов,

²³⁴ Журналы и протоколы..., т. 1, с. 125.

²³⁵ Там же, с. 139.

²³⁶ Там же, с. 161.

²³⁷ Там же, с. 163.

²³⁸ Там же, с. 145.

²³⁹ Там же, с. 164.

²⁴⁰ Там же, с. 176, 185.

²⁴¹ Там же, с. 125—126.

²⁴² Там же, с. 203.

«возлагается много несбыточных надежд»²⁴³. По-видимому, черносотенцы усматривали в патриархе возможную преграду для овладения церковью и подчинения ее своему движению.

Обновленцы связывали с учреждением патриаршества усиление иерархии и, как следствие, задержку церковных преобразований в духе «соборности». «...Громкий титул патриарха в руках даровитого честолюбца вроде патриарха Никона,— говорил В. З. Завитневич,— может временно вызвать в нашей церковной жизни реакцию и помутить ясность церковного сознания, твердо высказавшегося за неотложную потребность обновления жизни»²⁴⁴.

Со своей стороны приверженцы патриаршества видели в его восстановлении средство сплочения церкви и укрепления ее союза с самодержавием. «Нам нужно, чтобы кто-нибудь разбудил, сплотил и одушевил нас...— разглагольствовал профессор Н. И. Глубоковский.— Обстоятельства ныне слагаются так, что конфликт патриарха с царем просто невозможен, а союз их для взаимного охранения и освящения совершенно неизбежен»²⁴⁵.

Каждая из споривших сторон осталась при своем мнении, однако архиепископ к этому времени уже располагал в отделе послужным большинством, которое и высказалось в пользу восстановления патриаршества²⁴⁶. Отдел наделил патриарха довольно широкими правами, в том числе правом личного спошения с императором, обращения с «учительными посланиями» и «пастырскими возвзваниями» ко всей русской церкви²⁴⁷.

30 мая 1906 г. отдел приступил к обсуждению важнейшего пункта своей программы — вопроса об отношении церкви к государству. Этот вопрос рассматривался в двух аспектах: церковь и Дума, церковь и император. «Прежде церковь имела дела с православным царем, теперь подле православного царя встала не-православная Дума,— заявил Киреев.— Дума вошла уже в явный конфликт с царем, несомненно, что она вступит в конфликт и с церковью»²⁴⁸. Среди членов отдела возникло опасение, что Дума может поставить вопрос об отделении церкви от государства, а это не входило в планы даже церковных «либералов»²⁴⁹.

В связи с этим первая забота отдела свелась к «ограждению» православной церкви от «неправославной» Думы. Церковный «либерал» Н. А. Заозерский предложил ограничить компетенцию Думы по делам православной церкви вопросами финансовыми и чисто гражданскими, например о правах лиц, лишепных священства²⁵⁰. Однако такое решение не удовлетворило ни правых, ни архиерейскую партию. Кузнецов предложил установить такой порядок, по которому каждый вероисповедный закон, припятый

²⁴³ Там же, с. 206.

²⁴⁴ Там же, с. 239.

²⁴⁵ Там же, с. 259.

²⁴⁶ Там же, с. 276.

²⁴⁷ Там же, с. 279—280.

²⁴⁸ Там же, с. 296.

²⁴⁹ Там же, с. 353.

²⁵⁰ Там же, с. 323—324.

Думой и Государственным советом, нуждался бы еще в санкции собора или Синода²⁵¹. Другому правому, Самарину, такой путь показался слишком усложненным. Он предложил в противодействие «неправославной» Думе опереться непосредственно на православного царя. «Государь император и в настоящее время есть прежде всего православный русский царь,— говорил Самарин,— Устранить его от участия в церковных делах невозможно и неизбежительно»²⁵².

На эту точку зрения встала и архиерейская партия²⁵³. Однако, как понимали «дикие профессора», опора на самодержавную власть требует со стороны церкви и ответных действий. «Мы должны стремиться к тому, чтобы церковь, призванная воздействовать на людей в нравственном отношении, не оказалась бесплодной смоковницей в жизни государства»,— заявил А. И. Алмазов²⁵⁴.

В этом смысле и были сформулированы окончательные заключения отдела по вопросу об отношении церкви к государству. Согласно этим заключениям, император сохранял самые широкие права в области церковного управления. Он получал ежегодный отчет о состоянии церковных дел, с его «созывания» созывался собор, на «благовоззрение» императора представлялись решения собора, в том числе и выбор патриарха. Обер-прокурору отводилась роль чисто наблюдательная²⁵⁵.

Последнее заключение вызвало протест со стороны Кузнецова, настаивавшего на еще более активной роли императора и его представителя — обер-прокурора в таких, например, случаях, когда в церкви происходят «нестроения»²⁵⁶. Черносотенцы хотели как можно более расширить возможности для вмешательства во внутрицерковные дела.

5 мая 1906 г. вопросом о составе собора занялось общее собрание Предсоборного присутствия. Участие в соборе клириков и мирян вызвало возражения только Антония волынского. Но и он довольно быстро дал уговорить себя Кузнецова²⁵⁷. Это было показателем дальнейшего сближения черносотенцев светских и духовных.

Как и в отделе, споры разгорелись по вопросу о решающем и совещательном голосе клириков и мирян. Интересы иерархии теперь настойчиво защищал митрополит Антоний. Члены церкви, категорически заявил он, делятся «на два класса: управляющих и управляемых, учащих и учимых, пастырей и пасомых». «Несоглашающиеся с этим становятся на протестантскую точку зрения»,— подчеркнул митрополит²⁵⁸. Н. А. Заозерский квалифи-

²⁵¹ Там же, с. 343—344.

²⁵² Там же, с. 354.

²⁵³ Там же, с. 356.

²⁵⁴ Там же, с. 346.

²⁵⁵ Там же, с. 378—379.

²⁵⁶ Там же, с. 366—367.

²⁵⁷ Там же, т. 2, с. 433—434.

²⁵⁸ Там же, с. 432.

цировал подобное учение как ультрамонтанское, по существу обвинив его автора в католических тенденциях²⁵⁹. (Ультрамонтанами в католицизме называли сторонников светской власти папы, крайних клерикалов.)

Столь жаркие прения озадачили товарища обер-прокурора П. И. Остроумова. «С таким разделением по вопросу о решающем и совещательном голосе клира и мирян нельзя идти на собор,— предупредил он.— Какой же авторитет тогда будет иметь собор?»²⁶⁰ Однако единогласия так и не было достигнуто: большинство приняло решения I отдела, а меньшинство осталось при своем мнении.

Дебаты вновь обострились, когда Присутствие перешло к вопросу об утверждении представителей белого духовенства и мирян. «Вытеснением из собора клира и мирян на правах действительных и полноправных членов его готовится печальная участь для самого собора: этим собор будет дискредитирован в глазах церкви, потеряет свой нравственный авторитет, затруднено будет принятие его,— доказывал протоиерей П. Я. Светлов²⁶¹. В ответ на это профессор С. Т. Голубев отвечал: «Не невозможен ц раскол в церкви... Во всяком случае не антицерковными средствами должно врачевать церковные недостроения... Решая вопрос о способе избрания клириков и мирян на предстоящий собор, мы вместе с тем предрешаем: по чину ли и благополезно будут проходить у нас соборные заседания, или же пашему всероссийскому православному собору суждено, может быть, превратиться во всероссийский скандал»²⁶². Оба вопроса были поставлены настолько остро, что во многом, думается, решили судьбу собора. И видимо, не имело большого значения то, что в пользу утверждения представителей клира и мирян высказалось значительное большинство Присутствия во главе с митрополитами Антонием и Владимиром²⁶³.

В своих дальнейших заседаниях Предсоборное присутствие приняло почти без изменений все постановления I отдела. Лишь на последнем заседании, по настоянию обер-прокурора Ширинского-Шихматова, Присутствие приняло поправку, которая сохранила за обер-прокурором более активную роль в управлении церковью²⁶⁴. Это было то, на чем настаивали правые на заседаниях I отдела. 14 июня Присутствие было распущено на каникулы.

Подводя итоги весенней сессии Предсоборного присутствия, «Церковный вестник» писал, что оно занималось не преобразованием, а «реставрацией» церкви в духе допетровских времен²⁶⁵.

²⁵⁹ Там же, с. 511.

²⁶⁰ Там же, с. 434.

²⁶¹ Там же, с. 462.

²⁶² Там же, с. 451.

²⁶³ Там же, с. 479.

²⁶⁴ Там же, с. 643—644.

²⁶⁵ Церковный вестник, 1906, 15 июля, с. 773—774.

Однако и обновленцы не были столь пылкими «ревнителями» церковных преобразований, как это может показаться на основании материалов Предсоборного присутствия. Борьбу с иерархией на заседаниях Присутствия они сочетали с негласными попытками достичнуть с ней соглашения. 24 апреля 1906 г. священник петербургского Петропавловского придворного собора В. Калачов подал в консисторию прошение об утверждении устава «Братства ревнителей церковного обновления» и сообщения о «Братстве» светской власти. Речь шла о легализации «Союза ревнителей церковного обновления», и ради нее обновленцы готовы были пойти на существенные уступки. В уставе, как и в опубликованной ранее программе, говорилось об освобождении церкви «от подчинения государству», о последовательном проведении принципа «соборности». Однако программный пункт о «чрезмерном развитии епископской власти» не нашел отражения в уставе. Более того, «Братство» обязалось представлять петербургскому митрополиту все свои протоколы, постановления и решения. Митрополит мог предложить «Братству» внести в представленные материалы необходимые, с его точки зрения, исправления. В случае отказа «Братства» подчиниться этим указаниям митрополит вправе был потребовать от духовных лиц выйти из его состава, направив на рассмотрение Синода вопрос о том, «может ли такое братство почитаться состоящим в духовном водительстве православной церкви». Определением петербургского епархиального пачальства от 24—31 мая 1906 г. устав был утвержден «в виде опыта» на три года²⁶⁶. Таким образом, петербургские обновленцы заблаговременно спрятались под крыло местных епархиальных властей и оказались в полной от них зависимости.

Между тем в обстановке отступления революции и поворота правительства к открытой реакции укрепившая свое положение иерархия перешла в решительное наступление на обновленческое духовенство. Еще накануне Предсоборного присутствия Антоний волынский, имея в виду обновленцев, писал в своей пашумевшей записке, что «если бы для участия в соборе пригласить в полном составе любую каторжную тюрьму, то и она не могла бы в такой степени опозорить нашу святую веру и прогневить бога, как подобные кандидаты в члены Поместного собора»²⁶⁷. Эту же мысль, хотя и не столь образно, повторяли и другие представители иерархии. Епископ могилевский Стефан в одной из своих публичных речей, говоря о «внутренних врагах церкви», упомянул и «так называемое церковное обновленчество», представители которого, по его словам, «готовы продать свою материю, православную церковь, протестантству и масонству»²⁶⁸.

18—25 ноября 1906 г. Синод одобрил «Правила, определяющие отношения церковной власти к обществам и союзам, возникающим в недрах православной церкви и вне ее и к обще-

²⁶⁶ ЛГИА, ф. 19, оп. 98, д. 20, л. 52—54 об.

²⁶⁷ Прибавления..., 1906, 11 февр., с. 268—269.

²⁶⁸ Там же, 1907, 17 февр., с. 287.

ственno-политической и литературной деятельности церковных должностных лиц». Согласно этому определению, епархиальный епископ объявлялся «пепрёменным попечителем» всех церковных обществ, союзов и кружков, действующих в его епархии. Подобные общества для своей легализации должны были получить не только санкцию гражданских властей, но и разрешение епископа. Ему представлялись для ознакомления все постановления, протоколы и отчеты обществ. Усмотрев в этих документах «что-либо противное правилам православно-христианской веры и церковного благочиния», епископ мог потребовать объяснений, признав же их неудовлетворительными — закрыть общество. (Как видим, в синодальное определение с некоторыми изменениями вошли отдельные положения устава петербургского «Братства».) Издание «церковно-общественных органов» также разрешалось лишь с санкции архиерея и под его наблюдением. Духовные лица, подчеркивалось в определении, не могут принимать участия в «противогосударственных и противоцерковных партиях». Ослушники подлежали церковному суду²⁶⁹.

Владимир московский использовал синодальное определение для наступления на Общество любителей церковного просвещения, с которым ранее был заключен «худой мир». Деятели обновленческого движения были вытеснены из президиума Общества, многие из них подверглись административным караам, других удалось отколоть от движения различными обещаниями. Как сообщал Н. П. Розанов, «перелеты» из лагеря «либеральных» священников к консервативным происходили в это время довольно часто²⁷⁰. К концу 1906 г. иерархии удалось установить контроль над обновленческим движением.

Осенняя сессия Предсоборного присутствия открылась 1 ноября и продолжалась до 15 декабря 1906 г. Присутствие вновь было пополнено правыми деятелями, в частности в его состав был введен Л. А. Тихомиров²⁷¹. В обстановке укрепления иерархии и спада обновленческого движения вторая сессия Присутствия, как сообщал «Церковный вестник», «прошла почти незамеченной и в обществе, и в печати»²⁷². Это было тем более показательно, что на сессии обсуждался вопрос о приходе, который обычно вызывал живой интерес в буржуазно-либеральных кругах. IV отдел Предсоборного присутствия разработал «Нормальный устав православного прихода». Согласно проекту, в каждом приходе создавалось приходское собрание, наделявшееся довольно широкими правами по выбору священников, заведованию приходским имуществом и даже по наблюдению за состоянием «веры и благочестия» среди прихожан. Для записи их прегрешений заводилась специальная шноровая книга, выпуск которой снабжался каждый прихожанин при переходе из одного прихода в другой.

²⁶⁹ Церковные ведомости. 1906, 2 дек., с. 505—507.

²⁷⁰ РО ГБЛ, ф. 250, папка 2, д. 1, л. 198, 271.

²⁷¹ Церковные ведомости. 1906, 22 июля, с. 365.

²⁷² Церковный вестник. 1907, 4 янв., с. 10.

Проект имел явный черносотенный налет и по разным причинам вызвал нарекания многих членов Присутствия даже из числа правых. В связи с этим общее собрание Присутствия не стало детально рассматривать проект, ограничившись принятием двух основных положений приходской реформы. Первое подчеркивало власть епископа над приходом и «пастырское руководство» священника. Второе объявляло российскую православную церковь верховным собственником всего приходского имущества, хотя и оставляло за приходом права юридического лица. Принятие этих положений означало, что одобренный IV отделом устав подлежит значительной переработке.

Окончание занятий Предсоборного присутствия не прервало споров среди правых деятелей по вопросу о приходской реформе. На страницах «Церковных ведомостей» завязалась долгая, многословная и утомительная полемика между членами Присутствия А. А. Папковым, И. С. Бердниковым и Л. А. Тихомировым. Первый, отстаивавший проект IV отдела, считал нужным расширить права приходского собрания вплоть до контроля за каждым прихожанином. Его оппоненты, неуверенные в благонадежности приходских собраний, стремились сузить их состав и укрепить власть приходского священника и епископа²⁷³. Широкие планы Папкова могли, конечно, привести к неожиданным для его автора результатам, а замысел исправления «грехов» при помощи шнуровой книги был нелепой реакционной утопией. Бердников и Тихомиров более трезво подходили к действительности, но при таком подходе возможно было осуществить только частные мероприятия, заведомо не решающие проблему сближения церкви со своими «пасомыми».

Тем не менее Синод продолжал заниматься этим безнадежным делом. Для окончательной выработки приходской реформы было образовано особое совещание под председательством сначала архиепископа финляндского Сергия, а затем — рижского Агафангела. Совещание закончило свою работу лишь к концу 1907 г.²⁷⁴

Предсоборное присутствие, расписавшись в верности существующему режиму и отвергнув предложенную обновленцами очень умеренную программу буржуазных реформ, не смогло выработать новых «рецептов» борьбы с революцией и новых способов укрепления «духовных оград». Победившая архиерейская партия все пожелания Предсоборного присутствия свела к упрочению положения церковных верхов в рамках существующей политической системы и к частичному преобразованию действующих церковных учреждений. Предложенные Предсоборным присутствием реформы не составляли буржуазную реформацию. Вместе с тем споры между правыми членами Присутствия, бро-

²⁷³ Всеподданнейший отчет обер-прокурора св. Синода по ведомству православного исповедания за 1905—1907 гг., с. 64, 113; Прибавления, 1907, 17 февр., с. 296—298; 1907, 10 марта, с. 455—461.

²⁷⁴ Всеподданнейший отчет обер-прокурора св. Синода по ведомству православного исповедания за 1905—1907 гг., с. 114—115.

саемые ими вскользь замечания о том, что «рецепция» подобных реформ, возможно, затягивается, говорили о том, что даже среди правых существовали сомнения в успехе подобной политики. Реформы без реформации заранее были обречены на неуспех.

*

Правительственная политика по отношению к православной церкви на протяжении 1906—1907 гг. не отличалась последовательностью. Этому немало содействовала происходившая в 1906 г. обер-прокурорская чехарда. Обер-прокурор Ширинский-Шихматов, последник обанкротившегося политического курса Победоносцева, оказался неподходящей кандидатурой для правительства П. А. Столыпина. 9 июля 1906 г. он получил отставку²⁷⁵. Поиски нового обер-прокурора сильно затянулись, и лишь 27 июля на эту должность был назначен П. П. Извольский. Новый обер-прокурор принадлежал к среднепоместному дворянству (в Балашовском уезде Саратовской губернии нераздельно с братом он владел имением в 1400 дес. земли), ранее, в правительстве Витте, Извольский занимал пост товарища министра народного просвещения.²⁷⁶ Частая смена обер-прокуроров еще более усиливала роль иерархии в церковном управлении. Обер-прокуратура Извольского оказалась долговечнее двух предшествующих, по это не очень укрепило его положение. Если Победоносцев считался одним из столпов режима, а Оболенский — ближайшим сподвижником и советником главы правительства, то Извольский был просто чиновником. Престиж обер-прокурорской власти при нем значительно уменьшился. Победоносцев действовал приказами и нравоучениями, Извольскому же приходилось прибегать к уступкам и закулисным действиям.

В 1906 г. правительство пошло на удовлетворение некоторых претензий высшей иерархии. Как уже говорилось, в реформированный Государственный совет были введены представители православного духовенства — три от белого и три от черного. В синодальном определении от 7 марта 1906 г. особо отмечалось, что право представительства в Государственном совете предоставлено православному духовенству не как одному из сословий, а как священнослужителям господствующей религии — в качестве одного из их преимуществ. Это явствует из того, подчеркивал Сипод, что «в Государственном совете не имеет представителей никакое иное духовенство, кроме православной церкви»²⁷⁷.

Выборы от черного духовенства осуществлялись епархиальными епископами. Белое духовенство выбирало своих кандидатов на благочиннических съездах, затем списки кандидатов объединялись епархиальным начальством и отсылались в Сипод, кото-

²⁷⁵ Там же, с. 70.

²⁷⁶ ЦГИА, ф. 797, оп. 76, I отд., 1-й стол, д. 112, л. 4—10 об.

²⁷⁷ Церковные ведомости, 1906, 18 марта, с. 134.

ный и избирал трех членов Государственного совета²⁷⁸. Таким образом, выборы от белого духовенства фактически подменялись назначением Синодом угодных ему лиц.

Проведенный в начале 1906 г. опрос епархиальных архиереев выявил иерархов, пользующихся наибольшим авторитетом в своей среде. Ими оказались Антоний петербургский (31 голос), Дмитрий херсонский (27 голосов) и Антоний волынский (26 голосов). Двое первых возглавляли умеренно правое, консервативное направление в церкви, последний — крайне правое. Три иерарха, ставшие первыми представителями черного духовенства в Государственном совете, по числу поданных за них голосов намного превзошли всех прочих кандидатов. В частности, довольно мало голосов получили московский и киевский митрополиты (соответственно 8 и 7). Последнего обошел даже Никон серпуховский, в то время всего лишь викарный епископ²⁷⁹.

Как показали дальнейшие события, участие в работе Государственного совета волей-неволей вовлекало представителей духовенства в открытую политическую борьбу, ставило перед ними самые острые вопросы текущего момента. Большинство же высшего духовенства привыкло к более завуалированным формам участия в политике. Это и явилось главным побудительным мотивом начавшегося бегства иерархов из верхней палаты. Об обстоятельствах ухода митрополита Антония говорилось выше. Согласно числу полученных голосов, петербургского митрополита должен был заменить один из его ближайших сподвижников, финляндский архиепископ Сергий. Однако будущему патриарху в то время еще не было 40 лет, и, согласно закону, он не мог стать членом Государственного Совета. Поэтому Антония заменил архиепископ Николай, бывший тверской, не имевший в то время своей епархии²⁸⁰.

В декабре 1906 г. сложил с себя звание члена Государственного совета архиепископ Димитрий²⁸¹, в январе 1907 г. — Антоний волынский²⁸². Теперь дошла очередь до Владимира московского и Флавиана киевского. Однако они, а также экзарх Грузии Никон отказались войти в Государственный совет. Освободившиеся места заняли архиепископ псковский Арсений и Никон, получивший к тому времени вологодскую кафедру²⁸³. Один из авторов московского погромного «поучения» быстро выдвигался на первые роли.

Закон о выборах в Государственную думу также открывал перед духовенством широкие возможности для участия в законодательной деятельности и политической борьбе. И все же, несмотря на эти уступки, в духовенстве, в том числе и высшем,

²⁷⁸ Там же, с. 133—134.

²⁷⁹ ЦГИАЛ, ф. 797, оп. 75, I отд., 1-й стол, д. 115, л. 52.

²⁸⁰ Там же, л. 110.

²⁸¹ Там же, л. 115.

²⁸² Там же, л. 129.

²⁸³ Там же, л. 140.

накапливалось недовольство политикой правительства. Главным источником этого недовольства, по-видимому, являлась задержка с созывом собора. В начале 1906 г. высшая иерархия не сочла обстановку благоприятной и сама затянула созыв. В дальнейшем, укрепив свои позиции, иерархия стала добиваться собора на выдвинутых ею условиях. Теперь уже некоторые группы обновленцев высказывались в пользу отсрочки собора. Полемизируя с подобным мнением, высказанным московской Комиссией по церковным вопросам, «Церковные ведомости» писали, что «тяжелое положение государства более, чем когда-либо, нуждается в живом голосе всей русской православной церкви для утишения смуты»²⁸⁴.

Однако опыт созыва I Думы, а также разногласия, обнаружившиеся даже в специально подобранным Предсоборном присутствии, заставляли правительство пересмотреть свое отношение к идее созыва собора. Свободно избранный собор мог стать источником новых неприятностей для правительства. С другой стороны, ему вряд ли нужен был собор, составленный по архиерейским рецептам. Принятие такого собора верующими, согласно откровенным заявлениям авторов этих рецептов, могло затянуться на неопределенно долгий срок. В таком случае проводить решения собора в жизнь пришлось бы при помощи административной машины самодержавия. При этом царизм не только не укрепил бы, но еще более осложнил свое положение. Кроме того, восстановление патриаршества, на чем настаивали иерархи, несомненно, затрудняло правительству контроль над церковными делами, и это тоже не ускоряло деятельности светских бюрократов по созыву Поместного собора.

Докладывая царю о ходе подготовительных работ, обер-прокурор Ширинский-Шихматов заявил, что собор может быть созван не ранее весны 1907 г.²⁸⁵ Происшедшая затем смена правительства и обер-прокурора также не ускорила дело. Осенью 1906 г., встретившись с всесильным тогда П. А. Столыпиным, Антоний волынский писал митрополиту Флавиану: «Он боялся собора и особенно боится патриарха. В безопасности первого я его убедил, а о втором он едва ли мечтает»²⁸⁶. Как свидетельствуют последующие события, Антонию лишь показалось, что он убедил премьера.

Отсрочка собора не являлась единственным источником недовольства правительством в духовной среде. Другим источником продолжал оставаться указ 17 апреля 1905 г., несмотря на то что правительство продолжало всячески его ограничивать. При распространении действия указа на территорию Финляндии, в январе 1906 г., было учтено пожелание финляндского епархиального начальства о повышении возрастного ценза, необходимого для

²⁸⁴ Прибавления..., 1906, 11 нояб., с. 2961.

²⁸⁵ ЦГИА, ф. 796, оп. 186, д. 657, л. 272.

²⁸⁶ Красный архив, 1928, т. 6(31), с. 209.

перехода в другое исповедание, до 25 лет²⁸⁷. В марте этого же года было издано дополнение к указу, запретившее публичную, вне храма, проповедь представителям всех исповеданий, кроме официального православия. Виновные в произнесении подобных проповедей, направленных к склонению из православия в другую веру, карались заключением в крепость на срок до одного года²⁸⁸.

Несмотря на то что правительство внимательно относилось к запросам православного духовенства, последнее так и не приимирилось с указом 17 апреля. Его критика становилась все более открытой. Архиепископ херсонский Димитрий заявил, что «во главе оздоровления и укрепления России поставили так называемую „свободу совести“, „веротерпимость“», что «церковь делали громоотводом» и что «усиление» «иноверия» и «инославия» сопровождается якобы «ограничением» православия²⁸⁹.

17 октября 1906 г. был издан указ, определявший порядок действий старообрядческих общин. Чтобы погасить возможное недовольство представителей официальной церкви, в подписанное царем положение Совета министров был включен пункт, предусматривавший скорейшую разработку проекта правил о православном приходе с представлением на законодательное рассмотрение тех их частей, которые затрагивают область гражданских отношений²⁹⁰. Таким образом, давалась санкция на проведение приходской реформы еще до собора. Однако церковные власти в тот момент не были готовы к проведению такой реформы. И тем не менее со стороны официальных церковников не замедлили появиться выражения обиды по поводу указа 17 октября 1906 г. Синодальный орган напечатал письмо «православного мирянина», который жаловался на то, что «церковно-общественное самоуправление щедрой рукой дано отщепенцам православия, а сама православная церковь забыта»²⁹¹.

Делая уступки не в меру «обидчивым» православным иерархам, правительство Столыпина все же пыталось провести в жизнь начала веротерпимости, хотя и в сильно зауженном виде. Это соответствовало общей линии политики правительства, стремившегося контрреволюционным путем разрешить некоторые поставленные революцией задачи. В представлении министра внутренних дел в Совет министров особо подчеркивалось, что всеми изменениями в законодательстве, связанными с проведением принципов свободы совести, «не должно быть отнюдь поколеблено» положение православия как «первенствующей и господствующей» религии. Это положение должно было выражаться в трех основных моментах. Во-первых, сохранялись в неизмененности

²⁸⁷ Прибавления..., 1906, 19 авг., с. 2435.

²⁸⁸ ЦГИА, ф. 797, оп. 76, II отд., 3-й стол, д. 302, л. 43.

²⁸⁹ Прибавления..., 1906, 16 дек., с. 3116.

²⁹⁰ Всеподданнейший отчет обер-прокурора св. Синода по ведомству православного исповедания за 1905—1907 гг., с. 66.

²⁹¹ Прибавления..., 1906, 11 нояб., с. 2945—2946.

сти статьи закона о том, что императорская чета, наследник и его супруга могут исповедовать только православную веру. Во-вторых, оставались в действии статьи закона об уплате, по сравнению с другими религиями, наказаний за проявление неуважения к православной вере и церкви, совершенное даже не во время богослужения. В-третьих, особо подчеркивалось первенствующее положение православного духовенства во время официальных церемоний, сопровождающихся богослужением²⁹².

Подписанное Столыпиным представление было передано на отзыв в Синод и, судя по некоторым документам, вызвало весьма болезненную реакцию со стороны его членов. В одной из синодальных записок говорилось даже, что указ 17 апреля, положивший начало проведению принципов веротерпимости, «нанес глубокую обиду православному вероисповедному чувству»²⁹³. Проект официального ответа на министерскую записку был написан в более умеренных тонах. В нем говорилось даже о «возвышенности и безусловной обязательности» проведенных в манифесте 17 апреля «широких начал веротерпимости». Однако содержание проекта сводилось к стремлению сузить эти якобы широкие начала. Наиболее резкие возражения Синода вызвало намерение предоставить всем основным исповеданиям одинаковые права религиозной пропаганды. Это возможно, демагогически заявляли авторы записки, «только или при полном равнодушии к вере со стороны законодательной власти или когда она перестанет быть русскою пародною».

Синод категорически возражал против разрешения браков между православными и представителями нехристианских исповеданий. Что же касается смешанных браков с «инославными» христианами, то Синод требовал, чтобы дети, рожденные в таком браке, были крещены и воспитывались в православной вере. Наконец, последнее требование Синода сводилось к тому, чтобы переход из православного исповедания в другое разрешался лишь по достижении 21 года, а не 17 лет, как предполагало министерство²⁹⁴.

Не признавая проведение закона о свободе совести делом не-отложным, Синод не торопился с ответом на министерское представление. Окончательный текст синодального определения был принят лишь в декабре 1907 г. и опубликован в «Церковных ведомостях» в 1908 г. Церковное руководство упорно отстаивало привилегии православной церкви, всеми способами стремясь помешать проведению в стране начал веротерпимости.

Но не только указанные выше вопросы (о старообрядцах, свободе совести и о созыве собора) порождали недовольство в церковных кругах правительенной политикой. Это недовольство питалось и постоянными трениями между светскими и духовными властями. Одна из причин этих трений состояла в продолжав-

²⁹² ЦГИА, ф. 797, оп. 76, II отд., 3-й стол, д. 302, л. 14 об.

²⁹³ Там же, л. 37.

²⁹⁴ Там же, л. 16—17 об.

шемся постоянном и грубом вмешательстве царских властей во внутрицерковные дела. В связи с этим показателен следующий случай. Один из священников Пензенской епархии по просьбе прихожан отслужил панихиду по члену I Думы М. Я. Герценштейну, убитому черносотенцами. Епископ Тихон перевел священника в другой приход. Мягкость наказания вызвала возмущение губернатора и местного предводителя дворянства. Поставленный ими в известность, Столыпин 29 сентября 1906 г. в личной записке Извольскому потребовал «уволить немедленно на покой самого архиерея вместе с мятеожным попом»²⁹⁵.

Трения между светскими и духовными властями возникали и вследствие того, что некоторые администраторы считали недостаточно энергичной борьбу церкви с революционным движением. В этой связи пермский губернатор требовал смещения местного епископа Никанора²⁹⁶.

Продолжавшееся революционное движение наводило правительственные бюрократов на мысль о малой эффективности церковной борьбы с революцией. В правительстве зрело недовольство малоподвижностью и инертностью православного духовенства, росло разочарование в его способности возродить свое влияние на народные массы. Некоторые видные бюрократы стали обращать свои взоры на старообрядческую иерархию. Товарищ министра внутренних дел С. Е. Крыжановский, познакомившийся с представителями старообрядческого духовенства во время разработки указа 17 октября 1906 г., позднее вспоминал: «В наруковых рясах, с худыми строгими лицами, оно резко отличалось от упитанного духовенства господствующей церкви с его шелковыми одеяниями, орденами и явным передко равнодушием к делам духовного мира; различие духовенства гонимого и торжествующего сказывалось с полной яркостью и невольно наводило на мысль, что возрождение церкви, о котором так охотно у нас говорили, могло бы пойти только от гонимого»²⁹⁷.

Известное разочарование в правительенных кругах вызвали итоги работы Предсоборного присутствия. В конце 1906 г. В. О. Ключевский, после беседы с вернувшимся из Петербурга Н. А. Заозерским, записал в дневнике о «безнадежном взгляде обер-прокурора Извольского на Синод и его тайных хлопотах освежить его состав»²⁹⁸. В декабре 1906 г. в составе Синода действительно были произведены изменения. Димитрий херсонский и Антоний волынский были отправлены в свои епархии, а их места заняли Сергий финляндский и Агафангел рижский²⁹⁹. Последний был известен как ловкий социальный демагог и опыт-

²⁹⁵ Там же, III отд., 5-й стол, д. 10, л. 563.

²⁹⁶ Там же, 4-й стол, д. 24.

²⁹⁷ Крыжановский С. Е. Воспоминания. [Берлин], б/г, с. 95.

²⁹⁸ Ключевский В. О. Указ. соч., с. 302.

²⁹⁹ Всеподданнейший отчет обер-прокурора св. Синода по ведомству православного исповедания за 1905—1907 гг., с. 68.

ный политик. В целом, однако, эти перестановки отнюдь не вдохнули «свежесть» в деятельность Синода.

Досадуя на инертность церковного руководства, на его неумение «оживить» деятельность церкви, «приблизить» ее к народу, представители правительства не сознавали, что непременным условием такого «оживления» (т. е. буржуазной реформации) должно было стать прекращение открытого союза между церковью и царской монархией, та или иная форма отделения церкви от государства.

Царизм и православное духовенство выступали верными союзниками в борьбе с революционным движением. Вместе с тем в период 1905—1907 гг. в их отношениях обозначился кризис, являвшийся отражением общего кризиса самодержавной системы.

В начале 1907 г. правительство попыталось отчасти урегулировать свои отношения с православной церковью. Извольский внес на рассмотрение Совета министров предположения об основах взаимоотношений государственной власти и православной церкви. В документе говорилось о проведении начал веротерпимости и свободы совести, однако вместе с тем подчеркивалось, что «правительство обязано силой основных законов неизменно стоять на страже прав и преимуществ православной церкви как господствующей в государстве». Наряду с этим правительство брало на себя обязательство сохранять «полную свободу» православной церкви в ее внутреннем самоуправлении, «наблюдая лишь за соответствием церковных распоряжений общим законам государства». «Содействовать успешному осуществлению собора и проведению в жизнь его будущих постановлений по мере государственной в том необходимости правительство почтает своим долгом», — говорилось в документе. В других его пунктах шла речь о приходской реформе, о государственном обеспечении духовенства, о допуске семинаристов в светские учебные заведения и, наконец, о церковноприходских школах. Не предрешая вопроса о ведомственной их принадлежности, обер-прокурор полагал, что они должны войти «как отдельная крупная величина» в общую сеть «рассадников народного просвещения»³⁰⁰. Тем самым в определенной степени учитывалось требование церковников, настаивавших на сохранении обособленности и конфессионального характера церковноприходских школ³⁰¹.

Представленный обер-прокурором документ был полон внутренних противоречий. С одной стороны, он, несомненно, отражал некоторые буржуазные тенденции (признание внутренней автономии церкви, начал веротерпимости). С другой стороны, он был проникнут стремлением к укреплению союза между царской монархией и православной церковью, что являлось фактором, тормозившим буржуазную реформацию. Правительство по-прежнему

³⁰⁰ Прибавления..., 1907, 27 янв., с. 151—152.

³⁰¹ Некоторые представители духовенства в это время настаивали на передаче под контроль церкви всего дела народного образования (Прибавления..., 1907, 2 июня, с. 892).

нуждалось в церкви как своей идеологической опоре и в связи с этим было готово сделать ряд важных уступок православной иерархии.

После публикации приведенного документа получили некото-
рый ход и материалы Предсоборного присутствия, сданные в Синод и несколько месяцев лежавшие без движения. 25 апреля 1907 г. были утверждены царем правила о созыве поместного собора и о порядке его работы. Они воспроизводили, без сколько-нибудь значительных отклонений, соответствующие постановления Предсоборного присутствия³⁰². Однако время созыва собора оставалось неизвестным. Во всяком случае, весной 1907 г. правительство, занятное борьбой со II Думой, не собиралось его созывать. Кризис в отношениях между царским правительством и православной церковью оставался до конца не преодоленным.

Не следует преувеличивать масштабы этого кризиса. В целом он не нарушал идеологического и политического союза между правительством и православной церковью. Выше говорилось о совместной борьбе церкви и правительства с массовым революционным движением, с «крамольными» Думами, об участии церкви в подготовке и проведении третьеионьевского переворота. Ниже пойдет речь о совместной борьбе полиции и церковного руководства с движением семинаристов.

*

Церковная власть довольно легко справилась с забастовкой духовных академий в конце 1905 г. Правительство предприняло меры и к прекращению движения семинаристов. 10 декабря 1905 г., по докладу министра просвещения, был разрешен прием в университеты выпускников семинарий³⁰³. Таким образом, в обстановке революционного подъема семинаристам удалось пробить первую брешь в той стене, которой духовное начальство отгораживало семинарии от общего потока политической, культурной и научной жизни страны.

Однако начальство ошиблось в своих расчетах на быстрое « успокоение » семинарий. В то время как академии приступили к занятиям, многие семинарии продолжали бастовать. Тогда Синод сделал попытку возобновить репрессии. Согласно синодальному определению от 8 февраля 1906 г., все воспитанники, не приступившие к занятиям после 15 января, подлежали исключению из семинарий. С начала 1906/1907 учебного года разрешалось восстанавливать только тех из них, в благонадежности которых семинарское начальство будет уверено³⁰⁴.

Исключив наиболее стойких забастовщиков, церковные власти добились возобновления занятий, но обстановка в семинариях во многом изменилась. « В нынешних учениках не стало страха,—

³⁰² Церковные ведомости, 1907, 6 мая, с. 119—120.

³⁰³ Церковный вестник, 1906, 15 июня, с. 785.

³⁰⁴ Церковные ведомости, 1906, 11 фев., с. 75.

жаловался один из семинарских педагогов,— того спасительного страха, которым поддерживалась дисциплина, искоренялись пороки, достигалось послушание». Семинаристы явочным порядком отменили «билетики», по которым их отпускали в город, свободно ходили по улицам в любое время, посещали концерты, спектакли, танцевальные вечера и даже — к ужасу «педагога» — политические собрания. И «педагог» со злостью отмечал, что «ученики очень хорошо усвоили девиз „в единении сила“»³⁰⁵.

Семинаристы действительно извлекли этот полезный урок из опыта своей борьбы и протекавшего у них на глазах освободительного движения. Стремление к сплочению и единству действий наблюдалось не только внутри семинарий, но и между отдельными семинариями. 12—13 февраля 1906 г. во Владимире нелегально происходил II съезд семинаристов, собравший делегатов от 18 семинарий. Признав неудовлетворительность существующей духовной школы, съезд потребовал полной ее перестройки, выдвинул лозунг создания «свободной школы». Исходя из того, что «свободная школа возможна только в свободном государстве», делегаты заявили о своей поддержке освободительного движения. «...Только уничтожение настоящего государственного режима даст нам возможность полного и всестороннего развития наших умственных и нравственных сил», — говорилось в протоколе съезда. Он поставил своей целью объединить всех семинаристов в единый союз, создать в каждой семинарии его комитеты и выступать единым фронтом в случае репрессий со стороны начальства. «Что же касается преобразований школы при помощи Сипода,— отмечалось в принятой резолюции,— то, признавая его неспособность к коренным реформам, делегаты съезда считают бесполезным подачу ему петиций о преобразовании»³⁰⁶.

Сравнение цитированных документов с решениями I общесеминарского съезда, состоявшегося также во Владимире летом 1905 г., говорит о том, что организованные семинаристы решительно вышли из узких академических рамок и примкнули к общему потоку демократического движения. Выдвинутое на втором владимирском съезде требование «Свободная школа в свободном государстве» стало главным лозунгом семинарского движения.

После II съезда движение продолжало оставаться разобщенным, и существование союза являлось лишь номинальным. Он превратился в реальную силу лишь после III съезда, состоявшегося в Москве 25—27 декабря 1906 г. Принятый на съезде устав общесеминарского союза вменил в обязанность местным организациям оказывать содействие партиям социал-демократов и социалистов-революционеров. Союзставил своей целью не только разрешение чисто академических, образовательных задач, но и активное участие в освободительном движении. Это должно было

³⁰⁵ Церковный вестник, 1906, 30 марта, с. 402—403.

³⁰⁶ ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1905, оп. 233, II отд., д. 1000, ч. 10, л. 9—10.

выражаться как в «присоединении к общим боевым выступлениям широких масс революционного народа», так и в «частичных выступлениях собственными силами». Руководство союзом возлагалось на центральный комитет, создававшийся на основе одного из местных комитетов. Согласно решению III съезда, эти обязанности были возложены на комитет Вятской семинарии³⁰⁷.

В январе 1907 г. из Вятки во все семинарии были разосланы документы съезда. Центральный комитет призывал семинаристов вступать в ряды Всероссийского общесеминарского союза. На призыв откликнулись 36 семинарий. Наиболее многочисленные местные организации Общесеминарского союза образовались в Вятке (327 человек), Смоленске (112 человек), Новгороде (100 человек), Москве и Туле (по 60 человек)³⁰⁸. Вятская организация, самая многочисленная, занималась устройством пропагандистских кружков в семинарии, выписывала социалистическую литературу, создала свою собственную библиотеку-читальню, приступила к изданию журнала. Члены организации распространяли в городе воззвания о помощи голодающим. Впрочем, руководители организации жаловались на апатию и малозначительность рядовых членов³⁰⁹.

Архангельские семинаристы (79 человек) участвовали в демонстрации 20 февраля 1907 г., в день открытия II Думы. В марте этого же года центральный комитет союза разослал циркуляр, предлагая местным комитетам «вести среди членов своей организации самую широкую агитацию» за посылку приветственных писем и телеграмм социал-демократической и эсеровской думским фракциям³¹⁰.

Семинарское движение все теснее сливалось с общим потоком демократического движения. По отношению же к официальной церкви это было центробежное движение, направленное на отрыв от нее. Именно это продолжало оставаться главным в семинарском движении. Участие в нем являлось для семинаристов лишь первой ступенькой политического развития. Отсюда происходил и некоторый «провинциальный» налет Общесеминарского союза: наиболее многочисленные и активные его организации находились в небольших городах, удаленных от крупных центров. Там, где политическое сознание семинаристов повысилось, где они уже окончательно сделали свой выбор, присоединившись либо к социал-демократам, либо к эсерам, там деятельность Общесеминарского союза не имела успеха. Так, например, обстояло дело в Ярославской семинарии³¹¹. Ввиду резкого политического

³⁰⁷ Более подробно решения московского съезда изложены в книге Титлина (Титлинов Б. В. Молодежь и революция: Из истории революционного движения учащейся молодежи духовных и средних учебных заведений, 1860—1905. Л., 1924, с. 105—110).

³⁰⁸ ЦГАОР, ф. 108, ОО, 1907, оп. 237, д. 89, т. 1, л. 23—24.

³⁰⁹ Там же, л. 178 об.—179.

³¹⁰ Там же, л. 34, 112—112 об.

³¹¹ Там же, т. 2, л. 192.

размежевания учащихся довольно тую шло образование местной организации союза и в Одесской семинарии. Здесь некоторые семинаристы примкнули к черносотенцам. Среди демократической части одесских семинаристов началось формирование кружков социал-демократов и эсеров. Эти кружки вскоре перенесли свою основную работу за стены семинарий³¹². Не удалось привлечь к деятельности участию в союзе и петербургских семинаристов, наиболее активная часть которых распределилась между «прогрессистами» (т. е. либералами), эсерами, анархистами и социал-демократами³¹³.

Деятельность Общесеминарского союза вскоре попала в поле зрения полиции и духовного начальства. В марте 1907 г. директор Департамента полиции М. И. Трусевич в докладе министру внутренних дел Столыпину подчеркнул, что «Всероссийский общесеминарский союз, имеющий целью увлечение семинаристов на путь революции, является сообществом безусловно преступным»³¹⁴. В апреле того же года вышедший из терпения орловский епископ Серафим жаловался отставному обер-прокурору Ширинскому-Шихматову: «Нас поражают Синод и Учебный комитет относительно Вятской семинарии, где гнездо революции и откуда забрасывают прокламациями все семинарии. Неужели не знают?.. Необходим экстренный тайный обыск всей семинарии в Вятке... В Петербурге, по-видимому, закупорка мозгового кровообращения. Министры-октябристы не видят и не хотят ничего видеть»³¹⁵.

Весна и начало лета 1907 г. стали самым драматичным периодом в истории Общесеминарского союза. Его центральный комитет приступил к подготовке нового съезда, на который теперь предполагалось привлечь и представительниц епархиальных женских училищ³¹⁶. Кроме того, руководство союза начало сношения с местными организациями по вопросу о бойкоте переходных экзаменов, восстановленных, согласно распоряжению Синода, в текущем учебном году³¹⁷.

Эти действия семинаристов заставили полицию и духовное начальство поспешить с репрессиями. В ночь на 1 апреля полиция произвела «ликвидацию» местного комитета в Новочеркасской семинарии³¹⁸. В Томске борьбу против «мятежных» семинаристов возглавил епископ Макарий. Путем давления и угроз епархиальному начальству удалось заставить местную организацию выдать номера своего журнала, гектографические принад-

³¹² Там же, т. 1, л. 179 об.—182. См. также: Бузько Д. Поповичи-революционеры.— В кн.: Пути революции. Харьков, 1925, № 3, с. 113—114.

³¹³ ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1907, оп. 237, д. 89, т. 2, л. 72—72 об.

³¹⁴ Там же, т. 1, л. 24.

³¹⁵ Там же, л. 123.

³¹⁶ Там же, т. 2, л. 142 об.

³¹⁷ Там же, т. 1, л. 204—205 об.

³¹⁸ Там же, л. 82.

лежности и списки своих членов. Организация объявила о само-
ропуске³¹⁹.

Департамент полиции слал телеграмму за телеграммой, требуя «ускорить вятскую ликвидацию» ввиду «сильного развития Семинарского союза»³²⁰. Особая озабоченность полицейских властей объяснялась, по-видимому, тем, что ожидающийся бойкот экзаменов должен был вызвать массовые «беспорядки» по всем семинариям. Волнения могли перекинуться в другие учебные заведения. Новая волна студенческого движения создала бы дополнительные трудности для правительства, занятого подготовкой государственного переворота.

Между тем вятские жандармы, несмотря на все понуждения, никак не могли обуздить местную семинарию. Наружные наблюдения результатов не дали, а внедриться в состав центрального комитета полиции, видимо, не удавалось. В одной из телеграмм Трусович с раздражением отмечал, что Вятское губернское жандармское управление «совершенно беспомощно». Ввиду этого «вятская ликвидация» была поручена Самарскому губернскому жандармскому управлению. Его начальник выехал в Вятку, захватив с собой фильтров, но тоже не смог организовать быстрой «ликвидации». С большим трудом жандармам удалось узнать состав центрального комитета во главе с учеником 3-го класса Н. Кривошицыным. Существенную помощь в этом оказал синодальный ревизор Тихомиров, направленный из Петербурга для обследования Вятской семинарии³²¹.

Духовное ведомство вмешалось в события и иным путем. 26 апреля обер-прокурор Извольский разослал по епархиям секретный циркуляр, в котором предупреждал о готовящемся бойкоте и рекомендовал «принять самые настоятельные меры» к его предупреждению³²². Циркуляр, очевидно, был издан на тот случай, если неповоротливые жандармы не успеют «ликвидировать» центральный комитет до того, как будет дан сигнал к бойкоту. В действительности так и произошло. Получив сведения о настроениях на местах, центральный комитет принял решение о проведении бойкота и 4–5 мая разослал по семинариям условные телеграммы. Вскоре, в ночь на 9 мая, в Вятке произошла «ликвидация». При этом полиция арестовала 10 семинаристов, 2 надзирателей духовного училища и 2 посредников, через которых осуществлялась связь с иногородними организациями³²³.

Хотя духовному начальству и полиции не удалось предотвратить бойкот, но, поскольку он не был для них неожиданностью, они смогли сильно ограничить его размах. Комитет Тамбовской семинарии, временно взявший на себя обязанности центрального комитета, был ослаблен предыдущими исключениями и не смог

³¹⁹ Там же, т. 2, л. 26–27.

³²⁰ Там же, т. 1, л. 100, 101, 103.

³²¹ Там же, л. 103, 198, 223 об.

³²² Там же, т. 2, л. 142–142 об.

³²³ Там же, л. 42, 81.

координировать деятельность других организаций³²⁴. В ряде семинарий на настроение воспитанников подействовали произведенные полицией повальные обыски³²⁵. Тверской епископ Алексий, получив циркуляр Извольского, вошел в сношение с губернатором, и телеграмма о бойкоте была перехвачена³²⁶.

В той или иной степени бойкот затронул 9 семинарий. В десяти произошли «беспорядки»³²⁷. В большинстве случаев они были вызваны грубыми действиями духовной администрации и полиции при попытках подавить бойкот. Смоленская семинария была закрыта. По ходатайству правления семинарии в нее были введены войска для удаления воспитанников³²⁸. В Тобольске, в связи с начавшимся в семинарии бойкотом, возникло даже некоторое недоразумение между местным епископом Антонием и губернатором Н. Л. Гондатти. Епископ просил произвести аресты, сделать обыски в семинарии и на квартирах воспитанников. При этом указывалось на особое удобство проведения таких операций в ночное время. Губернатор возражал, ссылаясь на то, что до сих пор воспитанники нарушали только школьную дисциплину и что семинарское начальство еще не использовало «всех мер воздействия». Не добившись обысков и арестов, тобольское епархиальное начальство исключило из семинарии 136 воспитанников³²⁹. В Калужской семинарии, где ученики устроили демонстрацию с пением «Марсельезы», было отстранено от занятий до 150 человек³³⁰. Многочисленные исключения произошли в Вологодской семинарии³³¹.

Дезорганизация семинарского движения, вызванная арестами его вожаков, привела к оживлению среди семинаристов стихийно-бунтарских и экстремистских настроений. В Пензе был убит ректор семинарии архимандрит Николай³³². Руководство Общесеминарского союза, колебавшееся между социал-демократами и эсерами, вместе с тем никогда не проповедовало свойственную последним тактику терроризма.

Борьба с семинарским движением являлась одним из направлений контрреволюционной деятельности церкви. В этой борьбе преобладали грубо-усмирительные методы. Широко практиковалось сотрудничество с полицией. Вместе с этим Синод все же попытался извлечь из событий некоторые уроки и в течение 1906—1907 гг. провести ряд мер «позитивного охранительства». За счет сокращения программ по древним языкам и библейской истории в семинариях было расширено преподавание физико-математических дисциплин, новых языков, словесности и истории

³²⁴ Там же, л. 127, 132.

³²⁵ Там же, л. 61—62.

³²⁶ Там же, л. 151 об.

³²⁷ Там же, л. 450 об.

³²⁸ Там же, л. 23.

³²⁹ Там же, л. 137—139.

³³⁰ Там же, л. 126—126 об.

³³¹ Там же, л. 87—87 об.

³³² Там же, л. 162.

литературы (раньше в семинариях курс литературы обрывался на начале XIX в., не включал даже Пушкина и Гоголя). Тем самым духовная школа, до сих пор пребывавшая как бы в постороннем мире, сделала шаг навстречу запросам современности. Произошли и другие изменения. Прием иносословных воспитанников был разрешен свыше установленных прежде 10%. Одновременно на 18% сокращалось количество казенномкоштных окладов в семинарии³³³. Это означало, что среди семинаристов уменьшалось число выходцев из бедных семей духовного сословия и увеличивалась прослойка выходцев из буржуазной среды. Подражая правительенным верхам, церковь также делала «ставку на сильных». Эта мера, изгонявшая из семинарий наиболее демократические элементы, на первых порах действительно могла внести некоторое «успокоение» в семинарские стены. Но она должна была повлечь за собой и другие, более важные последствия. Мятежные дети диаконов и псаломщиков рвались из духовного сословия. Иносословные семинаристы, как правило, наоборот, хотели войти в состав духовенства.

Выше отмечались попытки сближения церкви с буржуазными кругами (приглашение на епархиальные съезды церковных старост, усиленная пропаганда принципа частной собственности в связи со столыпинской аграрной реформой). Но данное мероприятие Синода, предпринятое в ответ на семинарские волнения, являлось наиболее крупным шагом в этом направлении. Речь шла о частичном отказе от кастовой замкнутости духовенства и пополнении его рядов буржуазными элементами. Борясь против обновленчества, Синод некоторыми своими мероприятиями невольно расширял его базу.

*

В 1906—1907 гг. борьба с революционным движением оставалась главным направлением церковной политики. Все остальные направления были отодвинуты на второй план еще осенью 1905 г. Выше отмечались те новые моменты, которые появились в борьбе церкви с массовым революционным движением в 1906—1907 гг. Но основные средства борьбы оставались старыми. В частности, не претерпело больших изменений патриархально-монархическое содержание церковной проповеди. Происшедшие в ней изменения заключались лишь в более настойчивом подчеркивании «святости» частной собственности, вплоть до защиты богатства, и развертывании интенсивной антисоциалистической пропаганды. Но эти элементы, хотя и в меньшей мере, присутствовали в церковной проповеди и ранее. Увеличение их «дозы» было ответной реакцией церкви на революционные события.

³³³ Всеподданнейший отчет обер-прокурора св. Синода по ведомству православного исповедания за 1905—1907 гг., с. 236—245, 271.

К своеобразным формам контрреволюционной деятельности церкви следует отнести и ее участие в избирательных кампаниях, «парламентскую» деятельность правого духовенства, борьбу с семинарским движением, гонения на священников-демократов и отчасти даже на либеральных священников. (И те и другие, как известует из имеющихся источников, составляли в духовенстве очевидное меньшинство.) Не следует оставлять без внимания и участие церкви в подготовке и проведении третьеиюньского государственного переворота.

Отношения между церковными верхами и правительством в исследуемый период нельзя определить однозначно. На первом плане в этих отношениях, бесспорно, находились элементы сотрудничества. Однако неистребимо присутствовали и зерна взаимного недовольства. Правительство не без оснований полагало, что под видом мер по усилению авторитета церкви среди верующих иерархия добивается проведения мероприятияй, которые лишь увеличивают ее привилегии и укрепят позиции в действующей системе власти. Не понимая, что главный урон авторитету церкви наносит ее «дружба» с самодержавием, царские правители начинали подумывать о том, не следует ли сделать ставку на другую православную церковь — старообрядческую, менее инертную и более, как им казалось, близкую к народу. Это вызывало чувство ревности в среде официального православия. Это чувство усугублялось тем, что реформы, касавшиеся собственно православной церкви, всякий раз словно натыкались на какое-то невидимое препятствие.

Вопрос об укреплении «духовных оград» в 1906—1907 гг. стоял не менее остро, чем в 1905 г. С начала обер-прокуратуры Оболенского наступил новый этап церковного движения, который условно был назван обер-прокурорским. Вопреки ожиданиям, этот этап также дал чрезвычайно малые практические результаты (кроме определения о церковноприходских советах ничего не было проведено в жизнь). В то же время он характеризовался наибольшим обострением внутрицерковной борьбы. По-видимому, само правительство смущалось остротой борьбы в Предсоборном присутствии. Во всяком случае, раскол в господствующей церкви и церковные потрясения не входили в планы ни одного из сменявшихся правительств. Предсоборное присутствие было пополнено правыми деятелями, и архиерейская «партия» победила. Инициатива вновь оказалась в руках иерархии, как это уже было в марте 1905 г. Выдвинутая ею программа реформ вовсе не имела характера буржуазной реформации. Если правительство после Витте утратило веру в «серого мужичка», то среди высших церковников представления о патриархальных «простецах» продолжали довольно стойко держаться. Поэтому иерархия, по-видимому, действительно полагала, что усиление ее власти и внешнего блеска способно повысить авторитет церкви.

В отличие от иерархии, обновленческое духовенство не отказывалось признавать происшедшие в народном сознании глубокие

изменения и в связи с этим более ясно видело всю опасность положения официальной церкви. В первые месяцы 1906 г. обновленческое движение сделало значительный шаг вперед в своей эволюции. Если раньше оно ограничивалось вопросами организационной перестройки церкви, то теперь попыталось выработать и начать своей социальной программы. Обновленцы сумели выйти, наконец, за пределы правого лагеря и на некоторое время даже примкнули к кадетам, не меняя, впрочем, своего открыто враждебного отношения к революционному движению. Однако свойственное православию почитание власти оказалось в крови и у обновленцев. Они стали отходить от кадетской партии, как только оказалось, что ее представители имеют очень мало шансов занять министерские кресла. Этот отход продолжался несмотря на то, что кадеты готовы были внести важные изменения в свою программу, чтобы заручиться поддержкой обновленческого крыла духовенства. В рядах кадетской партии оставались только его отдельные представители. Обновленцы же в целом сместились к границе правого лагеря.

Консерватизм обновленческого движения, его раздробленность, «кружковщина» позволили иерархии довольно быстро его обуздить и поставить под свой контроль. Наиболее несговорчивые и радикальные элементы были исключены из духовного сословия. В значительной мерестерлись расхождения между церковным руководством и крайне правым крылом духовенства во главе с несколькими черносотенными иерархами. Это произошло, во-первых, за счет того, что примерно с середины 1906 г. в обстановке отступления революции и поправления правящих верхов стал происходить сдвиг вправо всей иерархии и почти всего духовенства. Во-вторых, представители черносотенного крыла сумели упрочить свое положение в церковной организации и стали оказывать более значительное влияние на общий курс церковной политики. Если в начале 1906 г. заговорили было о расколе церкви, то к концу этого года она, казалось, вновь упрочила свое единство. Однако это единство было только видимым. Церковь продолжала испытывать глубокий внутренний кризис, обусловленный несоответствием ее обветшавших социально-политических доктрин и внутреннего строения сложившимся в стране капиталистическим отношениям. Главные же проявления этого кризиса заключались в отходе от официальной церкви широких народных масс, в народном антиклерикальном движении, продолжавшемся и на втором этапе революции.

Антиклерикальное движение на втором этапе революции

1906—1907 годы явились периодом постепенного отступления революции. Пролетариат и крестьянство вели упорные оборонительные бои. Опыт этих боев, а также непреходящих по своему значению революционных сражений 1905 г. содействовал небыва-

лому росту политического сознания широких народных масс. Поэтому антиклерикальное движение на втором этапе революции было не менее интенсивным, чем на первом.

В западноевропейских странах в борьбе против клерикализма активно участвовали буржуазные и мелкобуржуазные партии. Наглядным примером может служить отделение церкви от государства во Франции, проведенное в 1905—1906 гг. буржуазными правительствами Э. Комба и М. Рувье. В России буржуазные партии (мы это видели на примере кадет) не решались даже заявить подобное требование в своей программе. Задачи борьбы с клерикализмом были четко и последовательно сформулированы в программе партии российского пролетариата, возглавившей народное антиклерикальное движение.

Неустанная пропагандистская деятельность большевистской партии в пролетарской среде, разоблачение ею всех сил старого строя, распространение идей социализма и разъяснение основ научного мировоззрения содействовали тому, что рабочие оказались невосприимчивы к церковной проповеди. Деятелям официальной церкви так и не удалось прочно внедриться в их среду. Постепенно приходило в упадок петербургское Сампсониевское христианское братство. В 1908 г. «Братство» все еще не могло рассчитаться с долгами по постройке собственного дома. Одно из его помещений, в котором должна была разместиться амбулатория, теперь предполагалось сдать в аренду³³⁴. «Братство» свертивало свою деятельность в самый, казалось бы, благоприятный для него период, когда наступило временное затишье в рабочем движении. Все объяснялось отсутствием жертвователей. Не видя практических результатов деятельности братства, предприниматели не спешили его субсидировать.

Попытки представителей казенной церкви внедриться в пролетарские массы иногда служили сигналом для антиклерикальных выступлений. В марте 1907 г. член II Думы епископ Евлогий отправился на ниточную фабрику Макселя в Петербурге, чтобы отслужить молебен и провести беседу. Переполненный зал встретил его дружной обструкцией. «За что вы мне устроили враждебную демонстрацию? — спросил епископ, когда шум несколько стих. — Я приехал с Евангелием, чтобы прийти вам на помощь, духовно поддержать вас». «Ты бы похлопотал за наших детей, которые сидят в тюрьме», — послышалось из зала³³⁵.

Антиклерикальные выступления происходили даже в небольших уездных городках. В декабре 1906 г. черносотенная проповедь священника Колпинского в Ельце была прервана возгласами: «Долой черносотенца!.. Живут не по Евангелию!...»³³⁶ Аптиклерикальное движение рабочих на втором этапе революции изучено недостаточно. Однако на основании некоторых данных можно считать, что отход рабочих от религии и церкви принимал

³³⁴ ЛГИА, ф. 19, оп. 99, д. 3, л. 19 об.—20.

³³⁵ Евлогий, митрополит. Указ. соч., с. 179.

³³⁶ Смирнов А. Указ. соч., с. 134—135.

массовый характер. Епископ Макарий в отчете за 1907 г. писал, что томские рабочие являются «по своим верованиям и убеждениям атеистами и обожателями материи и природы». Епископ жаловался на то, что рабочие не посещают храмов, не бывают на исповеди, не соблюдают постов³³⁷.

На втором этапе революции продолжались антиклерикальные выступления крестьянства. Большевистское требование конфискации помещичьих, удельных, церковных и монастырских земель отвечало коренным интересам крестьянства и находило в его среде широкую поддержку. Крестьянские депутаты в Думе заявляли о необходимости отчуждения церковных и монастырских земель. Однако крестьяне вовсе не собирались пассивно ожидать решения Думы. В январе 1906 г. харьковский архиепископ Арсений в телеграмме обер-прокурору Синода, сообщая о разгроме крестьянами Ахтырского уезда владений Ряснянского Дмитриевского монастыря, просил «побудить местные власти употребить меры к прекращению бедствия»³³⁸. Иначе говоря, архиепископ потребовал прислать войска для подавления крестьянского движения. Подобные события происходили в то время и в Сибири: крестьяне Абалакской волости Тарского уезда Тобольской губернии приступили к вырубке монастырского леса³³⁹.

Продолжалась крестьянская борьба против церковного землевладения. В 1906 г. в Архангельской губернии крестьяне Шеговарского и Ваенгского приходов Шенкурского уезда и Брин-Наволоцкого прихода Холмогорского уезда завладели церковнопричтовыми землями³⁴⁰. В Воронежской губернии это движение не стихало вплоть до последних дней революции. В мае 1906 г. крестьяне слободы Старая Криуша Богучарского уезда скосили 69 дес. церковного луга, свезли сено и прогнали волостного старшину и урядника, пытавшихся осмотреть потраву. В этом же месяце крестьяне поселка Каширского Воронежского уезда распахали под озимые посевы 25 дес. церковной земли. В августе крестьяне слободы Петропавловки захватили у местного причта 66 дес. земли и поделили ее между собой³⁴¹. В сентябре жители слободы Ново-Осиповой Острогожского уезда сдали в аренду земельные угодья местной церкви³⁴². Осенью и зимой движение временно затихло, но в мае 1907 г. крестьяне слободы Старая Криуша вновь скосили церковный луг. В результате последовавших вслед за этим репрессий в тюрьме оказалось 129 крестьян,

³³⁷ Бакаев Ю. Н. Атеизм рабочих Сибири в годы первой русской революции.—Изв. Сибирского отд-ния АН СССР. Сер. обществ. наук, Новосибирск, 1976, № 11, вып. 3, с. 80.

³³⁸ Революция 1905—1907 гг. в России. Второй период революции, 1906—1907 гг.: Документы и материалы. М., 1959, ч. 1, кн. 2, с. 137.

³³⁹ Кондриков Б. В. Крестьянское движение в Западной Сибири в период первой русской революции. Омск, 1976, с. 150.

³⁴⁰ ЦГИА, ф. 797, оп. 76, III отд., 5-й стол, д. 10, л. 614.

³⁴¹ Степынин В. А. Хроника революционных событий в деревне Воронежской губернии (1861—1919). Воронеж, 1977, с. 94, 95, 124.

³⁴² ЦГИА, ф. 797, оп. 76, III отд., 5-й стол, д. 10, л. 677.

приговоренных к заключению на срок от двух месяцев до двух лет. 31 мая 1907 г. причтовые луга скосили также крестьяне слободы Новая Калитва Острогожского уезда³⁴³.

Выступления против духовенства вплетались в канву как первой, так и второй социальных войн, происходивших в деревне. Во время антипомещичьих выступлений в Чистопольском уезде Казанской губернии (июнь 1906 г.) был подожжен дом священника села Змиевки Мудрова³⁴⁴. По-видимому, это произошло не случайно, поскольку священники нередко выступали в защиту помещичьего имущества и пытались удержать крестьян от выступлений. В том же году крестьяне села Большая Лепатиха Мелитопольского уезда Таврической губернии разгромили усадьбы некоторых своих односельчан. При этом были подожжены надворные постройки местного священника³⁴⁵. И это событие не было случайным, если иметь в виду наметившееся сближение интересов духовенства и сельской буржуазии, заметное даже по содержанию церковных проповедей.

Известная же всем близость духовных и светских властей обрачивалась тем, что крестьянские антиправительственные выступления приобретали и антиклерикальную направленность. В июле 1906 г. крестьяне села Левая Россось Коротоякского уезда Воронежской губернии приняли приговор об отказе платить налоги, удалении сельских властей, полиции и священника³⁴⁶. В этом же месяце восставшие крестьяне села Ильмина Городищенского уезда Пензенской губернии вынудили спасаться бегством священника А. Кургаева. «Он за царя стоит и его беззаконное правительство», — говорили крестьяне³⁴⁷.

В июле 1906 г. в Кронштадте, во время агитационной поездки, был арестован член распущенной к тому времени I Думы трудовик Ф. М. Оницко. В газетах сообщалось, что бывшему депутату грозит военный суд. Оницко был избран в Думу от крестьян Ставропольской губернии, и среди последних началось движение за его освобождение. Крестьяне составляли приговоры, посыпали телеграммы на имя председателя Совета министров, требовали от священников служения молебнов о спасении Оницко. Священник села Ладовской Балки Попов, неодобрительно отзавшийся об Оницко, должен был покинуть приход и был перемещен епархиальными властями в другое место. Священнику села Безопасного А. Семилуцкому, убеждавшему подчиниться правительству, крестьяне запретили служение в приходской церкви. Отобранные у него ключи от церкви были переданы другому священнику. Вынужден был временно оставить свой приход и

³⁴³ Степынин В. А. Указ. соч., с. 129.

³⁴⁴ Революция 1905—1907 гг. в России. Второй период революции, 1906—1907 гг.: Документы и материалы, ч. 2, кн. 2, с. 262.

³⁴⁵ ЦГИА, ф. 797, оп. 76, III отд., 5-й стол, д. 2а, л. 186.

³⁴⁶ Степынин В. А. Указ. соч., с. 120.

³⁴⁷ ЦГИА, ф. 797, оп. 76, III отд., 5-й стол, д. 10, л. 586—586 об.

священник села Петровского Орлов³⁴⁸. Характерно, что во всех перечисленных случаях священники изгонялись не на основании их личных качеств, а по политическим мотивам.

Изгнание реакционных священников являлось одной из самых острых форм крестьянского антиклерикального движения. Таким путем достигалось выключение одного из участков церковного пропагандистского аппарата. Новый священник, пришедший на место изгнанного, или же прежний, вернувшийся после вынужденной отлучки, долго помнили полученный урок.

Иногда выключение того или иного участка пропагандистской работы церкви происходило и без изгнания священников. 31 июля 1906 г. в селе Сокулье Луцкого уезда Волынской губернии после богослужения в местной церкви священник Лелякевич прочел манифест о роспуске Думы и стал говорить проповедь о том, «чтобы никто не покушался на чужую собственность». Не дослушав помещичьего защитника, крестьяне стали демонстративно покидать церковь. Ночью у священника были разбиты окна и повалена изгородь³⁴⁹. В начале 1906 г. настоятели многих церквей Шенкурского уезда Архангельской губернии получили приговоры сельских обществ о недопустимости произнесения священниками проповедей политического характера и о прекращении сборов на епархиальные нужды³⁵⁰. Таков был ответ крестьянства на монархическую пропаганду духовенства.

Отказы от взносов на общеепархиальные нужды и снижение платы за требоисправления продолжали оставаться наиболее массовой формой крестьянского антиклерикального движения. В Черниговской губернии прихожане требовали от церковных старост, чтобы они не делали никаких взносов на нужды епархии³⁵¹. Даже в сравнительно «спокойной» Вологодской губернии в 1906 г. участились случаи резкого сокращения крестьянами платы за требоисправления³⁵². «Не проходит дня,— с сожалением отмечали «Самарские епархиальные ведомости»,— чтобы не было получено откуда-нибудь известия, что прихожане отказываются платить содержание священнику»³⁵³. Вследствие отказов крестьян давать средства на содержание причтов Екатеринбургское епархиальное начальство даже вынуждено было в 1908 г. временно прикрыть два прихода (один в Екатеринбургском уезде, другой — в Камышловском)³⁵⁴. Таким образом, снижение платы за требоисправления в конечном итоге приводило к такому же результату — выключению отдельных участков церковно-пропагандистского аппарата.

³⁴⁸ Там же, д. 23, л. 81—81 об.

³⁴⁹ Там же, л. 84—84 об.

³⁵⁰ Прибавления..., 1906, 1 апр., с. 733—734.

³⁵¹ Емелях Л. И. Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М.; Л., 1965, с. 144.

³⁵² ЦГИА, ф. 797, оп. 76, III отд., 5-й стол, д. 10, л. 719—720.

³⁵³ Прибавления..., 1907, 31 марта, с. 598.

³⁵⁴ Емелях Л. И. Указ. соч., с. 140.

В годы революции получил развитие еще один вид крестьянского антиклерикального движения — борьба за замену церковной школы светской. Крестьяне слободы Ново-Осицовой Острогожского уезда Воронежской губернии, составившие приговор о сдаче в аренду церковной земли, постановили также уменьшить плату за требоисправления и передать в ведение земства местную церковноприходскую школу³⁵⁵. В 1905—1907 гг. духовному ведомству, в основном за счет казенных субсидий, удалось открыть 808 новых церковноприходских школ. Число же «школ грамоты», содержавшихся духовным ведомством за счет крестьян, продолжало быстро сокращаться (за три года на 4468). В обер-прокурорском отчете этот факт объяснялся «уменьшением местных средств по случаю войны с Японией и начавшихся затем смут»³⁵⁶. Неуклонно сокращались поступления на церковноприходские школы от сельских, волостных и станичных обществ, а также от приходских попечительств. В результате общая сумма местных поступлений на церковноприходские школы за три года уменьшилась на 288,3 тыс. руб.³⁵⁷

Духовные власти прилагали большие усилия для насаждения церковноприходских попечительств. За период 1905—1907 гг. им удалось открыть 927 новых попечительств. Однако сумма расходов церковноприходских попечительств (основная ее часть по-прежнему шла на поддержание и украшение церквей) сократилась с 4,026 млн. руб. в 1905 г. до 3,99 в 1907 г. Если в 1905 г. в среднем одно попечительство расходовало 208 руб., то в 1907 г.— 200³⁵⁸. Очевидно, в ряде случаев попечительства совершенно лишились крестьянами средств и продолжали существовать лишь на бумаге.

Антиклерикальное движение крестьян коснулось и церковноприходских советов, образованных согласно синодальному определению от 18 ноября 1905 г. Выше уже отмечалось, что в некоторых местах крестьяне отказывались их избирать. Имели место и другие случаи. В селе Алисове Фатежского уезда Курской губернии председателем приходского совета был избран учитель местной земской школы. Руководимый им совет предложил отменить плату за требоисправления и назначить духовенству жалованье в размере 300 руб. на весь причт. Местное духовенство, недовольное сокращением своих доходов, начало борьбу с церковноприходским советом³⁵⁹. «Церковные ведомости» отмечали, что в некоторых епархиях (например, Орловской) бывали случаи, когда в состав приходских советов «проникали лица, заведомо враждебно настроенные в отношении к церкви и духовенству;

³⁵⁵ ЦГИА, ф. 797, оп. 76, III отд., 5-й стол, д. 10, л. 677.

³⁵⁶ Всеподданнейший отчет обер-прокурора св. Синода по ведомству православного исповедания за 1905—1907 гг., с. 293.

³⁵⁷ Там же, с. 304; Приложения, с. 268.

³⁵⁸ Там же. Приложения, с. 78—79, 82—83, 86—87. Подсчет автора.

³⁵⁹ Прибавления..., 1907, 10 марта, с. 463.

деятельность их причиняла иногда весьма крупные затруднения местному духовенству и большие неприятности епархиальной власти»³⁶⁰. По-видимому, подобные же явления наблюдались и в Подольской губернии. «Опыт жизни неопровергимо свидетельствует,— писал подольский священник В. Левицкий,— что среди крестьян имеются столь же вредные для церкви элементы, как и среди интеллигенции... Если в настоящее время «попофобы» немало зла причинили церкви, то для будущего ограждение паства от них безусловно необходимо»³⁶¹. Антиклерикальные выступления крестьян явились одной из причин того, что церковноприходские советы не получили широкого распространения.

В известном исследовании С. М. Дубровского говорится, что крестьянские выступления против духовенства в период первой русской революции «тонули в общей борьбе против помещиков и царских властей». На основании документов Департамента полиции и сообщений печати автор насчитал всего 33 выступления против духовенства, определив их удельный вес в 0,5% от общего числа крестьянских выступлений³⁶². Отдавая должное проделанной автором кропотливой работе по изучению крестьянского движения, нельзя не обратить внимания на очевидную неполноту отмеченных сведений. Поскольку автор не использовал церковной периодики и синодальных архивов, в его поле зрения в более или менее полном объеме попали антиклерикальные выступления лишь в их наиболее острой форме (прежде всего случаи захвата церковных и монастырских земель). К тому же статистический подход вообще не может дать исчерпывающего представления о крестьянском движении, в том числе и антиклерикальном. Например, самая массовая форма антиклерикального движения, снижение платы за требоисправления, явно не поддается статистическому анализу (нам неизвестны цифры для измерения всех параметров этого движения). В связи с этим должна отпасть и приводимая автором половина процента, ибо она явно бессильна отразить происходившее в годы революции вытеснение религиозного сознания в многомиллионных массах крестьянства. «За последние два года,— писал воронежский архиепископ Анастасий в отчете за 1906 г.,— в нашем простом народе замечается упадок религиозности и какое-то нравственное брожение, особенно среди подрастающей молодежи, где более всего обнаруживается расшатанность устоев»³⁶³. Владимирский губернатор, в свою очередь, доносил царю, что крестьянство начинает уклоняться от посещения храмов и исполнения церковных обрядов. «Горестно!» — пометил царь на губернаторском отче-

³⁶⁰ Там же, 1907, 20 янв., с. 91—92.

³⁶¹ Там же, 1907, 10 марта, с. 462.

³⁶² Дубровский С. М. Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. М., 1956, с. 65.

³⁶³ ЦГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2139, л. 16.

те³⁶⁴. Вряд ли архиерей, губернатор и царь горевали всего лишь над «половинкой процента». Может быть, правильнее сказать, что антиклерикальные выступления не «тонули» в общем потоке крестьянского движения, а сообщали ему дополнительный своеобразный колорит³⁶⁵.

В западной историографии бытует мнение, что крестьянские выступления против правительства и церкви носили местный характер. Ведя борьбу против местных властей, светских и духовных, крестьяне якобы продолжали оставаться верующими монархистами. «Жестокость полиции, вымогательства местного священника,— пишет английский историк Дж. Кип,— могли послужить причиной трений, но это не переходило в осуждение существующей системы в целом»³⁶⁶. Эта точка зрения уже подвергалась критическому разбору в советской литературе³⁶⁷. В настоящем разделе также приводились факты, опровергающие утверждения западных авторов. Достаточно вспомнить высказывание крестьян села Ильмина, изгнавших своего священника. Как свидетельствуют источники, открытые выступления крестьян против духовенства происходили на фоне общего снижения уровня религиозности, выражавшегося в не столь ревностном посещении храмов, менее почтительном отношении к служителям религии и т. д.

Конечно, нельзя сказать, что все выступления крестьян против духовенства свидетельствовали о разрыве их с религией. Но нельзя не учитывать и того, что антиклерикальное движение русского крестьянства происходило в изменившихся исторических условиях. В эпоху средневековья, когда религиозное мировоззрение являлось безраздельно господствующим, крестьянские реформационные движения приводили к смене одной религии другой, более «совершенной». В России же периода первой русской революции действовали вполне сложившиеся светские партии, существовало мощное рабочее движение, быстро распространялось социалистическое учение. В этих условиях отход от официальной церкви вовсе не обязательно вел к поиску новых религиозных форм, к ересям и сектам. В Центральной России массовое антиклерикальное крестьянское движение явно превосходило по своим масштабам рост отдельных сект и старообрядческих согласий. Для миллионов русских крестьян отход от казенной церкви, начатый в пореформенный период и ускоренный в годы первой рус-

³⁶⁴ Емелях Л. И. Указ. соч., с. 106.

³⁶⁵ В настоящей работе указаны лишь основные моменты крестьянского антиклерикального движения. Более полные фактические сведения читатель найдет в монографии Л. И. Емелях. Как справедливо отмечает Е. А. Преображенская, «приведенные Л. И. Емелях свидетельства позволяют оспорить вывод С. М. Дубровского о том, что выступления против духовенства „тонули в общей борьбе против помещиков и царских властей“». (Проблемы истории СССР, вып. 5, с. 407).

³⁶⁶ Keer J. L. H. The Rise of Social Democracy in Russia. Oxford, 1963, p. 268.

³⁶⁷ Зырянов П. Н., Шелохов В. В. Первая русская революция в американской и английской буржуазной историографии. М., 1976, с. 91—95.

ской революции, был началом пути к восприятию пролетарской идеологии — социалистического учения. Даже в официальной церковной печати проскальзывали признания того, что рабочий класс «сеет свою цивилизацию по всему крестьянству»³⁶⁸.

В годы революции в русле антиклерикального движения оказались не только рабочие, крестьяне и учащаяся молодежь (прежде всего семинаристы). Это движение стало проявляться даже в армии. В начале 1906 г. вольноопределяющиеся 7-го Туркестанского стрелкового батальона Никифоров, Люкевич и Крыжаповский были замечены бригадным священником А. Райковым «в уклонении от веры». Священник донес об этом своему начальству и получил указание вступить с подозрительными солдатами в собеседование о «предметах веры». Во время собеседования Крыжановский отсутствовал, Никифоров объявил себя атеистом, а Люкевич — колеблющимся. Поскольку в законодательстве отсутствовали на этот счет прямые указания, командующий Туркестанским военным округом доложил о наличии солдат-атеистов в Главный штаб. Помимо последнего, в переписку по этому вопросу были вовлечены Главное военно-судное управление, I департамент Министерства юстиции, товарищ обер-прокурора Синода и протопресвитер военного и морского духовенства. Все они должны были прийти к выводу, что «точный смысл высочайшего указа 17 апреля 1905 г. устраниет всякую возможность принятия каких-либо репрессивных мер относительно лиц, объявивших себя атеистами, покуда последние не приступят к учинению действий... известных в законодательстве под именем «совращения православных в иное вероисповедание, учение или sectu»». Исходя из этого, Синод, в определении от 31 июля — 21 августа 1907 г., должен был ограничиться рекомендацией мер «духовного увещания и вразумления»³⁶⁹.

Развернувшееся в годы первой русской революции народное антиклерикальное движение характеризовалось многочисленностью своих участников и многообразием форм борьбы. На всем протяжении революции наблюдалось диалектическое взаимодействие самых острых и наиболее массовых форм борьбы. Первые пытались вторыми и, в свою очередь, их усиливали. Естественно, что наиболее острые формы борьбы чаще имели место в деревне, где гнет официальной церкви был сильнее, где «твёрдыни православия» были еще почти нетронуты и их приходилось брать штурмом. По мере отступления революции количество антиклерикальных выступлений в наиболее острой форме постепенно сокращалось. В 1906 г. их было больше, чем в 1907 г. Этого нельзя сказать о наиболее массовых формах антиклерикального движения. В источниках не зафиксировано, что в 1907 г. уровень религиозности поднялся по сравнению с 1905—1906 гг. или что священникам повысили плату за требописания. Скорее, дело

³⁶⁸ Прибавления..., 1906, 22 апр., с. 918.

³⁶⁹ ЦГИА, ф. 797, оп. 76, II отд., 3-й стол, д. 464, л. 15—16.

обстояло как раз наоборот. Об этом косвенно свидетельствуют и некоторые цифры. В 1905 г. местные поступления на нужды церковноприходских школ были выше, чем в 1906 г., а в 1906 г. выше, чем в 1907 г. Расходы церковноприходских попечительств в 1906 г. несколько выросли по сравнению с 1905 г., но в 1907 г. опустились ниже уровня этих двух лет³⁷⁰. Все это говорит о том, что наиболее острые по своей форме антиклерикальные выступления, вплетавшиеся в общий поток революционного движения, были подавлены преимущественно мерами военно-административного воздействия. Массовые же формы антиклерикального движения можно было подавить только путем идеологического воздействия. Между тем ход идеологических сражений складывался для правительства и официальной церкви отнюдь не столь успешно, как предпринятые царизмом широкомасштабные карательные операции.

³⁷⁰ Всеподданнейший отчет обер-прокурора св. Синода по ведомству православного исповедания за 1905—1907 гг., с. 304; Приложения, с. 78—79, 82—83, 86—87.

Заключение

Основные выводы, вытекающие из настоящей работы, были сделаны по ходу изложения. Подведем общие итоги. Православная российская церковь была связана с самодержавием прочными политическими, экономическими и идеологическими узами. В известном смысле православная церковь являлась частью государственной машины самодержавия.

Союз между церковью и государством в России не был равным и не был свободен от внутренних противоречий. Однако в начале XX в. все еще преобладали тенденции к сплочению этого союза однородных социально-политических сил. Православная церковь пользовалась своим привилегированным положением в государстве, а самодержавие использовало ее для поддержания угодных ему порядков.

Сращивание православной церкви с государственным аппаратом самодержавия говорило о ее докапиталистической, архаичной природе. Церковь располагала мощными средствами идеологического воздействия на народ, но ее организация и социальная доктрина не отвечали условиям буржуазного общества с присущими ему острыми социальными противоречиями. Церковная проповедь была рассчитана на политически неразвитого, патриархального и набожного «простолюдина». В начале XX в. такой тип почти совершенно исчез из городской жизни и оттеснялся на задний план в деревне, где усиливалась борьба против помещичьего землевладения и обострялись внутриобщинные противоречия. Церковь черпала свои социальные идеалы в прошлом, и этим «идеалам» гораздо ближе были существующие социальные и политические порядки, чем те перемены, за которые боролись рабочие и крестьяне, которые диктовались самой жизнью.

Союз с самодержавием, средневековые привилегии, владение докапиталистическими латифундиями, патриархальная социальная доктрина — все это прочно привязывало церковь к старым порядкам и придавало ей особую контрреволюционность. Но это же обусловило и тот затяжной внутренний кризис, в котором церковь находилась в течение всего пореформенного периода. Причины кризиса заключались в глубоком несоответствии ее обветшальных социально-политических установок и внутреннего устройства сложившимся в стране капиталистическим отношениям. Важнейшие проявления этого кризиса обнаруживались в постепенном отходе от церкви народных масс, в росте религиозного индифферентизма и антиклерикальных настроений среди народа. Все это было заметно еще до начала первой русской революции.

Отмеченные в настоящей работе особенности организационно-

го устройства и социально-политической доктрины православной церкви в значительной степени предопределили ее политику в период революции. Верный союзник самодержавия, церковь начала борьбу с революционным движением еще задолго до первых событий 1905 г. Можно сказать, что на всех этапах освободительного движения церковь выступала в качестве его противника. В начале XX в. одной из форм борьбы церкви с революционным движением являлась гапоновщина, насаждавшаяся совместными усилиями полиции и духовенства.

Провал гапоновщины и начало революции вызвали еще большее расширение борьбы церкви с революционным движением. Заметной вехой здесь стало синодальное послание 15 января 1905 г. В борьбу с революцией включились все слои и подразделения духовенства. Церковники пропагандировали самодержавно-монархические принципы, травили революционеров и передовую интеллигенцию, боролись с массовым революционным движением. Однако на этом этапе, с января по осень 1905 г., борьба церкви с революцией носила еще спорадический характер, в ней отсутствовали организованность и планомерность. Церковное руководство еще не вполне оценило масштабы революции. С указанным направлением в деятельности Синода еще конкурировала борьба с «иноверием» и «расколо-сектантством», которую до начала революции церковное руководство считало главным направлением своей политики.

Борьба с революцией окончательно утвердила в качестве главного направления церковной политики после смены церковного руководства осенью 1905 г. Новый этап борьбы церкви с революцией, продолжавшийся до конца 1905 г., характеризовался переходом от спорадических, хотя и многочисленных, выступлений против революции, от экстремистских актов правого крыла духовенства к широкой и организованной фронтальной борьбе с революцией. В этот же период определились стратегические направления и тактические приемы этой борьбы. Православное духовенство пыталось действовать прежде всего на «тылы» революционного движения, последовательно отделяя от него более или менее отсталые отряды. Важнейшую свою задачу церковники видели в том, чтобы вывести из революционной борьбы крестьянство, усиленная идеологическая обработка которого в ряде губерний началась еще летом 1905 г.

Свои особенности имел и третий этап борьбы церкви с революцией, охватывающий период с января 1906 г. до третьего юньского государственного переворота. Если в 1905 г. главной формой контрреволюционной деятельности духовенства являлись прямые вмешательства в революционные события, то в 1906–1907 гг. оно действовало гораздо осторожнее. Одновременно наблюдалось неизвестное расширение пропагандистской деятельности церкви. Так что речь может идти не о свертывании, а, напротив, о расширении контрреволюционной деятельности церкви в условиях отступления революции.

Запустив на полную мощность свой пропагандистский аппарат, церковь усиленно распространяла среди рабочих и крестьян идеи монархизма, защищала существующие социальные порядки, пытаясь остановить распространение социалистического учения, насадить в рабочей и крестьянской среде контролируемые ею организации. Официальная церковь одобрила карательную политику правительства, а отдельные ее представители — даже смертную казнь (другие, как мы видели, уклонились от подачи голоса за ее отмену). В периоды избирательных кампаний в I и II Думы церковь выступала с претензией на руководство всем правым движением.

Особыми направлениями контрреволюционной деятельности официальной церкви явились борьба против священников-демократов во II Думе и разгром Общесеминарского союза весной-летом 1907 г. В обоих случаях церковь действовала в тесном контакте с царскими властями. Выше было показано участие церкви в подготовке и проведении третьеиюньянского государственного переворота. Церковь не оставляла борьбу с революционным движением и после 3 июня 1907 г. Однако это предмет дальнейших исследований по данной тематике.

Вместе с тем борьба церкви с массовым революционным движением в 1905—1907 гг. обнаружила малую эффективность используемых церковью традиционных средств воздействия на народ. В церковных кругах и в правительстве остро встал вопрос о выработке новых средств воздействия на народ и о способах усиления авторитета господствующей церкви. Попытки выработать такие средства — одно из направлений церковной борьбы против революции. В церковную «штабную» работу были вовлечены представители иерархии, светской бюрократии, обновленческого духовенства. На разных этапах, как уже отмечалось, инициатива в этом деле принадлежала разным группам: иерархии, обновленцам, лично обер-прокурору и снова иерархии. Каждая из перечисленных групп рассматривала дело церковных реформ под своим собственным углом зрения. Представители бюрократии нетерпеливо ожидали от церкви «возрождения» и «сближения», не сознавая, что первым условием какого-то подобия таких перемен является отделение церкви от государственной машины царизма. Иерархия, не помышлявшая об отделении, все свои усилия направляла на то, чтобы улучшить свое положение в рамках существующей системы. Ей казалось, что достаточно восстановить патриаршество, чтобы народ хлынул в церкви и забыл о революции. В целом предложенные иерархией реформы отнюдь не составляли реформации, т. е. комплекса мероприятий, направленных на приспособление церкви к условиям буржуазного общества, на повышение ее боеспособности в борьбе с революционным движением.

«Русское издание реформации», оказавшееся весьма умеренным ее вариантом, было разработано обновленческим духовенством. Однако последнее не располагало ни достаточной силой, ни

решительностью, чтобы добиться проведения ее в жизнь. Но и иерархии не удалось осуществить свою программу вследствие молчаливого сопротивления правительства. В его среде преобладало скептическое отношение к архиерейским реформам и, кроме того, видимо, существовали опасения относительно политических последствий восстановления патриаршества. Стороны так и не смогли договориться, и «штабная работа» церкви свелась к борьбе группировок, усиливавшей дезорганизацию в правительственном лагере. Впрочем, некоторые частные проекты (например, церковноприходские советы, приходские «братьства») были проведены в жизнь и опробованы в ходе революции, но результаты этих опытов разочаровали их авторов.

Не осуществив реформ, церковь не смогла остановить действие факторов, порождавших ее внутренний кризис, значительно обострившийся в годы революции. Одним из показателей этого кризиса было движение обновленцев. Автор настоящей работы не разделяет прямо или косвенно высказанного в ряде работ положения о том, что обновленцы выражали мнение всего рядового духовенства. Выше было показано, что основная масса духовенства послушно следовала в русле политики иерархии. Для обновленческого же движения 1905–1907 гг. характерны три основные особенности: малочисленность, кружковщина и политический консерватизм, связанный с враждебным отношением к революционному движению. В течение всего 1905 г. обновленцы оставались в границах правительственно-реакционного лагеря. Лишь в период I Думы они на короткое время примкнули к кадетам, но скоро оставили их и вновь сдвинулись вправо. К концу революции обновленцы были ближе к октябристам, чем к кадетам, т. е. находились на границе, отделяющей правый лагерь от либерального. Кстати сказать, октябристы, поддерживавшие политику правительства, имели много родственных черт с черносотенцами и границу между правым лагерем и либеральным не следует абсолютизировать. Это была «открытая граница». Нахождение кучки притихших обновленцев в двух шагах по ту сторону границы не может быть серьезным основанием для того, чтобы считать, что силы господствующей церкви распределились по двум политическим лагерям. Что же касается священников-демократов, то среди духовенства это были одиночки, не связанные с обновленческим движением и в большинстве случаев не занимавшиеся внутрицерковными вопросами.

Наряду с обновленческим крылом в церкви, как известно, выделилось и крайне правое, черносотенное. Особой остроты церковный кризис достиг в конце 1905 – начале 1906 г. В эти несколько месяцев православная церковь оказалась на пороге того двойного раскола, который произошел в ней после Октябрьской революции, когда, с одной стороны, в особую организацию выделились обновленцы, а с другой – откололось правое крыло во главе с Антонием (Храповицким). В 1906 г. все предпосылки такого раскола еще не созрели. Исключив из своих рядов священников-де-

мократов и даже некоторых либералов, припугнув других, поставив под свой контроль обновленческое движение, сблизившись с крайне правым крылом, церковное руководство восстановило видимость церковного единства. Однако церковный кризис не был преодолен.

Не был преодолен и кризис в отношениях между церковью и правящей бюрократией. Правительство саботировало проведение разработанных иерархией реформ и продолжало грубо вмешиваться во внутрицерковные дела. Были и другие причины, вносящие трения во взаимоотношения духовных и светских властей. В этот период самодержавие сделало «второй шаг» по пути превращения в буржуазную монархию. Правительство перешло к политике бо́напартистского лавирования. «Став по необходимости окончательно на путь капиталистического развития России,— писал В. И. Ленин,— и стремясь отстоять именно такой путь, который сохранял бы за крепостниками — землевладельцами их власть и их доходы, самодержавие лавирует между этим классом и представителями капитала»¹.

Предпринятые церковным руководством в течение 1905—1907 гг. некоторые меры по сближению с буржуазными элементами носили частный характер, они не дают оснований для вывода о том, что церковь «лавировала» вместе с правительством. Не сделала она ни одного реального шага и в сторону буржуазной реформации. Эволюция самодержавия в целом опережала эволюцию господствующей церкви. В итоге официальная церковь оказалась на более правых позициях, нежели официальное правительство, что нашло отражение, в частности, в критике многими высокопоставленными церковниками правительственной политики по религиозному вопросу.

Кризис в отношениях между светской и духовной бюрократией являлся отражением общего кризиса самодержавной системы. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что в период 1905—1907 гг. продолжали действовать гораздо более мощные тенденции к сплочению духовных и светских властей. Прежде всего их объединяла общая борьба с революционным движением.

Вековой гнет «религиозного крепостничества», союз церкви с самодержавием и ее борьба с революцией предопределили то обстоятельство, что народное революционное движение в России приобрело и антиклерикальную направленность. Антиклерикальное движение было главным проявлением внутрицерковного кризиса и одновременно — неотъемлемой частью общего потока революционного движения 1905—1907 гг. В авангарде антиклерикальной борьбы шел пролетариат во главе с партией большевиков. В ее программе были четко сформулированы лозунги антиклерикального движения: отделение церкви от государства и школы от церкви, конфискация церковных и монастырских земель. В среде рабочего класса почти не пользовалась успехом церковная про-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 325.

паганда, быстрее совершался отход от официальной церкви, шире распространялось социалистическое учение. Сами церковники признавали влияние рабочих на изменение умонастроений среди крестьянства.

В деревне сильнее ощущался гнет официальной церкви, к тому же церковь располагала в ряде мест крупными земельными владениями. Антиклерикальное движение в деревне проявлялось как в мирных, так и в немирных формах, вплетаясь в общий контекст крестьянской борьбы. Антиклерикальные выступления происходили даже в церковноприходских советах, созданных специально для борьбы с революцией.

В настоящей работе была сделана попытка выделить наиболее острые формы антиклерикального движения (захват церковной и монастырской земли, изгнание реакционных священников, антиклерикальные демонстрации и пр.) и наиболее массовые его формы (уменьшение посещаемости церквей, снижение платы за требоисправления, отказ в финансовой поддержке церковных школ и т. п.). Наиболее решительные антиклерикальные выступления, несомненно, происходили на фоне массовых форм антиклерикального движения. Вплетаясь в общий ход крестьянской борьбы, антиклерикальные выступления в их наиболее острых формах имели широкое распространение в 1905—1906 гг. В 1907 г. их количество сократилось. Наоборот, массовые антиклерикальные выступления не показали явной тенденции к сокращению. В первом случае выступления подавлялись при помощи карательной машины царизма. Против вторых имелось только одно средство — идеологическое воздействие церкви. Если же отход от господствующей церкви продолжался, значит церковь и самодержавие пропагандировали идеологические сражения, развернувшиеся в ходе революции².

Церковное руководство не учло уроков первой русской революции. В последующий период церковь продолжала борьбу против революционного движения и социалистических идей. Еще более усилились клерикальные тенденции. Церковники упорно и систематически сопротивлялись всем попыткам укрепить в стране начала веротерпимости. Натолкнувшись на противодействие клерикалов и прочих реакционеров, правительствоказалось от дальнейших вероисповедных реформ.

В 1911 г. на пост обер-прокурора был назначен В. К. Саблер. Это означало возвращение правительства к обанкротившейся политике Победоносцева. Одновременно росло влияние придворной

² Об антиклерикальном движении после первой русской революции см.: Кадсон И. З. Отношение рабочих различных районов России к религии и церкви (1907—1916).— В кн.: Рабочие России в эпоху капитализма. Сравнительный порайонный анализ: Материалы к научной сессии по истории рабочего класса. Ростов-на-Дону, 1972; Емелях Л. И. Исторические предпосылки преодоления религии в советской деревне: (Секуляризация деревни накануне Октября).— В кн.: Актуальные проблемы истории религии и атеизма: Сб. научных трудов. Л., 1975, вып. 1.

камарильи на церковные дела. Особенно сильным это влияние стало в годы первой мировой войны. Известный проходимец и царский фаворит Г. Е. Распутин присвоил себе роль фактического обер-прокурора. По указке царицы, Распутина и фрейлины А. Вырубовой производились перемещения членов Синода и высших иерархов. Камарилья вмешивалась во все церковные дела, вплоть до канонизации святых. Все это приводило к тому, что даже консервативно настроенные члены Синода становились в оппозицию к существующему режиму. Кризис в отношениях между церковью и самодержавием достиг небывалой остроты, и это сказалось на позиции церкви в решающие дни Февральской буржуазно-демократической революции.

Временное правительство не провело в жизнь принцип свободы совести, ограничившись введением веротерпимости. Православная церковь не была отделена от государства и фактически продолжала сохранять господствующее положение.

В августе 1917 г., в обстановке временного наступления контрреволюции, открылся Поместный собор Православной российской церкви. Ведущую роль на нем играла иерархия. Ее поддерживали представители дворянства, чиновничества, реакционная часть белого духовенства. Собор стал одним из центров притяжения контрреволюционных сил. Избранный собором патриарх Тихон (в 1905—1907 гг. он занимал кафедру епископа североамериканского) выступал с призывами к борьбе против Советской власти³.

В годы гражданской войны и иностранной военной интервенции многие церковники находились в рядах белогвардейских армий, а после их разгрома эмигрировали за границу, создав так называемую «русскую зарубежную церковь». Одним из руководителей этой «церкви» был Антоний (Храповицкий)⁴.

В 1923 г. в самостоятельную организацию выделилось обновленческое духовенство, которое стремилось учесть изменившуюся обстановку, перестроить церковное учение применительно к социалистической действительности.

Происходил массовый отход трудящихся от религии и церкви. В таких условиях, под давлением рядовых верующих, русская православная церковь постепенно меняла свое отношение к Советской власти. В 1923 г. патриарх Тихон отказался от антисоветской деятельности. Для урегулирования отношений с Советским правительством многое сделал его преемник Сергий (Страгородский), с 1905 по 1917 г. занимавший кафедру архиепископа финляндского, с 1925 г.—заместитель, а с 1937 г.—местоблюститель патриаршего престола, с 1943 г.—патриарх. Переход церкви на позиции лояльного отношения к Советской власти содействовал преодолению разногласий с обновленцами, в результате чего произошло возвращение обновленческого духовенства в православную церковь.

³ Грекулов Е. Ф. Церковь, самодержавие, народ. М., 1969. с. 172.

⁴ Гордиенко Н. С., Комаров П. М., Курочкин П. К. Политканы от религии. Правда о «русской зарубежной церкви». М., 1975.

В период Великой Отечественной войны руководство православной церкви занимало патриотические позиции. Церковь проводила среди духовенства и верующих широкий сбор средств на нужды фронта. Патриотическая деятельность патриарха Алексия (Симанского) отмечена правительственные наградами.

В послевоенные годы церковь включилась в движение сторонников мира. Значительно изменилась церковная проповедь, которая теперь, как уже отмечалось в начале монографии, ориентирует верующих на активное участие в общенародном труде. Все говорит о том, что поворот, начатый церковным руководством в 20-х годах, был выражением объективной тенденции приспособления церкви к условиям социализма, когда ее политику перестали определять свергнутые революцией и побежденные в гражданской войне эксплуататорские классы, принадлежность к церкви приобрела исключительно добровольный характер, была легализована и получила развитие научно-атеистическая работа, а рядовые верующие, все более проникавшиеся духовными ценностями социализма, стали оказывать гораздо более сильное воздействие на политику церкви.

Учитывая нынешнюю позицию церковного руководства, вместе с тем нельзя забывать о том, что любое религиозное учение по своей основе несовместимо с научным мировоззрением, с марксизмом-ленинизмом, на базе которого ведется строительство нового общества в СССР. Не должны мы забывать и прошлой истории церкви. В этой истории мы не видели ничего божественного, и главный вывод состоит в том, что до победы революции, до свержения эксплуататорских классов церковь служила именно этим классам, с высшими слоями которых тесно смыкалась верхушка православного духовенства. Именно поэтому в период 1905–1907 гг. церковь пыталась отстоять старые порядки, защищала царизм, боролась с революцией.

Указатель имен

- Агапит, викарный епископ 142
Агафангел, епископ рижский 114, 186, 192
Аквилонов Е. 139, 156
Аксаков Н. П. 60, 175, 178
Александр II 52, 121
Александр III 117
Александра Фёдоровна, императрица 122
Алексей Михайлович, царь 25
Алексий, епископ таврический 116, 118, 133, 136, 142
Алексий, епископ тверской 199
Алексий (Симанский), патриарх 219
Алмазов А. И. 182
Анастасий, архиепископ воронежский 96, 130, 167, 208
Анастасий, епископ серпуховский 123
Анатолий, епископ елисаветградский 123, 143
Андреев В. М. 12
Андреевский Н. 92
Андрей, архимандрит 93
Антоний (Вадковский), митрополит петербургский 13, 45—47, 52, 53, 61—64, 66, 67, 69—72, 75, 85, 86, 98, 100, 117, 127, 137, 143, 160, 168, 170, 171, 173—175, 182, 183, 188
Антоний (Храповицкий), епископ (позднее — архиепископ) волынский 25, 27, 28, 30, 54—56, 64, 68, 72, 88, 129, 137, 141, 142, 162, 175, 179, 182, 184, 188, 192, 215, 218
Антоний, епископ тобольский 199
Антонин (Грановский) епископ наарвский 104, 155
Арсений, архиепископ харьковский 96, 136, 204
Арсений, епископ псковский 74, 188
Архипов А. В. 167, 173
Афанасьев К. И. 156, 159
Афонасьев 112
- Байрон Дж. 83
Бакаев Ю. Н. 111, 204
Барсов Т. 22
Беликов Д. Н. 137
Беляева Е. К. 42, 55
Бердников И. С. 186
Берёза А. 120
Блок А. А. 24
- Богоявленский К., священник с. Лядовки 92
Богоявленский К., священник с. Моршани 57
Богоявленский М. 38, 131
Бонч-Бруевич В. Д. 9, 49
Борисоглебский Н. Н. 105, 106
Бриллиантов А., священник 167, 172, 173
Бриллиантов А. И., профессор 180
Бронзов А. 124
Бузько Д. 197
Булгаков С. Н. 165, 172
Булыгин А. Г. 82
Буткевич Т. И. 137, 139
Бухбиндер Н. А. 43
Бэрд Т. 7
- Введенский Ф. 123
Венедиктов Д. 44, 45
Вениамин, епископ калужский 72
Виталий, архимандрит 141
Витте С. Ю. 14, 50, 62—71, 76, 85—88, 96, 143, 154, 177, 179, 187, 201
Владимир Александрович, великий князь 51
Владимир (Богоявленский), митрополит московский 42, 52, 64, 70, 86, 88, 104, 122—126, 131, 142, 143, 183, 185, 188
Владимир, епископ екатеринбургский 87
Владимирский Ф. И. 167
Воздвиженский П. Ф. 155, 156
Воскресенский Н. 91
Восторгов И. И. 119, 139, 142
Буич Э. И. 50
Вырубова А. 218
- Галахов 77
Ганелин Р. Ш. 50
Гапон Г. А. 6, 14, 32, 42—49, 52, 54, 75, 110
Гашкевич М. П. 167
Генц А. 124
Гермоген, епископ саратовский 56, 64, 87, 141, 164, 179
Георгиевский К. 147
Герценштейн М. Я. 192
Герштанский Д. И. 167
Гёте И. В. 83
Глубоковский Н. Н. 181
Гоббс Т. 17

Гоголь Н. В. 200
Голиков А. И. 106
Голубев С. Т. 180, 183
Гондатти Н. Л. 199
Гончаров И. А. 83
Гордиенко Н. С. 12, 103, 218
Горемыкин И. Л. 179
Горчаков М. И. 137, 155
Горский А. М. 121
Грекулов Е. Ф. 10, 11, 24, 168, 218
Гринвальд П. 92
Гриневич А. И. 167, 173
Гума В. И. 155
Гурий, епископ новгородский 72
Гурий, епископ симбирский 142
Гурко В. И. 154

Давид, архимандрит, 147
Диккенс Ч. 83
Дилигенский А. А. 106
Димитрий, архиепископ казанский 147
Димитрий (Ковальницкий), архиепископ херсонский 87, 123, 137, 138, 143, 145, 177, 178, 180, 188, 190, 192
Долгоруков П. Д. 165
Достоевский Ф. М. 83
Дрезен А. К. 15, 91
Дубровин А. И. 143
Дубровский С. М. 208, 209
Дурново Н. 70
Дурново П. Н. 51, 73
Дьяков А. 148
Дякин В. С. 144, 179

Евдоким, викарный епископ 119
Евлогий (Георгиевский), епископ люблинский, затем холмский, позднее — митрополит 14, 27, 30, 32, 37, 62, 87, 95, 164, 167, 203
Емелях Л. И. 5, 113, 114, 206, 209, 217

Желобовский А. А. 91, 96

Завитневич В. З. 75, 175, 181
Зайончковский П. А. 24
Заозерский Н. А. 180—182, 192
Зимон Г. 7
Зубатов С. В. 44, 53
Зыбковец В. Ф. 31, 32
Зырянов П. Н. 209

Игнатьева С. С. 179
Извольский П. П. 163, 187, 192, 193, 198, 199
Илиодор (Труфанов), иеромонах 141, 143
Иннокентий, епископ тамбовский 118, 140
Иоаким, епископ оренбургский 123

Иоанникий, митрополит киевский 30
Исидор, епископ балахнинский 147

Кадсон И. З. 217
Калачов В. 184
Канделоро Дж. 19
Кандидов Б. П. 11
Кареев Н. И. 153
Катанский А. 89, 90, 160
Кёслер Р. 7
Килимов А. 57
Кип Дж. 209
Киреев А. А. 175, 178, 179, 181
Кирилл, епископ гдовский 74, 127
Кирион, епископ орловский 39
Кирьянов Ю. И. 34
Клибанов А. И. 18, 39, 82
Климент, епископ винницкий 52, 72
Ключевский В. О. 165, 175, 177, 192
Колокольников К. А. 167, 173
Колчинский 203
Комаров П. М. 218
Комб Э. 203
Кондриков Б. В. 204
Концевич А. В. 155
Кочен Л. 154
Котляревский С. А. 165
Красников Н. П. 25
Крейдлина Л. М. 54
Кривошеин Н. 198
Крыжановский С. Е., товарищ министра 14, 192
Крыжановский, вольноопределяющийся 210
Кудрявцев П. 148
Кузнецов Н. Д. 63, 179—182
Купер Ф. 83
Купленский В. 98
Кургаев А. 205
Куров М. Н. 13
Курочкин П. К. 10, 12, 103, 218
Куртисс Дж. 6
Кутузов Г. 106, 107

Лаврентий, епископ тульский 72, 105
Ламздорф В. Н. 53
Ландышев Е. 111
Лаунци В. Ф. фон дер 140
Лев XIII, папа римский 18
Левашов 119
Левицкий В., публицист 58
Левицкий В., священник 88
Лейкина-Свирская В. Р. 34
Лелякевич 206
Ленин В. И. 7—9, 16—18, 21, 35, 47, 68, 71, 80, 81, 107, 216
Леонтьев П. 62
Литвинов Я. Я. 59
Лободовский М. 57
Лорис-Меликов М. Т. 23
Луначарский А. В. 9, 10

- Любимов Е. 57
 Любимов Д. Н. 14, 45, 47, 50, 51
 Любинецкий Н. А. 31, 36
Майн-Рид Т. 83
 Макарий, епископ томский 26, 48, 55, 64, 74, 86, 197, 204
 Маклаков В. А. 154
 Максимова Л. М. 44, 45
 Максоров С. 116
 Мануйлова Д. Е. 17, 18
 Маркс К. 17, 40
 Мешетич Н. Ф. 51
 Михаил, епископ омский 77
 Михаил (Семёнов), архимандрит 138
 Москалёв Ю. И. 19
 Муравьёв Н. В. 49, 50
 Мчедлов М. 4
Назаревский В. В. 123
Никанор, архиепископ варшавский 164
 Никанор, епископ гродненский 55
 Никанор, епископ пермский 192
 Никифоров 210
Николай I 23
Николай II 49, 50, 54, 67, 70, 73, 90, 98, 122, 136
 Николай, архиепископ финляндский 52, 162, 188,
 Николай, архимандрит 199
 Николай Николаевич, великий князь 170
 Никольский Б. В. 56, 88
 Никон, патриарх 181
 Никон, епископ владимирский, позднее — экзарх Грузии 113, 188
 Никон (Рождественский), епископ серпуховский, затем вологодский 86, 101, 120, 140, 142, 162, 188
 Новгородцев П. И. 165
 Новиков М. П. 4
 Оболенский А. Д. 23, 87, 96, 97, 101, 104, 106, 142, 144, 146, 152, 154, 176, 177, 179, 201
 Огнев Н. 156, 159
 Оловенников В. 143
 Онипко Ф. М. 205
 Острогорский И. 127
 Остроумов П. И. 183
 Орлов 206
 Орловский И. 92
 Павлюченко Н. В. 55, 115, 147
 Пальцов В. 116
 Папков А. 132, 186
 Парфений, епископ можайский 42, 55
 Парфений, епископ подольский 56, 87, 118
 Первовский Е. 57
 Персиц М. М. 5, 111
 Петров Г. С. 100, 167, 168, 173
 Пётр I 20—22, 25, 65, 172
 Пигулевский И. 91
 Пирский Н. В. 167
 Платон, епископ чигиринский 142, 167, 168
 Платонов Н. Ф. 11—13, 21, 153, 168
 Плеве В. К. 44
 Победоносцев К. П., обер-прокурор 4, 24, 25, 32, 43, 53, 55, 58, 59, 66, 67, 70—73, 85, 86, 88, 95, 96, 155, 179, 187, 217
 Победоносцев, священник 114
 Померанцев Д. 114
 Полянский И. В. 16, 94
 Попов 205
 Поссе В. А. 49
 Поташинская Н. Н. 19
 Поярков А. В. 156
 Преображенская Е. А. 10, 11, 13, 35, 209
 Приходский Г. 92
 Протасов Н. А. 23
 Протченко А. И. 110
 Путинцев Ф. 11
 Пушкин А. С. 200
 Райков А. 210
 Распутин Г. Е. 218
 Рогович А. П. 144, 145
 Рождественский А. П. 175, 178
 Розанов В. 38
 Розанов Н. П. 5, 6, 16, 39, 54, 55, 99, 101, 102, 185
 Романенко Б. П. 57
 Рувье М. 203
 Руманов А. В. 168, 173
 Саблер В. К. 72, 179, 217
 Самарин Ф. Д. 175, 178, 179, 182
 Светлов П. Я. 183
 Святополк-Мирский П. Д. 49—51
 Семенов А. Н. 168
 Семилуцкий А. 205
 Серафим (Чичагов), епископ орловский 118, 128, 133, 135, 160, 161, 197
 Серафим, епископ можайский 128
 Серебренников Н. 165
 Серебрянский С. 107
 Сергеев (Кронштадтский) Иоанн 57, 155, 179
 Сергей Александрович, великий князь 42
 Сергиевский А. 116
 Сергий (Страгородский), архиепископ финляндский (позднее — патриарх) 26, 74, 76, 186, 188, 192, 218
 Силин Ф. О. 93
 Симбирский (Насакин) Н. 43—45, 47—49, 51, 110

- Синодский А. 92
Смирнов А. 142, 166, 203
Соболев И. 91
Соловьев В. С. 96
Соловьев С. М. 104
Солонина В. А. 91
Степынин В. А. 113, 204, 205
Стефан, епископ могилевский 176, 184
Столыпин П. А. 143, 163, 168, 170, 187, 189, 190—192, 197
Суворов Н. С. 180

Тернавцев В. А. 133
Титлинов Б. В. 5, 6, 11, 13, 64, 173, 196
Титов Ф. 149
Тихвинский Ф. В. 7, 167, 172, 173
Тихомиров Л. А. 119, 185, 186
Тихон (Белавин), епископ североамериканский, позднее — патриарх 218
Тихон, епископ пензенский 192
Толстой Д. А. 23, 24
Толстой Л. Н. 79, 83
Трегубов И. 42
Трепов Д. Ф. 52—54, 99, 100
Трубецкой Е. Н. 175
Трусевич М. И. 197, 198
Тургенев И. С. 83

Уолкин Дж. 7
- Фейербах Л. 9
Филарет (Дроздов), митрополит московский 4
Флавиан (Городецкий), митрополит киевский 52, 72, 113, 142, 188, 189
Фуллон И. А. 44, 49, 51

Хавский А. 128
Хомяков Д. А. 175

Цветков А. 92

Чельцов М. 60
Чехов А. П. 121
Чехов Г. 56

Шарапов С. Ф. 69, 70, 134
Шелохаев В. В. 152, 153, 209
Шидловский Н. В. 54, 61, 103
Ширинский-Шихматов А. А. 72, 179, 183, 187, 189, 197
Шишкин В. Ф. 110, 111
Шустер У. А. 42, 44, 50

Щукин С. 137

Энгельс Ф. 17, 40

Юматов А. Д. 87

Якубович В. А. 168
Янышев И. Л. 91, 145

Оглавление

Введение	3
Глава первая	
Православие в системе царского самодержавия	17
Законодательное закрепление союза церкви и государства в царской России	19
Социально-политическая концепция православия в начале XX в.	25
Кризисные явления в православной церкви накануне революции 1905—1907 гг.	28
Глава вторая	
Начало первой русской революции и контрреволюционная деятельность церкви	41
Союз с самодержавием, борьба с революционным движением	41
Попытки укрепить «духовную ограду». Углубление внутреннего кризиса господствующей церкви	58
Глава третья	
Церковь в период высшего подъема революции	85
Черносотенные выступления духовенства. Расширение масштабов контрреволюционной деятельности церкви	85
Смена церковного руководства и вопрос о реформах. Начало политического разделения в духовенстве	95
Дальнейший отход от церкви народных масс. Антиклерикальное движение в 1905 г.	108
Глава четвертая	
Борьба церкви с революционным движением в 1906—1907 гг.	116
Усиление пропагандистской и организационной деятельности духовенства в период отступления революции	116
Контрреволюционная деятельность духовенства в период избирательных кампаний. Церковь и Дума	146
Правительство и церковь в 1906—1907 гг. Новый этап внутрицерковного кризиса	175
Антиклерикальное движение на втором этапе революции	202
Заключение	212
Указатель имен	220

47 kyn.

1 p. 70 n.